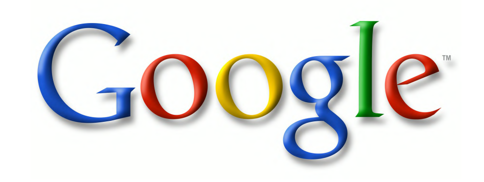
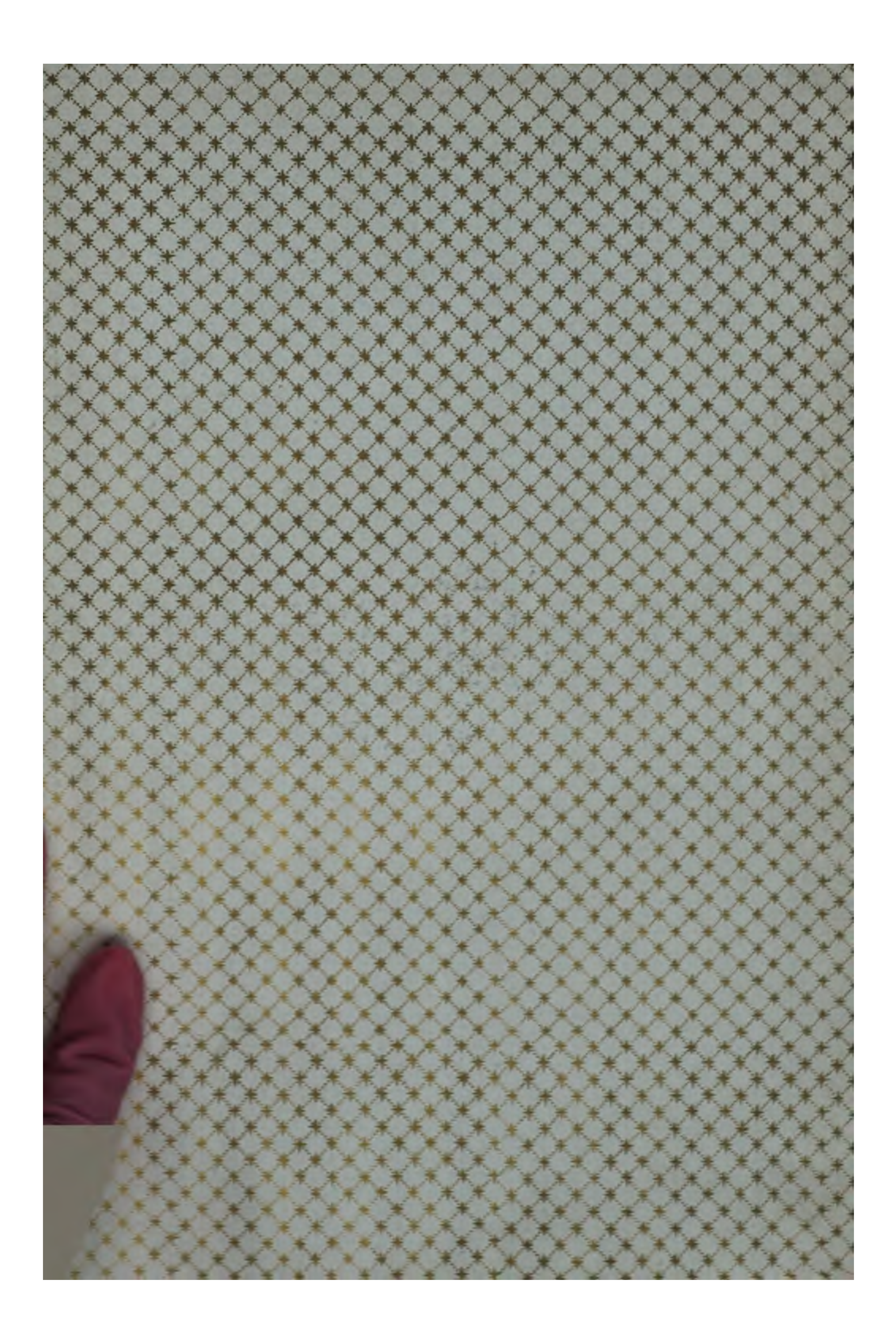

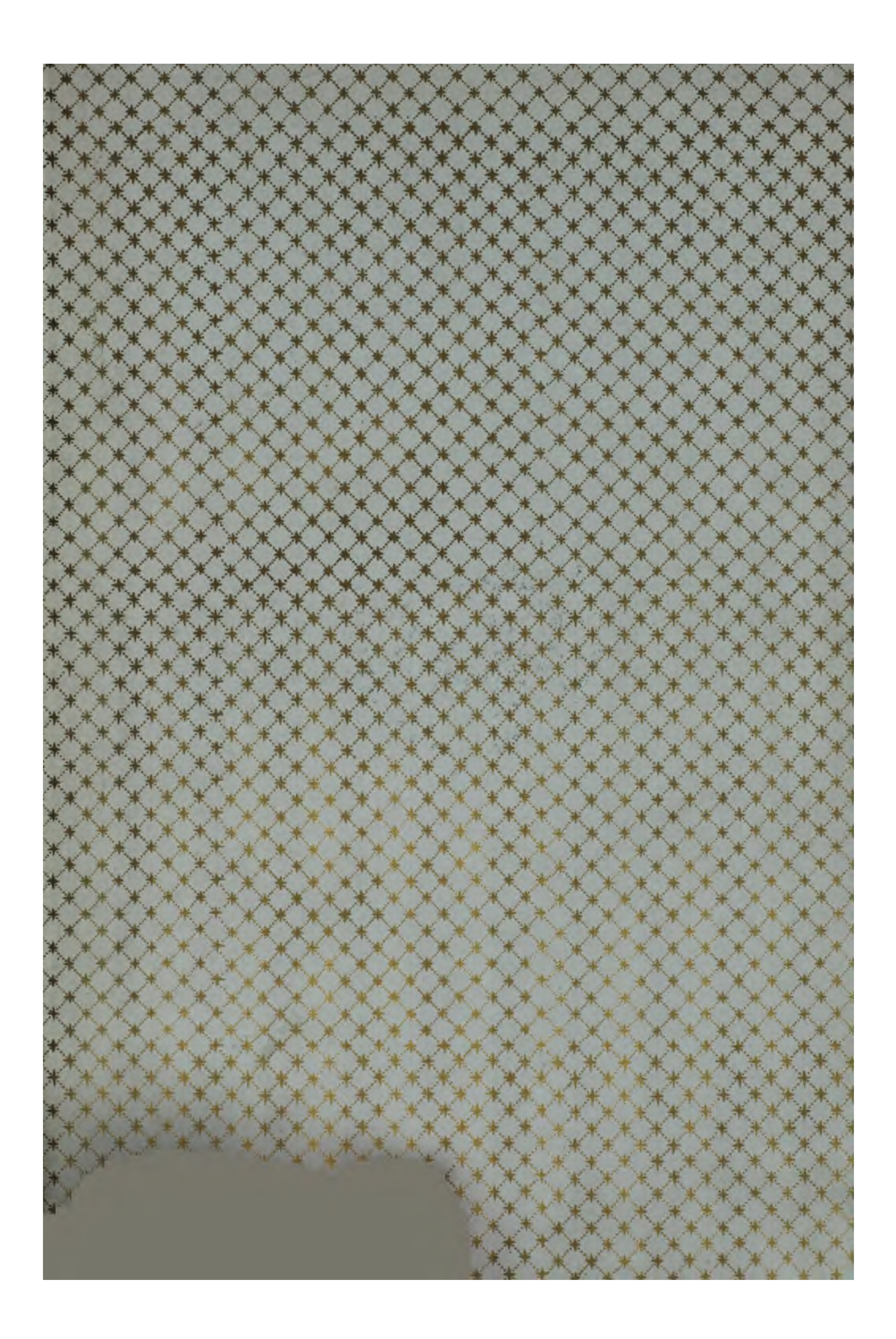
СОЧИНЕНІЯ

М. Ю.

ЛЕРМОНТОВА

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES
1817

Лермонтов, М.

М. Ю. Лермонтовъ.

СОЧИНЕНІЯ.

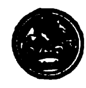
Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Я или Богъ,—или никто!...

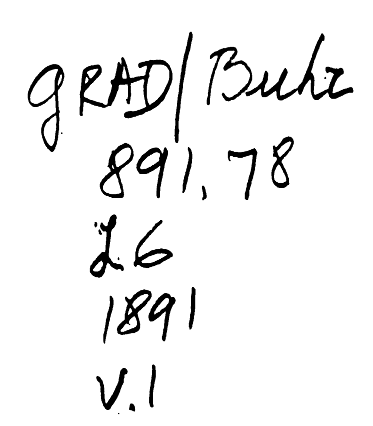
Рисунки художниковъ:

И. К. Айвазовскаго, В. М. Васнецова, А. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Е. Е. Волкова, Н. Н. Дубовскаго, С. В. Иванова, К. А. Коровина, В. К. Менка, В. Е. Маковскаго, В. Д. Полѣнова, Л. О. Пастернака, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго, В. А. Сѣрова, К. А. Трутовскаго, И. И. Шишкина.

Томъ I.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ
Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° и книжнаго магазина П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1891.

Клише рисунковъ изготовлены въ цинкографическихъ мастерскихъ въ Парижѣ у Башета, въ Мюнхенѣ у Мейзенбаха, въ Петербургѣ у Яблонскаго и въ Москвѣ у Ренара.

Фототипіи изготовлены въ собственной мастерской Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Дозволено цензурою. Москва, 10 іюля 1891 года.

Отъ издателей.

Приступая къ художественному изданію сочиненій М. Ю. Лермонтова, мы задались цѣлью сдѣлать это изданіе по возможности характернымъ и самостоятельнымъ въ художественномъ отношеніи. Такая задача представляла большія трудности.

Съ одной стороны, у насъ нѣтъ спеціалистовъ иллюстраторовъ, каковы, наприм., Доре, Каульбахъ, Лизенмайеръ и другія европейскія знаменитости въ этомъ родѣ; съ другой,—мы не желали украшать наше изданіе такими рисунками, какіе встрѣчаются въ большинствѣ иллюстрированныхъ изданій, — рисунками, которые, отличаясь только приличіемъ техники, дѣлаются какъ бы для того, чтобы, остановивъ на минуту праздный глазъ зрителя, заставить тотчасъ забыть ихъ. Мы искали въ рисункахъ не шаблонныхъ иллюстрацій по заказу, по большей части сухихъ, однообразныхъ и скучныхъ, а искали въ нихъ характера, жизни, словомъ сколько-нибудь художественнаго произведенія. Поставя себѣ такую задачу, мы считали невозможнымъ поручить иллюстраціи сочиненій Лермонтова одному художнику, полагая, что разнообразіе мотивовъ лермонтовской поэзіи быть можетъ даетъ слишкомъ обильный и разнообразный матеріалъ для живописи. Поэтому мы обратились къ нашимъ лучшимъ художественнымъ силамъ, прося ихъ принять участіе въ этомъ изданіи. Какъ видятъ читатели, наше предпріятіе было встрѣчено ими съ полнымъ сочувствіемъ, которое заслуживаетъ тѣмъ большей благодарности, что изданіе подобнаго характера является у насъ впервые.

Помѣщаемый нами портретъ М. Ю. Лермонтова снятъ съ фотографіи, принадлежащей П. А. Ефремову, сдѣланной съ акварельнаго портрета, находившагося въ имѣніи Нарышкина (Клинскій уѣздъ, Моск. губ.); съ этой фотографіи были сдѣланы гравюры Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ для глазуновскаго изданія, но граверъ нѣсколько измѣнилъ характеръ лица и прически. Портретъ, помѣщаемый въ нашемъ изданіи, есть точное воспроизведеніе фотографіи. По словамъ Е. С. Некрасовой, „Эмилія Александровна Шанъ-Гирей указываетъ на этотъ портретъ, какъ на самый вѣрный, болѣе всѣхъ другихъ передающій того Лермонтова, котораго она знала“ (См. Рус. Стар. 1888 г. май. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, сообщ. Е. С. Некрасова, стр. 477).

Мы считали необходимымъ помѣстить портреты нѣкоторыхъ лицъ, которымъ поэтъ посвящалъ свои стихотворенія. Портреты А. О. Смирновой и гр. Воронцовой-Дашковой, мы по-

лучили, благодаря любезности П. А. Дашкова, портретъ кн. Одоевскаго отъ П. А. Ефремова.

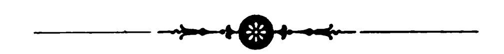
Текстъ, благодаря любезнымъ указаніямъ нашего извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова, вновь провѣренъ и исправленъ по рукописямъ поэта Н. Н. Буковскимъ (однимъ изъ основателей Лермонтовскаго музея; Н. Н. посвятилъ много времени на изученіе рукописей поэта).

Статья: „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ" написана *Ив. Ив. Ивановымъ*.

Мы считаемъ себя не въ правѣ мѣшать произведенія поэта, напечатанныя при его жизни, съ тѣми его юношескими опытами и произведеніями юнкерскаго періода, которыя вѣроятно не увидѣли бы свѣта или подверглись совершенной обработкѣ, если бы поэту было суждено прожить дольше. Съ другой стороны, вполнѣ сознавая, что всѣ юношескіе и другіе литературные опыты поэта имѣютъ библіографическій и автобіографическій интересъ, мы рѣшили издать третій дополнительный томъ, въ который войдутъ всѣ юношескія и другія произведенія поэта, его переписка и до тридцати рисунковъ, между которыми будутъ помѣщены копіи съ оригинальныхъ рисунковъ Лермонтова. Такъ какъ послѣ 15-го іюля рукописи Лермонтова дѣлаются общественнымъ достояніемъ, то мы будемъ имѣть возможность собрать въ этомъ томѣ все написанное Лермонтовымъ.

Обращаясь къ матеріальной сторонѣ изданія, мы можемъ сказать, что поставили себѣ цѣлью, не жалѣя средствъ, сдѣлать изданіе изящнымъ и вполнѣ доступнымъ по цѣнѣ. Насколько мы достигли этой цѣли,— укажетъ пріемъ, который встрѣтитъ наше изданіе въ русской читающей публикѣ.

П. Кончаловскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

М. Ю. Лермонтовъ

Дозволено цензурою. Москва, 1891 г.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушне

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Я сынъ страданья!

Никому изъ поэтовъ, кромѣ Лермонтова, не суждено было при самомъ рожденіи столько поэтическихъ преданій прошлаго и столько надеждъ на поэтическое будущее. Поэтъ не зналъ всѣхъ этихъ преданій, но они невольно, инстинктивно въ теченіе всей жизни волновали его мысль. Одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ предковъ его былъ великій поэтъ, и наслѣдственный даръ поэзіи воскресъ съ новой силой въ груди позднѣйшаго потомка. Это — былъ могучій неизсякаемый ключъ вдохновеній; онъ отзывался на каждый фактъ въ жизни поэта, на каждое настроеніе. Поэтъ прожилъ слишкомъ мало лѣтъ, но оставилъ послѣ себя въ полномъ смыслѣ поэтическую автобіографію. Многихъ *внѣшнихъ* событій въ жизни Лермонтова мы не знаемъ, иныя до сихъ поръ для насъ темны и непонятны; эта *исторія* неполная, часто недостовѣрная, можетъ быть умышленно извращенная. Но за то намъ осталась *поэзія*—чистая и ясная, поражающая богатствомъ мысли и личныхъ чувствъ. Лермонтовъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ «живетъ въ своихъ пѣсняхъ», — и эти пѣсни доскажутъ намъ недосказанное его современниками. Предокъ поэта, признанный соотечественниками за пророка, цѣлые вѣка жилъ среди нихъ только въ своихъ «пророчествахъ»,— и нашъ поэтъ болѣе всего будетъ понятенъ намъ, вѣрнѣе всего разскажетъ намъ о своей жизни—въ своихъ произведеніяхъ. Они наполнятъ всѣ пробѣлы, исправятъ всѣ недоразумѣнія. Біографъ поэта, съ первыхъ шаговъ попадаетъ въ неясную мглу недостовѣрныхъ, часто скрытыхъ *фактовъ*, — но предъ нимъ *чувства* поэта, много выстрадавшаго, съ изумительной чуткостью воспринимавшаго страданія и съ безпримѣрной откровенностью повѣдавшаго о нихъ міру. Это былъ «мятежный духъ», ни на одну минуту неспособный замкнуться въ невозмутимое безстрастье олимпійскаго величія; неустанно трепетало это сердце бурною, вѣчно юною жизнью и подобно взволнованному морю не переставало нести все новыя волны на берега «равнодушнаго свѣта». Поэтъ самъ сравниваетъ свою душу съ океаномъ, онъ знаетъ, какъ трудно проникнуть въ тайны угрюмой бездны, такъ же трудно пересказать и думы поэта.

Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?

спрашиваетъ Лермонтовъ, и не ждетъ утвердительнаго отвѣта: онъ всю жизнь убѣждался, какъ людямъ мало дѣло до чужихъ страданій. Но уже полъ-вѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ умолкъ стихъ, «облитый горечью и злостью» «къ погибшимъ люди справедливы», — и теперь мы надѣемся вызвать его образъ во всей чистотѣ и величіи. Мы, можетъ быть, не прочтемъ всѣхъ чертъ, запечатлѣнныхъ геніемъ и годами на этомъ образѣ, но мы будемъ читать ихъ съ тою любовью, съ тѣмъ жаднымъ стремленіемъ, какихъ поэтъ ждалъ отъ безпристрастнаго потомства и самого поэта мы призываемъ быть нашимъ руководителемъ на этомъ пути.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Я сынъ страданья!

Никому изъ поэтовъ, кромѣ Лермонтова, не суждено было при самомъ рожденіи столько поэтическихъ преданій прошлаго и столько надеждъ на поэтическое будущее. Поэтъ не зналъ всѣхъ этихъ преданій, но они невольно, инстинктивно въ теченіе всей жизни волновали его мысль. Одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ предковъ его былъ великій поэтъ, и наслѣдственный даръ поэзіи воскресъ съ новой силой въ груди позднѣйшаго потомка. Это — былъ могучій неизсякаемый ключъ вдохновеній; онъ отзывался на каждый фактъ въ жизни поэта, на каждое настроеніе. Поэтъ прожилъ слишкомъ мало лѣтъ, но оставилъ послѣ себя въ полномъ смыслѣ поэтическую автобіографію. Многихъ *внѣшнихъ* событій въ жизни Лермонтова мы не знаемъ, иныя до сихъ поръ для насъ темны и непонятны; эта *исторія* неполная, часто недостовѣрная, можетъ быть умышленно извращенная. Но за то намъ осталась *поэзія*—чистая и ясная, поражающая богатствомъ мысли и личныхъ чувствъ. Лермонтовъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ поэтовъ «живетъ въ своихъ пѣсняхъ», — и эти пѣсни доскажутъ намъ недосказанное его современниками. Предокъ поэта, признанный соотечественниками за пророка, цѣлые вѣка жилъ среди нихъ только въ своихъ «пророчествахъ», — и нашъ поэтъ болѣе всего будетъ понятенъ намъ, вѣрнѣе всего разскажетъ намъ о своей жизни—въ своихъ произведеніяхъ. Они наполнятъ всѣ пробѣлы, исправятъ всѣ недоразумѣнія. Біографъ поэта, съ первыхъ шаговъ попадаетъ въ неясную мглу недостовѣрныхъ, часто скрытыхъ *фактовъ*, — но предъ нимъ *чувства* поэта, много выстрадавшаго, съ изумительной чуткостью воспринимавшаго страданія и съ безпримѣрной откровенностью повѣдавшаго о нихъ міру. Это былъ «мятежный духъ», ни на одну минуту неспособный замкнуться въ невозмутимое безстрастье олимпійскаго величія; неустанно трепетало это сердце бурною, вѣчно юною жизнью и подобно взволнованному морю не переставало нести все новыя волны на берега «равнодушнаго свѣта». Поэтъ самъ сравниваетъ свою душу съ океаномъ, онъ знаетъ, какъ трудно проникнуть въ тайны угрюмой бездны, такъ же трудно пересказать и думы поэта.

Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?

спрашиваетъ Лермонтовъ, и не ждетъ утвердительнаго отвѣта: онъ всю жизнь убѣждался, какъ людямъ мало дѣло до чужихъ страданій. Но уже полъ-вѣка минуло съ тѣхъ поръ, какъ умолкъ стихъ, «облитый горечью и злостью» «къ погибшимъ люди справедливы», — и теперь мы надѣемся вызвать его образъ во всей чистотѣ и величіи. Мы, можетъ быть, не прочтемъ всѣхъ чертъ, запечатлѣнныхъ геніемъ и годами на этомъ образѣ, но мы будемъ читать ихъ съ тою любовью, съ тѣмъ жаднымъ стремленіемъ, какихъ поэтъ ждалъ отъ безпристрастнаго потомства и самого поэта мы призываемъ быть нашимъ руководителемъ на этомъ пути.

I.

Старая исторія Шотландіи богата смутами. Бурная кровь потомковъ «королей моря» не выносила мира и порядка. Междоусобицы, цареубійства, семейныя войны безпрестанно наполняли край мятежомъ и ужасомъ. Одной изъ этихъ смутъ особенно посчастливилось въ исторіи и поэзіи. О ней разсказало нѣсколько лѣтописцевъ, великому поэту она дала содержаніе для одной изъ самыхъ глубокихъ драмъ. Преступленіе, совершенное Макбетомъ давно, почти въ эпоху легендъ, стало всѣмъ извѣстно послѣ того, какъ преданіемъ вдохновился Шекспиръ. И англійскій поэтъ первый могъ бы повѣдать намъ о родѣ нашего поэта, первая черта въ біографіи Лермонтова могла бы принадлежать творчеству геніальнаго драматурга. Шекспиръ въ той сценѣ своей драмы, гдѣ называетъ вождей Малькольма, идущаго войной противъ узурпатора, могъ бы упомянуть имя *Лермонта*. Этого сторонника законнаго короля Шотландіи называютъ всѣ историки, разсказывающіе о злодѣяніи Макбета, причемъ нѣкоторые изъ нихъ признаютъ Лермонта англичаниномъ, приставшимъ къ Малькольму во время его похода изъ Англіи въ Шотландію. Походъ этотъ относится къ веснѣ 1061 года. Этотъ годъ слѣдуетъ считать первымъ въ достовѣрной генеалогіи нашего поэта.

Дальнѣйшую судьбу его предковъ разсказываетъ русскій документъ, представленный Лермонтовыми московскому правительству въ февралѣ 1698 года. Это были внуки перваго Лермонта, поселившагося въ Россіи. Имя его было Юрій, выѣхалъ онъ изъ Шотландіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1621 году былъ ротмистромъ и уже получалъ въ награду «деревни и пустоши». Въ родословной, представленной внуками, приводится разсказъ англійскихъ и шотландскихъ историковъ о войнѣ Малькольма съ Макбетомъ. Потомки Юрія Лермонта были всегда въ рядахъ наиболѣе замѣтныхъ слугъ московскаго царя, бывали воеводами, стольниками. Исторія русскихъ Лермонтовъ совершенно прозаическая, но за то объ одномъ изъ шотландскихъ предковъ сохранился разсказъ, исполненный всей прелести величавой сѣверной поэзіи.

Тѣ же лѣтописцы, которые упоминаютъ тана Лермонта, вождя Малькольма, разсказываютъ о Томасѣ Лермонтѣ, великомъ поэтѣ, стяжавшемъ даже славу пророка. Его замокъ — Эрсильдоунъ — находился на берегу Твида, гдѣ Твидъ сливается съ Лидеромъ; развалины замка и до сихъ поръ носятъ названіе *Learmonth Tower—Лермонтовой башни*. Окрестная страна полна преданіями о славномъ владѣльцѣ. Его настоящее имя уступило мѣсто народному прозвищу: *Томасъ поэтъ—Thomas the Rymer*—извѣстенъ гораздо больше, чѣмъ Томасъ Лермонтъ. Вальтеръ Скоттъ провелъ дѣтство въ этой мѣстности и преданія о поэтѣ—соотечественникѣ вызвали у него одну изъ прекраснѣйшихъ балладъ.

Томасъ Лермонтъ жилъ въ концѣ XIII вѣка. «Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ», говоритъ Вальтеръ Скоттъ, «что онъ въ свое время былъ замѣчательное и важное лицо, такъ какъ очень скоро послѣ его смерти мы уже встрѣчаемъ похвалы ему и какъ пророку, и какъ поэту». Въ народѣ жилъ слухъ, что Томаса въ юномъ возрастѣ унесли феи въ свое царство и тамъ въ теченіе семи лѣтъ научили его вѣщему знанію. Потомъ онъ вернулся къ людямъ, чтобы просвѣтить ихъ своимъ чуднымъ даромъ. Въ отплату за этотъ даръ Томасъ долженъ былъ вернуться въ страну фей немедленно, когда онѣ пожелаютъ. Это преданіе и вдохновило Вальтеръ Скотта.

Похищеніе Лермонта, по представленію поэта, произошло во время пира въ родовомъ замкѣ Эрсильдоунѣ. На этомъ пиру Томасу суждено было въ послѣдній разъ усладить гостей своимъ пѣніемъ.

«Когда окончился пиръ, всталъ вѣрный Томасъ, съ арфой въ рукѣ (въ состязаніи пѣвцовъ, въ странѣ фей, выигралъ онъ эту арфу у эльфовъ).

«Умолкла толпа; стихли движеніе и разговоры; блѣднѣютъ отъ зависти менестрели; закованные въ желѣзо лорды склонились на мечи и прислушиваются къ пѣснѣ.

«Въ громкихъ стихахъ льется чарующая пѣсня пророка; въ грядущихъ вѣкахъ не найдется поэта, который смогъ бы ее повторить.

«Только обрывки высокой пѣсни несутся по рѣкѣ временъ, какъ обломки разбитаго корабля, всплывающіе среди бурнаго моря....

Томасъ поётъ о преданіяхъ родной старины, но «болѣе всего онъ поётъ о благородномъ Тристрамѣ и нѣжной Изольдѣ,— о томъ, какъ ея послѣдній взглядъ слился въ поцѣлуѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго Тристрама... О, кто можетъ спѣть такъ какъ онъ пѣлъ!

«Арфа умолкла; тихо замеръ среди слушателей ея послѣдній звукъ, гости сидѣли молча, недвижно, какъ будто все еще слышали пѣніе.

«Въ робкомъ шопотѣ слышалось горе, вздыхали не только дамы,—не одна стальная рукавица украдкой отерла суровую щеку.

«На струи Лидера, на зáмокъ Лермонта спускаются вечерніе туманы, въ лагерѣ, въ замкѣ, въ хижинѣ каждый собирается ко сну.

Но въ это время совершается чудо:

«У Лидера показалась чета оленей, бѣлыхъ какъ снѣгъ на вершинахъ Ферналя.

«При свѣтѣ луны, съ гордой осанкой, спокойно и стройно идутъ они, не пугаясь собравшейся толпы, изумленной ихъ шествіемъ.

«Къ замку Лермонта летитъ вѣсть... Томасъ встаетъ съ постели и быстро накидываетъ на себя платье.

«Сначала поблѣднѣлъ онъ какъ воскъ, потомъ, какъ воскъ, сталъ красенъ, и выговорилъ только три слова: «пробилъ мой часъ, спрялася нить моя, за мной пришли они!»

«И вышелъ; но часто оборачивался поглядѣть на свою древнюю залу; съ кроткимъ блескомъ падали на сѣдой замокъ лучи осенней луны.

«Прощай, старый зáмокъ моихъ отцевъ, прощай на долго», молвилъ онъ, «не бывать тебѣ никогда болѣе жилищемъ удовольствія, блеска и власти.

«Лермонту здѣсь болѣе не владѣть ни одною пядью земли, и на твоей гостепріимной груди заяцъ выведетъ зайчатъ.

«Прощайте», сказалъ онъ снова, оглядываясь вокругъ себя, «прощайте, серебряныя струи Лидера! прощай, Эрсильдоунъ!»

«Онъ все стоялъ и медлилъ, олени приблизились,—и вслѣдъ за ними, въ глазахъ лорда Дугласа, онъ перешелъ рѣку.

«Лаордъ Дугласъ вскочилъ на своего воронаго коня и помчался за ними черезъ Лидеръ, летѣлъ онъ быстрѣе молніи, но больше уже ихъ не видѣлъ.

«Иные говорятъ, что къ холму, другіе — къ долинѣ направилось чудесное шествіе;— но только подъ кровомъ живыхъ людей съ тѣхъ поръ не видали Томаса».

Если Лермонтовъ и не зналъ этого преданія, не зналъ баллады Вальтеръ Скотта, въ его душѣ всю жизнь звучали пѣсни его отдаленнаго предка. Въ минуты глубокой тоски его мысль уносилась въ суровую страну «отважныхъ бойцовъ», ему грезился покинутый, опустѣвшій замокъ, шотландская, давно замолкшая арфа... Между поэтомъ, увядавшимъ «среди чуждыхъ снѣговъ» и славнымъ бардомъ существовала какая-то таинственная связь, пережившая вѣка, преодолѣвшая «волны морей», разстилавшіяся между юнымъ поэтомъ и «холмами его отчизны».

Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой—говорилъ поэтъ, завидуя степному ворону,—и въ этой невольной тоскѣ сказалось неумирающее страстное влеченіе къ поэтическому прошлому своего рода и глубокое презрѣніе къ жалкимъ явленіямъ окружающей жизни.

Не только думы поэта о далекой старинѣ своихъ предковъ дышали тоской и неутолимой жаждой воли и жизни,—вдохновеніе его омрачала печаль, всякій разъ когда онъ вспоминалъ объ отцѣ и матери. *Я сынъ страданья*,—въ его устахъ было не фразой, а искренней правдивой характеристикой родныхъ воспоминаній, выпавшихъ ему на долю.

II.

Изъ ближайшихъ предковъ нашего поэта документы сохранились относительно его прадѣда — Юрія Петровича Лермонтова. Онъ обучался въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ въ теченіе пяти лѣтъ и въ 1745 году „за болѣзнію отставленъ изъ капраловъ подпоручикомъ". Въ числѣ его товарищей встрѣчаются представители знатнѣйшихъ русскихъ фамилій. Захудалость рода, очевидно, началась съ поколѣній ближайшихъ ко времени поэта. Въ семьѣ Лермонтовыхъ у старшихъ членовъ ея чередовались имена Петръ и Юрій и отецъ поэта назывался Юрій Петровичъ. Только по настоянію бабушки поэту пришлось носить имя *Михаила* вмѣсто *Петра*. Объ отцѣ Михаила Юрьевича существуетъ единственный письменный докуметъ—

указъ объ его отставкѣ. Изъ „указа“ видно, что Юрій Петровичъ обучался въ первомъ Кадетскомъ корпусѣ, потомъ служилъ въ кексгольмскомъ пѣхотномъ полку и 1819 г. 7 ноября за болѣзнію уволенъ отъ службы „капитаномъ и съ мундиромъ“. Свѣдѣній объ отцѣ поэта, какъ о личности, крайне мало. Они ограничиваются характеристикой, принадлежащей Сперанскому, врядъ ли знавшему близко Юрія Петровича. По словамъ его, отецъ поэта былъ замѣчательный красавецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „пустой“, „странный“ и даже „худой“ человѣкъ. Послѣднія черты Сперанскій подтверждаетъ отношеніями Юрія Петровича къ своей тещѣ, Арсеньевой, бабушкѣ поэта.

Юрій Петровичъ Лермонтовъ.
Отецъ поэта.

Мы увидимъ, что вину этихъ отношеній совершенно несправедливо оставлять на совѣсти одного Юрія Петровича, и *только* эти отношенія никоимъ образомъ не могутъ доказывать дурныя свойства въ характерѣ отца поэта. У насъ, напротивъ, есть наиболѣе цѣнное свидѣтельство объ этомъ человѣкѣ, — неизмѣнно благоговѣйныя, исполненныя любви воспоминанія сына о своемъ отцѣ. Въ теченіе всей жизни поэтъ не переставалъ питать глубокую симпатію къ отцу и, когда онъ умеръ, — къ его памяти. Сохранилось письмо четырнадцатилѣтняго поэта, стихотворенія болѣе зрѣлаго возраста — и всюду одинаково образъ отца обвѣянъ всею нѣжностью сыновней любви и преданности. Мы увидимъ, какъ тяжело было поэту выносить разлуку съ отцомъ и какою мрачною чертой легла эта разлука на его вдохновеніе.

Юрій Петровичъ служилъ весьма удачно: помимо чиновъ ему три раза въ теченіе семи лѣтъ „были объявлены высочайшее удовольствіе и благодарность“, но въ результатѣ онъ все-таки оставался „армейскимъ офицеромъ“, лишеннымъ блеска, родовитости и богатства. Происхожденіе Лермонтова, равное по знатности первѣйшимъ дворянскимъ родамъ, врядъ ли въ точности было извѣстно ему самому и еще въ 1829 году онъ долженъ былъ представить въ Дворянское Собраніе Тульской губерніи ходатайство — о выдачѣ ему диплома на дворянство. Дипломъ, вѣроятно, необходимъ былъ для поступленія сына въ дворянскій пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Очевидно, при такихъ усло-

віяхъ Юрій Петровичъ менѣе всего могъ разсчитывать на блестящую партію. Но красота одолѣла всѣ предразсудки.

По сосѣдству съ деревней Лермонтова, Кроптовкой, въ томъ же Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи находится село Васильевское, принадлежавшее семьѣ Арсеньевыхъ. Одинъ изъ владѣльцевъ его—Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ—былъ женатъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Столыпиной. Обѣ семьи считались изъ самыхъ родовитыхъ, а Елизавета Алексѣевна, кромѣ того, и лично была выдающаяся женщина. Сперанскій отзывается о ней съ величайшимъ уваженіемъ; ея энергію и способность къ нѣжнымъ, глубокимъ привязанностямъ мы будемъ имѣть возможность оцѣнить много разъ. Михаилъ Юрьевичъ въ теченіе всей жизни, даже послѣ семейнаго раздора, не переставалъ выражать бабушкѣ искреннюю привязанность и уваженіе. Кажется, только, предъ этимъ уваженіемъ склонялась бурная, не-

Елизавета Алексѣевна Арсеньева,
урожденная **Столыпина.**
(Бабка поэта).

покорная воля поэта. И какою нѣжностью, простотой чувства звучать письма поэта къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ съ Кавказа въ то время, когда его вдохновеніе всецѣло жило гнѣвною страстью, образами, исполненными вражды и презрѣнія къ окружающей жизни!.. Но Елизавета Алексѣевна раздѣляла предразсудки своей родни, и увлеченіе дочери, внезапно оскорбившее ея фамильную гордость, должно было создать впослѣдствіи настоящую драму.

Елизавета Алексѣевна была уже вдовой, когда ея единственная дочь, Марья Михайловна, лѣтомъ во время пребыванія въ селѣ Васильевскомъ познакомилась съ Лермонтовымъ и полюбила его со всею страстью первой любви. Бракъ долженъ былъ состояться, несмотря на протестъ всей родни невѣсты. На сколько этотъ бракъ былъ счастливъ, у насъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ,—знаемъ только, что поэтъ съ одинаковою любовью относился къ памяти отца и матери и, несомнѣнно, всякій раздоръ родителей ярко отразился бы на его воспоминаніяхъ, всегда крайне отзывчивыхъ и живыхъ.

О матери Михаила Юрьевича у насъ мало свѣдѣній, наиболѣе характерное и цѣнное изъ нихъ—ея альбомъ. Альбомомъ этимъ одинаково пользовались и мать и сынъ. Дѣтскія рисунки поэта чередуются съ различными изрѣченіями и стихами, записанными Марьей Михайловной. Стихи всѣ сентиментальнаго содержанія, преимущественно популярные у провинціальныхъ любительницъ поэзіи. Достоинство записанныхъ, можетъ быть, отчасти сочиненныхъ стиховъ довольно посредственное. Но независимо отъ обычной чувствительности записи эти, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о необыкновенно добромъ и чуткомъ сердцѣ Марьи Михайловны. Перечитывая ихъ, невольно вспоминаешь глубоко прочувствованную жалобу поэта *„Въ слезахъ угасла мать моя“*... Эти слезы оставили глубокое впечатлѣніе въ душѣ поэта. Онъ всю жизнь не могъ забыть, какъ мать пѣвала надъ его колыбелью. Пѣсня въ дѣтствѣ вызывала въ немъ слезы и поэтъ увѣренъ—вспомни онъ эту пѣсню долго спустя, впечатлѣніе было бы прежнее. Вдохновеніемъ поэта въ теченіе всей жизни владѣлъ Кавказъ,—и этотъ „царь земли“ ему дорогъ прежде всего потому, что поэту казалось, будто въ его пустыняхъ онъ слышитъ давно утраченный голосъ матери.

Марья Михайловна умерла очень рано, не достигши двадцати двухъ лѣтъ. Смерти предшествовала тяжкая болѣзнь, тѣмъ болѣе печальная, что она губила грудь, не успѣвшую еще вздохнуть жизнью и свѣтомъ, губила сердце, страстно искавшее любви и жизни... Вѣроятно, болѣзнь Марьи Михайловны вынудила семью покинуть деревню и переѣхать въ Москву. Здѣсь въ 1814 году у Лермонтовыхъ родился сынъ. Въ метрической книгѣ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ воротъ, за 1814 годъ, записано слѣдующее: «Октября 2. Въ домѣ господина покойнаго генералъ-маіора и кавалера Θедора Николаевича Толя, у живущаго капитана Юрія Петровича Лермонтова родился сынъ Михаилъ... Крещенъ того-жъ октября 11-го дня. Воспріемникомъ былъ господинъ коллежскій ассессоръ Θома Васильевичъ Хотяинцевъ; воспріемницею была вдовствующая госпожа гвардіи поручица Елизавета Алексѣевна Арсеньева»...

Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ рожденія Михаила Юрьевича, мать его умерла въ 1817 году 24 февраля. Въ короткій срокъ она оставила много дорогихъ образовъ въ памяти будущаго поэта: тѣмъ большею грустью должны были дышать его воспоминанія. Смерть отняла у ребенка мать, люди скоро не преминули отнять у него и отца. Отрава одиночества начала закрадываться въ дѣтское сердце въ то время, когда оно невольно искало материнской ласки и отцовской любви. Раньше чѣмъ ребенокъ могъ выразить свои страданія,—онъ уже испытывалъ всю тяжесть ихъ.—Слѣдующія слова, сказанныя имъ долго спустя, уже послѣ того какъ надъ нимъ разразилась драма его отца, могли съ самого начала характеризовать его внѣшнюю жизнь и душевное настроеніе.

Я—сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ.

III.

Дѣтство Михаила Юрьевича прошло въ помѣстьѣ бабушки, въ деревнѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Бабушка страстно лю-

била внука, любила какъ единственное родное ей существо. Въ этой любви, какъ и во всякой, была доля эгоизма. Елизавета Алексѣевна, во всемъ энергичная и настойчивая, употребляла теперь всѣ усилія, чтобы одной безраздѣльно владѣть внукомъ. О чувствахъ отца не могло быть и рѣчи. Юрія Петровича знатные родственники жены всегда слишкомъ мало цѣнили, и, конечно, не считали нужнымъ обращать вниманіе на его интересы, когда дѣло шло объ удовлетвореніи такого сильнаго чувства, какимъ была привязанность Елизаветы Алексѣевны къ своему внуку. Привязанность была бы, конечно, вполнѣ законной, если бы не отнимала у отца не менѣе естественнаго и законнаго права—жить съ своимъ сыномъ, заботиться о немъ. Михаилъ Юрьевичъ впослѣдствіи никогда ни на одну минуту не колебался, на чью сторону стать въ этомъ печальномъ столкновеніи двухъ чувствъ, одинаково сильныхъ и законныхъ, но, по странному упорству одной стороны, оказавшихся несовмѣстимыми.

Марія Михайловна Лермонтова,
урожденная **Арсеньева.**
(Мать поэта.)

Намъ нѣтъ надобности доискиваться объясненій этого столкновенія въ чьихъ либо свидѣтельствахъ. Поэтъ самъ разсказалъ о немъ съ обычной искренностью и полнотой. Мы на каждомъ шагу будемъ убѣждаться въ справедливости положенія, принятаго нами съ самого начала: произведенія Лермонтова — его автобіографія въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Этого автобіографическаго содержанія тѣмъ больше, чѣмъ произведеніе «моложе». Въ одномъ изъ нихъ, въ драмѣ *Menschen und Leidenschaften*, написанной на шестнадцатомъ году, поэтъ разсказалъ первую драму своей собственной жизни. Эта драма тяготѣла надъ нимъ съ минуты смерти матери и была первымъ источникомъ разочарованія и гнѣва, неизмѣнно жившихъ въ его поэзіи. Содержаніе драмы—ничто иное, какъ событія изъ жизни поэта, даже имена дѣйствующихъ лицъ, ихъ внѣшность живо напоминаютъ дѣйствительныхъ героевъ личной драмы Лермонтова. Въ лицѣ Юрія Николаевича Волина не трудно узнать самого поэта, въ лицѣ Николая Михайловича — его отца, въ лицѣ Мареы Ивановны Гро-

мовой—бабушку. Въ драмѣ вполнѣ ясно характеризуются семейныя отношенія родителей поэта. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ передаетъ слѣдующія событія изъ дѣтства Юрія Николаевича, т.-е. самого автора: «за мѣсяцъ передъ смертью твоей матери (еще тебѣ было три года), когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марфу Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее передъ Богомъ дать ей обѣщаніе—любить Николая Михайловича какъ родного сына. Она говорила ей: «маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу,—замѣните ему меня... Я чувствую, что я умираю»... Тутъ слова ея пресѣклись, она смотрѣла на тебя. Молчаливый, живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать на счетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ, она вытребовала обѣщаніе старухи и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же какъ и отецъ твой. Весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отца для разсѣянья погулять и говоритъ ему, что Марѳа Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать ему жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у больной бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ. Вотъ какъ все это началось: черезъ три мѣсяца Николай Михайловичъ пріѣзжаетъ сюда, чтобы тебя видѣть,—пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя,—говорятъ нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Онъ сдѣлался боленъ; душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь, наконецъ, и что же? Она охладѣла совсѣмъ къ отцу... Когда должно твоему отцу пріѣзжать, здѣшнія подлыя сосѣдки получили посредствомъ ханжества довѣренность бабушки, сказали ей, что онъ приказалъ отнять тебя у нея, и она повѣрила. Доходятъ же люди до такого сумасшествія! Бабушка твоя тотчасъ послала курьера къ брату, и онъ на другой день прискакалъ. Отецъ твой сталъ ему говорить, что слово не сдержано.., что онъ здѣсь на счетъ сына какъ посторонній, что ни на что это не похоже... Но этотъ іезуитъ снова уговорилъ его легко, потому что отецъ твой благородный человѣкъ и судилъ всѣхъ по добротѣ души своей. Братъ согласился оставить тебя у бабушки до шестнадцати лѣтъ, съ тѣмъ чтобы на счетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ».

Именно вопросъ о воспитаніи и вынудилъ Юрія Петровича оставить своего сына у бабушки. Арсеньева могла тратить на внука тысячи, «по четыре тысячи въ годъ за обученье разнымъ языкамъ», какъ говорится въ той же драмѣ. У Лермонтова-отца ничего кромѣ бѣднаго Ефремовскаго имѣнія не было. Такимъ образомъ, отецъ поэта терпѣлъ въ этой исторіи двойную обиду: имъ пренебрегали, какъ захудалымъ «армейскимъ офицеромъ», незаконно втершимся въ родовитую семью и безъ всякаго состраданія оскорбляли въ немъ чувство отца.

Сынъ долго не могъ понимать этой драмы,—но за то тѣмъ больше огорченія она принесла ему, когда онъ оказался въ силахъ сознать всю ея жестокость. Первые годы дѣтства въ домѣ бабушки онъ былъ окруженъ самой нѣжной заботливостью. Мы и здѣсь будемъ разсказывать его собственными словами. Въ одной изъ неоконченныхъ повѣстей описывается дѣтство героя, Саши Арбенина. Въ этомъ героѣ, какъ и во многихъ другихъ, поэтъ олицетворялъ самого себя, и разсказъ о дѣтскихъ лѣтахъ Саши вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію первыхъ лирическихъ опытовъ Михаила Юрьевича, — и этотъ разсказъ онъ потомъ неоднократно повторялъ, относя прямо къ себѣ.

Сашу окружало исключительно женское общество. Зимой по вечерамъ онъ просиживалъ въ дѣтской съ няней и горничными дѣвушками. Ему было очень весело: «его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣ-

сяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ»...

Слѣдовательно, на самомъ порогѣ духовнаго развитія поэта стоитъ необычайно живое воображеніе,—и оно увлечено преимущественно грандіозными, мрачными образами, исполнено инстинктивныхъ стремленій ко всему бурному, героическому. Это настроеніе смѣняется тихой мечтательностью, сладостной жаждой ласки и любви, смѣняется поэтическимъ чарующимъ свѣтомъ, льющимся отъ «родной души». Но мальчику совершенно чужда сентиментальность. Преобладающей чертой его характера навсегда останется стремительная энергія твердость натуры. Въ дѣтствѣ эта энергія проявляется въ своеволіи и подчасъ жестокихъ шалостяхъ. «Саша, разсказывается въ повѣсти,—былъ избалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ, природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу».

Мальчикъ по природѣ былъ склоненъ къ мечтательности. Неясные, но неизмѣнно могучіе образы увлекали его фантазію. Скоро этимъ образамъ предстояло выясниться, превратиться въ упорную мысль, овладѣть всѣмъ существомъ ребенка до полнаго забвенія дѣйствительности, нестерпимыхъ физическихъ страданій.

Лермонтовъ родился болѣзненнымъ, и все дѣтство страдалъ золотухой и худосочіемъ. Болѣзнь эта вмѣсто того, чтобы обезсилить организмъ, развила въ ребенкѣ необычайную нравственную энергію. Въ «повѣсти» признается ея вліяніе на умъ и характеръ героя: «онъ выучился думать!» Въ немъ выростало самосознаніе въ тѣ годы, когда дѣти живутъ только самыми непосредственными впечатлѣніями. Саша Арбенинъ также былъ боленъ въ дѣтствѣ. Объ его нравственной жизни во время болѣзни авторъ разсказываетъ слѣдующее: «Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, Саша началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой... Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ поѣздкахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей не мало помѣшало его выздоровленію»...

Это раннее развитіе и много позже будетъ казаться поэту несчастіемъ. Въ самые юные годы оно стало для него источникомъ огорченій—прежде всего потому, что никто изъ окружающихъ не только не былъ въ состояніи пойти на встрѣчу этому развитію, но даже никто не замѣчалъ его. «Увы!,—восклицаетъ авторъ «Повѣсти»,—никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка». Онъ побѣждалъ страданья тѣла грезами души, этихъ грезъ никто не могъ понять,—и поэтъ съ «съ начала жизни любилъ угрюмое уединенье»,

Гдѣ скрывался весь въ себя,
Боясь, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье...

Итакъ, ребенку нѣтъ еще и десяти лѣтъ, а онъ чувствуетъ невольное влеченіе къ одиночеству, никому не повѣряетъ своихъ страданій:—въ немъ должна развиться самоувѣренность и презрѣніе къ окружающей жизни. Все, чуждое, враждебное ей, будетъ возбуждать въ немъ горячія симпатіи: онъ самъ одинокъ и несчастливъ, всякое одиночество и чужое несчастье будутъ казаться ему своимъ. Въ его сердцѣ, такимъ образомъ, будетъ жить рядомъ чувство отчужденности среди людей и непреодолимая жажда *родной души*, такой же одинокой, близкой поэту своими грезами и, можетъ быть, страданіямъ:

Въ ребячествѣ моемъ, тоску любови знойной,
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной,
На мягкомъ ложе сна, не разъ во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ...

Поэтъ увидѣлъ этотъ ликъ въ дѣйствительности; онъ полюбилъ впервые, когда ему

не было и одиннадцати лѣтъ. Этой любви суждено было слиться съ другимъ могучимъ чувствомъ поэта—съ его страстными, неизмѣнными восторгами предъ Кавказомъ. Болѣзнь, научившая поэта думать, была виновницей его перваго знакомства съ однимъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ его вдохновенія. Пусть поэтъ самъ разскажетъ намъ объ этомъ.

«Кто мнѣ повѣритъ, спрашиваетъ Лермонтовъ,—что я зналъ уже любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью-дѣвочкою лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню хороша она была собою или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, я помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни объ чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь,—съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ бы страшась, чтобы біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда,—и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая мой разсказъ, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію,—это было бы мнѣ больно!... Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность,—нѣтъ съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видалъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ тотъ разъ.—Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! въ 10 лѣтъ. Эта загадка, этотъ потерянный рай — до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этою страстью, но чаще плакать.—Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки".

Не прошло двухъ лѣтъ,—юному поэту уже казалось, что рай ему возвращенъ. Бабушка изрѣдка разрѣшала ему гостить въ деревнѣ у отца. Въ одно изъ этихъ пребываній, когда Михаилу Юрьевичу было всего 12 лѣтъ, онъ полюбилъ „во второй разъ"—и „понынѣ люблю" писалъ онъ два года спустя, посвящая новой страсти стихотвореніе „Къ Генію". Судя по сценамъ, которыя описываются въ стихотвореніи, вторая любовь принесла поэту гораздо болѣе удовлетворенія, чѣмъ первая...

Увлеченія поэта часто мѣнялись, но восторгъ предъ величавымъ „царемъ земли" все больше выросталъ въ немъ. Мы видѣли, настроеніе Лермонтова съ самаго ранняго дѣтства носило мечтательный, часто мрачный характеръ. Теперь картины Кавказа безраздѣльно овладѣли воображеніемъ поэта. Все, что было до сихъ поръ дорогого въ жизни юнаго мечтателя, теперь слилось съ величавой природой далекаго юга. Воспоминаніе о матери, звуки родной пѣсни, первый порывъ любви все заключено въ одномъ восторженномъ восклицаніи: *Люблю я Кавказъ*! И потомъ, всю жизнь, что бы ни случалось съ поэтомъ, какія бы радости или муки ни посѣщали его, онъ вѣчно будетъ повторятъ:

Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ Кавказскихъ скалъ...

Эти скалы будутъ говорить ему *о родной душѣ*—о первой любви,—о дорогой отчизнѣ—далекой Шотландіи, объ уединеніи—вдали отъ „глупаго, надменнаго свѣта", объ „отважныхъ сынахъ природы", свободныхъ отъ цѣпей приличія и лжи. Онѣ будутъ говорить поэту обо всемъ, что съ первой минуты сознавія ему нашептывала его муза.

IV.

Осенью 1825 года Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ со всѣми спутниками вернулся изъ Пятигорска въ Тарханы. Это былъ смуглый, съ черными блестящими глазами, необыкновенно живой или мечтательно задумчивый—„Мишель", въ зеленой

курточкѣ съ клокомъ бѣлокурыхъ волосъ надо лбомъ, рѣзко отличавшихся отъ прочихъ черныхъ, какъ смоль. Съ этого времени началось болѣе или менѣе постоянное ученье. Учителями были m-r Capet, высокій сухощавый французъ и бѣжавшій изъ Турціи въ Россію—грекъ. Но греческій языкъ юному ученику оказался не по вкусу и грекъ занялся выдѣлкой собачьихъ шкуръ. Съ его легкой руки скорняжный промыселъ развился, обогатилъ многихъ тархановцевъ и продолжаетъ процвѣтать до настоящаго времени. Французскій языкъ и позже французская литература также не встрѣтили большой симпатіи у Михаила Юрьевича. Въ его ученическихъ тетрадяхъ французскія стихотворенія очень рано уступаютъ мѣсто русскимъ: уже въ 1827 году Лермонтовъ начинаетъ переписывать русскихъ поэтовъ. Года черезъ два онъ жалѣетъ, что не слыхалъ въ дѣтствѣ русскихъ народныхъ сказокъ: „въ нихъ“, по его мнѣнію, „вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“... Мы заранѣе можемъ предугадать, какія произведенія привлекутъ прежде всего вниманіе юнаго читателя. Немного позже онъ разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ: „Я помню одинъ сонъ, когда я былъ еще восьми лѣтъ. Онъ сильно подѣйствовалъ на мою душу. Въ тѣ же лѣта я одинъ разъ ѣхалъ въ грозу куда-то, и помню облако, которое небольшое, какъ бы оторванный клочекъ чернаго плаща—быстро неслось по небу: это такъ живо передо мною, какъ будто вижу. Когда я еще малъ былъ, я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей съ шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства“. Къ этимъ грезамъ дѣтства присоединились вскорѣ впечатлѣнія Кавказа,—и будущій поэтъ всюду искалъ тайны, чудеснаго, величественнаго, непохожаго на обыкновенную дѣйствительность, чуждаго ей. Онъ переписываетъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина и „Шильонскій узникъ“ Жуковскаго. Все, что говоритъ о страданіи, объ одиночествѣ, объ упорной думѣ—говоритъ поэту объ его личномъ мірѣ. Онъ давно чувствуетъ смутную муку неудовлетворенности, у него по временамъ какъ будто дыханіе спирается въ груди, „понятія противообщественныя“ — ему сродны съ самаго начала, и всю жизнь онъ въ мятежномъ воплѣ будетъ просить — *воли!*.. Теперь онъ лелѣетъ загадочные, но мужественные образы отщепенцевъ человѣческаго общества: „корсаровъ“, „преступниковъ“, „плѣнниковъ“, „узниковъ“. Вскорѣ у поэта проснется *свое* вдохновеніе, — онъ отдастъ его все тѣмъ же „страданіямъ“, тѣмъ же „грезамъ“...

Видъ села Тарханъ.

Михаилу Юрьевичу не долго пришлось оставаться дома. Почти черезъ два года по возвращеніи съ Кавказа, Елисавета Алексѣевна повезла внука въ Москву—опредѣлить его сначала въ благородный пансіонъ, состоявшій при университетѣ въ видѣ приготовительнаго учебнаго заведенія. Къ вступительному экзамену въ пансіонъ Лермонтовъ готовился не болѣе года;

занятіями руководилъ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ, бывшій въ пансіонѣ преподавателемъ языковъ латинскаго и русскаго. Кромѣ Зиновьева учителями поэта были французъ Gindrot, бывшій полковникъ наполеоновской гвардіи и послѣ него англичанинъ Виндсонъ. Особенно важно вліяніе послѣдняго. У Виндсона Лермонтовъ научился англійскому языку, познакомился съ англійской литературой и страстно полюбилъ Байрона. Мы увидимъ, что увлеченіе Байрономъ далеко не было рѣшающимъ моментомъ въ поэзіи Лермонтова. Мы увидимъ, что ближайшее знакомство съ англійскимъ поэтомъ падаетъ на тѣ годы, когда у Лермонтова успѣлъ ясно обрисоваться *свой личный* характеръ творчества. Раньше этого увлеченія будущій поэтъ умѣлъ оцѣнить Шекспира, Шиллера и отчасти Гете и Руссо. Вліяніе ихъ отражается на первыхъ произведеніяхъ Лермонтова.

Когда Лермонтовъ поступилъ въ пансіонъ, это было одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Въ немъ преподавали лучшіе профессора университета, среди учащихся были сильно развиты литературныя симпатіи, связь съ университетомъ не ограничивалась оффиціальной ролью пансіона—давать университету слушателей. Среди преподавателей—профессоровъ впереди всѣхъ стоялъ поэтъ и извѣстный въ свое время словесникъ — Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ. О немъ сохранились самыя симпатичныя воспоминанія его слушателей. Онъ пользовался неизмѣнной популярностью среди студентовъ: по крайней мѣрѣ его лекціи слушали всегда въ невозмутимой тишинѣ и со вниманіемъ: по тогдашнимъ университетскимъ нравамъ это было исключительнымъ фактомъ. Алексѣй Өедоровичъ считался красой университета и слылъ „соловьемъ" за свое краснорѣчіе. Мерзляковъ строго и серьезно относился къ литературнымъ опытамъ своихъ питомцевъ. Послѣ самаго подробнаго разбора обыкновенной резолюціей было: „молодо, зелено". Лермонтову приходилось часто терпѣть отъ этой строгости; говорятъ, она не разъ возмущала юнаго самолюбиваго поэта... Снисходительнѣе были отношенія Зиновьева. Лермонтовъ отмѣчалъ иногда на своей тетрадкѣ стихи, одобренные учителемъ. Въ пансіонѣ происходили „засѣданія по словесности". Здѣсь профессора читали свои произведенія, ученики декламировали басни, стихи. Все это должно было поощрять литературныя наклонности, и результатъ прежде всего сказался на Лермонтовѣ. Поэтъ оставался въ пансіонѣ менѣе двухъ лѣтъ, — но за это время успѣлъ показать будущее величіе своего дарованія. О своихъ учебныхъ занятіяхъ поэтъ разсказываетъ въ письмѣ къ одной изъ своихъ родственницъ. Изъ него мы, между прочимъ, узнаемъ о свиданіяхъ Лермонтова съ отцомъ. Юный авторъ сообщаетъ, что инспекторъ пансіона намѣренъ издавать журналъ «Калліопу», „гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ". Это инспекторъ замышляетъ—„подражая мнѣ", прибавляетъ Лермонтовъ. Очевидно, существовалъ какой-то ученическій журналъ при главномъ участіи нашего поэта. Къ письму приложено стихотвореніе „*Поэтъ*": оно оканчивается словами.

...долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья.

Впечатлѣній у поэта было много еще до пріѣзда въ Москву. Теперь они широкой свѣжей волной хлынули въ его воспріимчивую душу. Они шли отъ книгъ, театра, новыхъ знакомствъ въ обществѣ. Лермонтовъ читаетъ Шиллера, видитъ на сценѣ его пьесы,—и самъ задумываетъ писать драмы, знакомится съ Шекспиромъ и въ письмѣ къ той же родственницѣ „вступается за честь его", цитируетъ сцены изъ *Гамлета*,—наконецъ, Лермонтовъ попадаетъ въ новую струю сердечныхъ влеченій. У поэта всегда жила непреодолимая потребность любви и ласки. Теперь, въ кругу сверстниковъ, онъ начинаетъ мечтать о дружбѣ. Первые его лирическія изліянія посвящены *другу* и *дружбѣ*. Посланія сначала направлены къ нѣкоему Сабурову, — но „женская душа" этого друга скоро оттолкнула поэта, между друзьями часто происходили разрывы. Прочнѣе, повидимому, была дружба съ другимъ товарищемъ, Дурновымъ. Поэтъ его уважаетъ за открытую и добрую душу", онъ его „первый и послѣдній". Но вообще дружба дала поэту мало удовлетворенія, рядомъ съ посвященіями встрѣчается негодованіе на легкомысліе, измѣну друзей. Къ одному изъ нихъ поэтъ писалъ:

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій,

Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій...

Если поэту не дано было вѣрной, страстной дружбы,—еще менѣе его ждалъ „миръ“ и „досугъ“. Въ пансіонѣ началась самостоятельная энергическая дѣятельность поэта, и здѣсь же надъ нимъ разразилась первая драма дѣйствительности. Въ то время, когда его влекли мрачные образы „Плѣнниковъ“, „Корсаровъ“ — и онъ самъ нетвердой рукой начиналъ рис овать ихъ о чужимъ образцамъ, предъ нимъ лицомъ къ лицу встало горе, создавшее въ немъ одинокаго и гонимаго. Поэту едва минуло шестнадцать лѣтъ, — онъ долженъ былъ пережить въ полномъ смыслѣ драматическую борьбу. Не успѣла она умолкнуть,—его постигла новая невзгода... И раньше чѣмъ онъ вчитался въ *Чайльдъ Гарольда* и *Манфреда*,—въ его душѣ успѣли вырости и гнѣвъ и разочарованіе.

V.

Послѣднее время пребыванія поэта въ пансіонѣ, т.-е. 1829 годъ, отмѣченъ въ его произведеніяхъ необычайно мрачнымъ колоритомъ чисто-юношескаго разочарованія. Извѣстно, что только въ этомъ году Виндсонъ сталъ учителемъ Лермонтова, слѣдовательно, о вліяніи Байрона на эти стихотворенія не можетъ быть и рѣчи. У поэта своего „байронизма“ было слишкомъ много, чтобы заимствовать извнѣ мотивы презрѣнія и разочарованія. „Байронизмъ“, жилъ въ душѣ поэта съ первой минуты сознанія, развивался непрестанно, когда „болѣзнь учила его думать“, Кавказъ поражалъ своимъ величіемъ, первая любовь вызвала первыя муки. Поэтъ искалъ болѣе спокойнаго и вѣрнаго удовлетворенія въ дружбѣ, но и здѣсь не нашлось, никого кто бы „понялъ его пылкую душу“. Тогда, наконецъ, разразилась давно скоплявшаяся туча семейной драмы...

Намъ не извѣстны, къ сожалѣнію, въ точности всѣ акты этой драмы, мы можемъ судить о ней на сколько поэтъ счелъ нужнымъ раскрыть ее въ своихъ произведеніяхъ.

Мы знаемъ, что Юрій Петровичъ согласился оставить своего сына у бабушки до шестнадцати-лѣтняго возраста. Съ приближеніемъ срока отношенія между отцомъ Михаила Юріевича и его воспитательницей должны были все больше обостряться. Такое положеніе дѣлъ, падаетъ, вѣроятно, именно на 1829 годъ: въ слѣдующемъ году поэтъ пишетъ уже „Эпитафію“, несомнѣнно относящуюся къ смерти отца. Юрій Петровичъ часто видѣлся съ сыномъ въ Москвѣ, принималъ участіе въ его занятіяхъ—и, конечно, совершенно былъ далекъ отъ мысли уступить его окончательно бабушкѣ. Столкновеніе было неизбѣжно. Въ юношеской драмѣ подробно разсказаны всѣ муки, какія долженъ былъ вынести несчастный юноша: онѣ, по выраженію поэта, „всѣ падали“ на него. Бабушка, конечно, употребила всѣ усилія отвоевать своего любимца, напомнила ему свои благодѣянія, представила свою жалкую одинокую старость, если онъ уѣдетъ къ отцу: чувство состраданія взяло верхъ, и Михаилъ Юрьевичъ остался у бабушки. Отецъ уѣхалъ, униженный и оскорбленный болѣе чѣмъ когда-либо. Ему и его сыну еще разъ пришлось выслушать упреки въ захудалости, незнатности... Вскорѣ онъ умеръ, оставивъ сыну одну изъ самыхъ скорбныхъ страницъ въ его и безъ того нерадостной, недолговѣчной жизни.

Сколько усилій стоило Лермонтову пережить неурядицу — видно изъ стихотвореній этого времени. У поэта является особенная склонность къ воспоминаніямъ—несомнѣнный признакъ, что въ настоящемъ ему не видѣлось ничего отраднаго. „Мой духъ погасъ и состарѣлся!“ — сознается онъ,—и только „смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ“ — ему „любезенъ“. Поэтъ убѣдился, что дѣйствительный міръ совершенно не отвѣчаетъ его завѣтнымъ думамъ, онъ, бросая кругомъ взоръ, исполненный тоски неудовлетвореннаго желанія, повторяетъ:

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И óбразовъ иныхъ существованье.

А въ мірѣ среди людей поэтъ чувствуетъ себя одинокимъ. Онъ впервые приходитъ къ убѣжденію, что онъ „отмѣченъ судьбой“, „природы сынъ“, „жертва посреди степей“. Ему „міръ земной тѣсенъ“, порывы его юности „удручены ношею обмановъ“, предъ нимъ уже призракъ преждевременной старости... Тогда въ душѣ поэта начинаютъ звучать мотивы, которые будутъ сопровождать его до самой могилы. Отдѣльныя искры гнѣва начинаютъ скопляться въ

жгучую рѣчь сатиры: мы слышимъ отдаленные раскаты *Думы*, предъ нами медленно постепенно выростаетъ могучій образъ *Демона*.

Къ 1829 году относится первый очеркъ *Демона*. Въ *Посвященіи* къ нему отражается мракъ, наполнявшій въ то время душу поэта:

...Нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній—
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна...

Тѣ же мысли повторены въ другомъ стихотвореніи:—*Монологъ*; его можно назвать первымъ очеркомъ *Думы*.

Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на роднѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ...

Такимъ изображается и *Демонъ*:

Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему.
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ничему
И ничего не принимая...

Поэту не было еще шестнадцати лѣтъ, онъ едва только начиналъ читать Байрона, но уже могъ совершенно искренне, глядя только въ свою душу, высказать признаніе раньше чѣмъ прочелъ его у другаго: *Душа моя мрачна*...

И сама судьба, независимо отъ литературныхъ увлеченій поэта, готовила ему все новыя невзгоды. Поэту скоро пришлось лишиться отца, и, оплакивая его смерть, онъ по несчастію ставитъ себя рядомъ съ нимъ:

Прости, увидимся-ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земного?
Какъ знать! И такъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ,
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ...

Когда сынъ молча страдалъ при видѣ умершаго отца, толпа, неспособная понять страданій безъ слезъ, безъ звука, винила его въ равнодушіи. У поэта все чаще появляются рѣзкія нападки на «свѣтъ», эпиграммы на отдѣльныхъ личностей...

Но онъ не можетъ успокоиться на одномъ отрицаніи, ему жаль разстаться совершенно съ былыми мечтами. Среди мрака разочарованья и злобы мелькаютъ лучи чистой вѣры, идеальныхъ упованій. Поэтъ много успѣлъ перестрадать, много утратилъ надеждъ и счастья, но онъ молодъ, исполненъ силъ и неукротимой внутренней энергіи. Онъ самъ сознается, что въ минуты, когда *все ему измѣняло, вездѣ отравы были*,

Лишь лиры звукъ неизмѣненъ былъ,

и

......Спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ заботъ...

Поэтъ искрененъ: онъ не хочетъ драпироваться въ мрачный плащъ разочарованія,—онъ, напротивъ, всѣми силами старается вѣрить, что идеалы еще возможны,

Что умъ не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремится,

что это тайное, можетъ быть, будетъ понято „черезъ мышленье и годы". Эти *сумерки души, межъ радостью и горемъ, полусвѣтъ* съ этихъ поръ будетъ обычнымъ душевнымъ состояніемъ поэта. Онъ вѣчно будетъ сознаваться, что *любить* и *жить*—ему необходимо, но въ жизни и въ любви ему будетъ суждено узнать только горе и разочарованіе. Ему вѣчно міръ будетъ казаться тѣснымъ и въ то же время близкимъ сердцу:

Жизнь ненавистна, но и смерть страшна...

Это въ полномъ смыслѣ драма человѣческой природы, благороднѣйшая борьба, на какую только способна человѣческая мысль.

Едва поэтъ созналъ весь ея ужасъ, ему готовился рядъ новыхъ огорченій,—мелкихъ, но тѣмъ болѣе обидныхъ, раздражающихъ.

VI.

Весной 1830 года благородный пансіонъ преобразованъ былъ въ гимназію и Лермонтовъ долженъ былъ оставить его. Слѣдующее лѣто онъ провелъ въ подмосковномъ помѣстьѣ, Середниковѣ, принадлежавшемъ брату Елизаветы Алексѣевны, Дмитрію Алексѣевичу Столыпину. Это пребываніе оказалось весьма важнымъ въ жизни и развитіи поэта. Онъ впервые познакомился съ Екатериной Александровной

Сушковой,—знакомство повлекло цѣлый романъ, до сихъ поръ вполнѣ неразъясненный, но весьма характерный для обоихъ дѣйствующихъ лицъ.

Лермонтовъ очутился въ многочисленномъ обществѣ барышенъ: недалеко отъ Середникова жили Верещагины; Сашенька Верещагина была родственница Лермонтова, и теперь познакомила его съ своей подругой, Катей Сушковой, жившей также недалеко отъ Середникова. Сушкова, впослѣдствіи Хвостова, оставила записки объ этомъ знакомствѣ. Наиболѣе важный моментъ его разъясненъ самимъ Лермонтовымъ съ обычной откровенностью и мы въ настоящее время не рискуемъ впасть въ большую ошибку относительно дѣйствительнаго смысла „романа".

Юный поэтъ, успѣвшій многое пережить и еще болѣе передумать, былъ совершенно неинтереснымъ кавалеромъ для юныхъ, легкомысленныхъ барышенъ. Онѣ прежде всего увидѣли въ немъ косолапаго мальчика, съ красными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Правда, всѣмъ въ этихъ глазахъ видѣлся умъ не по лѣтамъ, но все-таки это былъ шестнадцатилѣтній „отрокъ". Катѣ Сушковой все въ немъ казалось смѣшнымъ — и „огромный Байронъ", съ которымъ онъ не разставался, и его „сантиментальныя сужденія"... Въ отвѣтъ на все это она не находила ничего болѣе остроумнаго, какъ предложить юному поэту „воланъ или веревочку", булочки, начиненныя опилками... „Отрокъ-поэтъ", какъ его постоянно называетъ Сушкова, конечно крайне раздражался и все это весьма забавляло барышенъ. Сушкова еще болѣе увлеклась этимъ впослѣдствіи, когда писала свои записки. Она приводитъ въ нихъ много стихотвореній, посвященныхъ ей Лермонтовымъ. Одни дѣйствительно посвящены ей и далеко не всѣ говорятъ о любви, другіе Сушкова приписала себѣ въ порывѣ увлеченія.

Если всмотрѣться ближе въ то, что написано поэтомъ въ теченіе этого лѣта, отъ „любви" къ Катѣ Сушковой останется развѣ только одно мимолетное увлеченіе.

По счастливой случайности, многія стихотворенія и замѣтки, возникшія въ это время, помѣчены Лермонтовымъ числами. Большая часть ихъ написана въ іюлѣ. Поэта болѣе всего занимали воспоминанія о прошлыхъ увлеченіяхъ, о дѣтствѣ, о матери, можетъ-быть и эпитафія отцу написана въ это же время. Другой, такой же существенный интересъ поэта—Байронъ. Очевидно именно съ этого лѣта онъ началъ вчитываться въ англійскаго поэта и впервые прочелъ его біографію. У него родилось страстное желаніе уподобиться Байрону во всемъ; это желаніе являлось тѣмъ естественнѣе, что поэтъ невольно сознавалъ сходство своего нравственнаго міра съ байроновскимъ: *У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки...*

Параллель заканчивалась признаніемъ:

Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Пятнадцатаго іюля поэтъ разсказываетъ все, пережитое имъ до сихъ поръ, подводитъ итоги своего шестнадцати-лѣтняго существованія. Мы встрѣчаемъ здѣсь воспоминанія о знакомыхъ намъ младенческихъ порывахъ поэта любить, наслаждаться волей, о разочарованіяхъ, постигшихъ его, едва онъ вступилъ „въ общество", „узналъ людей и „дружескій обманъ". Онъ сталъ подозрителенъ, не вѣритъ больше увѣреніямъ дружбы и любви, онъ глубоко сѣтуетъ на людей:

....для чего старались они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Стихотвореніе оканчивается глубокимъ стономъ одиночества:

Нынѣ жалкій, грустный, я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

Но поэтъ недаромъ хотѣлъ *одного удѣла* съ Байрономъ и находилъ сходство между собой и имъ въ вѣчно безпокойной, куда-то стремящейся мысли. Мысль у поэта не умираетъ, не смотря на всѣ нравственныя невзгоды, она отзывается на всѣ „земныя бури". Лѣтомъ 1830 года произошла французская революція,—и поэтъ посвящаетъ ей нѣсколько стихотвореній....

Трудно, послѣ всего этого, представить въ лицѣ поэта безнадежно влюбленнаго „отрока", какимъ рисуетъ его Сушкова. Нѣтъ сомнѣнія, что впечатлительный, всегда страстно настроенный Лермонтовъ могъ „посвятить" нѣсколько своихъ „вдохновеній" черноокой красавицѣ, но отъ этихъ посвященій до любви слишкомъ далеко. Въ концѣ лѣта самъ поэтъ сознался въ стихотвореніи, обращенномъ къ „черноокой".

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ—
Не билось сердце у меня...
. . . .
Я не люблю! Зачѣмъ страдать?

Близко знавшіе Лермонтова, его родственники также утверждаютъ, что этой любви не существовало. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ спустя, Лермонтовъ, вспоминая объ этомъ романѣ съ Сушковой, писалъ: „Было время, когда она мнѣ нравилась"... Въ этомъ воспоминаніи не звучало поэту ни одной дорогой ноты,—и онъ, при первомъ случаѣ, поступитъ съ черноокой кокеткой со всею жестокостью, на какую способно оскорбленное холодное самолюбіе. А что оно много разъ оскорблялось Сушковой — объ этомъ она сама разсказываетъ, повидимому, съ особеннымъ наслажденіемъ. Мы еще встрѣтимся съ продолженіемъ „романа" и будемъ имѣть возможность ближе оцѣнить героя и героиню.

Кромѣ всѣхъ соображеній есть одинъ существенный фактъ, дѣлающій любовь Лермонтова къ Катѣ Сушковой просто невозможной, по крайней мѣрѣ лѣтомъ 1830 года. Дѣло въ томъ, что поэтъ дѣйствительно былъ влюбленъ въ это время, можетъ быть единственно-вѣрной и страстной любовью, оставшейся у него на всю жизнь.

Въ Москвѣ на Малой Молчановкѣ, по сосѣдству съ квартирой Елизаветы Алексѣевны, жило семейство Лопухиныхъ, старикъ, отецъ, три дочери—дѣвицы—и сынъ. Они были очень дружны съ Лермонтовымъ и его бабушкой, и первый бывалъ у нихъ почти ежедневно. Поэтъ скоро влюбился въ одну изъ сестеръ Лопухиныхъ, Вареньку, „молодую, милую, умную, какъ день, въ полномъ смыслѣ восхитительную". Въ такихъ выраженіяхъ описываетъ ее одинъ изъ родственниковъ поэта. „Это", продолжаетъ онъ, „была натура пылкая, восторженная, поэтическая и въ высшей степени симпатичная. Какъ теперь помню ея ласковый взглядъ и свѣтлую улыбку; ей было лѣтъ 15—16, мы же были дѣти и сильно дразнили ее: у ней на лбу чернѣлось маленькое родимое пятнышко, и мы всегда приставили къ ней, повторяя: „у В(ареньки) родинка, В(аренька) — уродинка", но она добрѣйшее созданіе, никогда не сердилась. Чувство къ ней Лермонтова было безотчетно, но истинно и сильно, и едва ли онъ не сохранилъ его до самой смерти, несмотря на нѣкоторыя послѣдующія увлеченія".

Одно изъ лучшихъ стихотвореній, написанныхъ въ 1830 году:—

—У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей—

Сушкова совершенно напрасно относитъ къ себѣ. Оно посвящено Варенькѣ Лопухиной. Здѣсь говорится:

Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней...

Поэтъ обѣщаетъ, что „шумный свѣтъ" не узнаетъ, кто такъ нѣжно любимъ. И дѣйствительно, Лермонтовъ ревниво хранилъ отъ другихъ воспоминанье объ этой любви. Оно—единственное, давшее ему минуты удовлетворенія. „Оно", разсказываетъ тотъ же родственникъ поэта,—„не могло набросить (и не набросило) мрачной тѣни на его существованье, напротивъ: въ началѣ своемъ оно возбудило взаимность, въ послѣдствіи въ Петербургѣ, въ Гвардайской школѣ, временно заглушено было новою обстановкой и шумною жизнью юнкеровъ тогдашней школы, по вступленіи въ свѣтъ—новыми успѣхами въ обществѣ и литературѣ; но мгновенно и сильно пробудилось оно при неожиданномъ извѣстіи о замужствѣ любимой женщины».

Другая изъ упомянутыхъ барышенъ, Сашенька Верещагина, была также близка поэту, но только какъ вѣрный другъ. Поэтъ переписывался съ ней, письма исполнены взаимнаго довѣрія и симпатіи. Сашенька Верещагина, кромѣ того, неизмѣнно вѣрила въ будущую славу своего друга и питала въ немъ эту вѣру.

Но кого бы ни любилъ поэтъ и кто бы ни являлся его другомъ,—безжалостное, насмѣшливое кокетство Сушковой должно было внести новую горечь въ его надорванное сердце. Сушкова говоритъ, насколько было развито самолюбіе у юнаго поэта и особенно самолюбіе „какъ героя, губителя сердецъ",—но что его вѣчно смущало отсутствіе въ немъ внѣшней красоты. Независимо и отъ этого смущенія, для поэта, давно умственно переросшаго свои годы, было кровной обидой—слышать эпитеты „отрока", „ребенка", „мальчика". Лѣто предъ поступленіемъ въ Университетъ внесло, слѣдовательно, въ его сознаніе но-

вое чувство отчужденія, наклонность жить въ самомъ себѣ. Это отчужденіе являлось прямымъ слѣдствіемъ испытаній, постигавшихъ всякое желаніе поэта—стать ближе къ людямъ. Эти неудачи вызовутъ у поэта стремленіе—удалиться отъ людей подальше, скрыть отъ нихъ свои думы, свое *Я*,—въ глубинѣ этого стремленія будетъ жить страстное, непреодолимое презрѣнье къ окружающимъ. Придетъ время,—это презрѣніе скажется смѣло и открыто, геніальный юноша, столько разъ не признанный и оскорбленный, перейдетъ въ наступленіе,—и горе тогда хвастливымъ кокеткамъ, легкомысленнымъ друзьямъ, свѣтскимъ кавалерамъ!... „Щадить мнѣ не дано", скажетъ поэтъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ,—и уже не будетъ жаловаться, зачѣмъ люди убили въ немъ „ребяческія мечты", —онъ потребуетъ ихъ къ отчету, броситъ имъ „стихъ. облитый горечью и злостью"...

Скоро поэтъ вступитъ въ свѣтъ,—и здѣсь изощритъ свое оружіе.

VII.

Съ перваго сентября 1830 года Лермонтовъ числится студентомъ Московскаго университета, на „нравственно-политическомъ" отдѣленіи,—вскорѣ онъ перешелъ въ „словесное". По воспоминаніямъ одного изъ старшихъ товарищей, Михаилъ Юрьевичъ былъ въ это время „неуклюжій, сутоловатый, маленькій брюнетъ, съ лицомъ оливковаго цвѣта и большими черными глазами, какъ бы исподлобья смотрѣвшими". Лермонтовъ, дѣйствительно, не могъ чувствовать себя вполнѣ своимъ человѣкомъ среди новыхъ товарищей. При первомъ знакомствѣ съ ними онъ долженъ былъ сознать, на сколько онъ переросъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтъ безъ преувеличенія могъ признать необычайную силу своей мысли и мужественное развитіе нравственныхъ силъ. „Силой мысли въ краткій часъ я жилъ вѣка", говоритъ онъ, вступая въ среду молодежи, рѣдко увлекавшейся серьезнымъ, упорнымъ мышленіемъ, своими нравами и наклонностями похожей скорѣе на пансіонскихъ школьниковъ, чѣмъ на студентовъ. Особенно первые курсы мало отличались отъ обыкновенной школы, и, по замѣчанію того же товарища Лермонтова, не имѣли тѣсной связи съ старшимъ, а первый курсъ кромѣ того, и оффиціально считался чѣмъ то вродѣ университетскаго приготовительнаго класса. Здѣсь, интересы литературы и развитія должны были стоять даже ниже, чѣмъ въ благородномъ пансіонѣ: здѣсь не могло быть такого внимательнаго, часто товарищескаго руководительства наставниковъ, какое было въ низшемъ учебномъ заведеніи. Все зависѣло исключительно отъ личныхъ способностей и воли, — и свѣтлыя явленія тогдашней университетской жизни всегда возникаютъ рядомъ съ какой-либо выдающейся личностью.

Въ университетѣ дѣйствуютъ такіе смѣхотворные представители знанія, какъ Маловъ, Брянцевъ, Сандуновъ и пр., къ нимъ студенты относятся или съ явнымъ презрѣніемъ или съ обидной снисходительностью, какъ къ невмѣняемымъ дѣтямъ. По крайней мѣрѣ, студенческія воспоминанія объ университетскихъ просвѣтителяхъ того времени чаще всего носятъ комическій характеръ. Можно представить, какъ слушатели цѣнили своихъ лекторовъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ нашего поэта, описывающаго университетскую аудиторію предъ началомъ и во время лекцій:

Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяясь чинно.
Онъ—книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ,—
шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!..

Такому вниманію къ лекціямъ вполнѣ соотвѣтствовали и продѣлки слушателей. Впрочемъ, и сами лекціи весьма часто иного отношенія не заслуживали.

Внѣ университета происходятъ совершенно другія явленія. Здѣсь растутъ и развиваются личности, часто обязанныя университету только взаимнымъ знакомствомъ другъ съ другомъ. Эти люди сошлись на скамьяхъ университета, но свои интересы, свою умственную жизнь сосредоточили внѣ его стѣнъ. Бѣлинскій, Станкевичъ, Герценъ становятся центрами товарищескихъ кружковъ, носителями идей, не только лишенныхъ оффиціальнаго кредита, но часто гонимыхъ, считавшихся опасными для государственнаго и общественнаго порядка. Даже новыя литературныя чтенія возникаютъ и живутъ внѣ стѣнъ университета: будущая дѣятельность Бѣлинскаго окажется смертельнымъ врагомъ схоластикѣ, парившей въ универси-

тетѣ именно въ то время, когда здѣсь учился великій критикъ. За университетомъ оставалось единственное достоинство: онъ помогалъ молодежи знакомиться, жить общими интересами, давалъ ей, кромѣ того, возможность вести свободную, самостоятельную жизнь. Всѣхъ увлекаетъ обиліе молодыхъ силъ, собранныхъ вмѣстѣ, возможность высказывать свои мысли, страстно и всесторонне обсуждать ихъ. Пусть Маловъ прочтетъ самую плохую лекцію: по поводу этой лекціи сошлись вмѣстѣ нѣсколько юношей, исполненныхъ силъ и энергіи. Они вмѣстѣ оставятъ авдиторію, вмѣстѣ посмѣются надъ плохой лекціей, — и именно она, можетъ быть, вызоветъ у нихъ стремленіе искать свѣжей, содержательной мысли въ другомъ мѣстѣ. Это стремленіе будетъ исполнено самоувѣренности: оно — молодо и предоставленно самому себѣ, авторитета среди окружающихъ наставниковъ для него не существуетъ. Восторги и негодованіе будутъ безпредѣльны, — и страстность увлеченія цѣлые годы будетъ неустанно трепетать на страницахъ Бѣлинскаго: она будетъ отголоскомъ пламенныхъ рѣчей среди товарищей—студентовъ.

Естественно, что Лермонтовъ менѣе чѣмъ кто-либо могъ увлечься университетскими лекціями. Онъ рѣдко ихъ посѣщалъ и едва слушалъ. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличался отъ многихъ своихъ товарищей, впослѣдствіи ставшихъ извѣстными въ наукѣ и въ литературѣ. Но Лермонтовъ не походилъ на нихъ всѣмъ складомъ своего нравственнаго міра. У него не было ихъ юной, ничѣмъ не омраченной довѣрчивости, способности отзываться на чувство дружбы, на малѣйшій проблескъ симпатіи. Онъ успѣлъ разочароваться и въ дружбѣ и въ симпатіяхъ. Дружбу онъ оплакалъ еще въ пансіонѣ, а любовь, по крайней мѣрѣ, увлеченіе, еще недавно оставило новую рану въ его сердцѣ. Для него давно уже единственнымъ вѣрнымъ источникомъ отрады являлись воспоминанія о дѣтствѣ, о былой вѣрѣ въ людей и идеалы. Теперь онъ хочетъ вѣрить въ нихъ, только потому, что страшно въ годы только что разцвѣтающей молодости совсѣмъ порвать съ людьми и жизнью. Вспомнимъ, кромѣ того, что семейная драма, одинокая смерть отца, постигли поэта въ самомъ началѣ его университетской жизни. Все вмѣстѣ должно было тяжелымъ камнемъ лечь на впечатлительную мысль Лермонтова, — и намъ понятно, почему онъ не разставался съ Байрономъ: въ его рѣчахъ, исполненныхъ пламеннаго гнѣва, мужественнаго презрѣнія къ людямъ, гордаго сознанія своего одиночества—нашъ поэтъ читалъ исторію собственнаго сердца. Мы не ждемъ отъ него—былыхъ дружескихъ изліяній по адресу товарищей, довѣрчивости къ людямъ. Онъ насъ заранѣе предупредилъ:

Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужь я съ давнишнихъ дней...

и поэтъ давно убѣдился, и мы видѣли, на сколько справедливо, —что свѣтъ не привыкъ цѣнить чувства. Притомъ поэтъ знаетъ, что слова его *печальны*, что въ нихъ заключены его *сердечныя муки*, —а на сколько люди равнодушны къ этимъ мукамъ, онъ недавно видѣлъ на примѣрѣ наиболѣе близкаго къ себѣ человѣка, бабушки, въ ея исторіи съ отцомъ, на примѣрѣ дѣвушки, только что начинающей жить, на примѣрѣ многихъ друзей.

Весь этотъ слишкомъ ранній опытъ поэтъ скроетъ отъ людей: «Я не требую вниманья», говоритъ онъ, «на грустный бредъ души моей»... Поэтъ ни на минуту не заблуждается относительно мнѣнія другихъ о немъ. Онъ знаетъ, что «кажется злымъ толпѣ», —но это потому, что она не понимаетъ его, ни разу не подумала, отчего этотъ человѣкъ сталъ *холоденъ* и *гордъ*.

Съ такимъ настроеніемъ, воспитаннымъ не чтеніемъ какихъ-либо книгъ, а дѣйствительностью собственной жизни, Лермонтовъ менѣе всего могъ сходиться съ людьми—только потому, что они его товарищи, сверстники. И онъ держался въ сторонѣ отъ нихъ, одинаково пренебрегалъ лекціями профессоровъ и обществомъ студентовъ. Это не было простой гордостью: здѣсь крылся давно установившійся взглядъ на людей, на дружбу, на товарищество. Но Лермонтовъ не можетъ замкнуться въ совершенномъ одиночествѣ: онъ слишкомъ молодъ, исполненъ силъ, и чувства, —и если бы это одиночество для него было возможно и легко, предъ нами не было бы глубоко-драматической, во всѣхъ отношеніяхъ выдающейся личности. Нѣтъ, поэтъ искренне сознается, что отучить его отъ любви не могъ обманъ, что

Пустое сердце ныло безъ страстей
И въ глубинѣ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней.

И онъ любилъ. Мы говорили выше объ его любви къ Варенькѣ Лопухиной. Эта любовь и влеченіе самого поэта заставили искать свѣтскихъ знакомствъ.

Со времени студенчества Лермонтовъ становится усерднымъ посѣтителемъ московскихъ салоновъ, баловъ, маскарадовъ. Онъ зналъ дѣйствительную цѣну всѣхъ этихъ удовольствій, и умѣлъ въ глазахъ другихъ относиться къ нимъ «безъ страсти и гнѣва». Его родственникъ разсказываетъ что Лермонтовъ въ частной жизни, внѣ своей поэтической дѣятельности, «былъ почти всегда веселъ, ровнаго характера, занимался часто музыкой, а больше рисовалъ, игралъ въ шахматы». Автору кажется даже, что это и былъ настоящій Лермонтовъ, а все прочее — напускной байронизмъ, «драпировка». Очевидно, родственникъ принадлежалъ именно къ той толпѣ, которой, по словамъ поэта, «все равно — что въ сердцѣ — огонь иль сумракъ»?.. Удивительно, какъ люди могли просмотрѣть, что «драпировка» сохранялась поэтомъ до конца жизни, внушила ему всѣ его произведенія, вмѣстѣ съ нимъ перешла въ безсмертную память потомства, а «веселый, непринужденный видъ», исчезалъ съ лица поэта едвали не въ ту самую минуту, когда окружающіе были увѣрены, что онъ въ самомъ счастливомъ настроеніи. Неужели не казалось страннымъ, почему взоръ поэта неизмѣнно оставался задумчивымъ и печальнымъ въ то время, когда на устахъ играла радостная, можетъ быть, даже легкомысленная улыбка?.. Мы нѣсколько разъ будемъ имѣть возможность убѣдиться, на сколько поэтъ былъ правъ, обвиняя людей, даже ему близкихъ, въ слѣпотѣ, въ эгоизмѣ, въ нравственной мелочности, не позволявшей имъ разсмотрѣть за вынужденнымъ смѣхомъ мучительной тоски и остраго презрѣнія, сверкавшихъ часто въ невольномъ взрывѣ сарказма и негодованія.

Поэтъ самъ охарактеризовалъ свое дѣйствительное отношеніе къ свѣтскому обществу, —и мы не можемъ эту характеристику не признать правдивой и искренней. Она безпрестанно повторяется поэтомъ, въ самыхъ идейныхъ его произведеніяхъ, она выростаетъ въ совершенно законченное міросозерцаніе. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вступленія въ университетъ, послѣ одного сезона свѣтскихъ удовольствій, Лермонтовъ писалъ:

> Я любилъ
> Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
> Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
> И тѣ мгновенья были мукъ полны...

Это были муки одиночества. Мы не встрѣчаемъ теперь у поэта ни одного намека на дружбу: товарищи - студенты его не интересовали. Свѣтская жизнь давала исходъ его молодой жаждѣ развлеченій, но не наполняла его духовный міръ; не давала покоя и удовлетворенія. Напротивъ, этотъ «свѣтъ» постоянно и мучительно возбуждалъ мысль поэта, возмущая противорѣчіями своей жизни исконнымъ идеаламъ поэта. Эти идеалы теперь окончательно выясняются. Грезы дѣтства и и первой юности теперь вновь всплываютъ въ часы одинокихъ думъ поэта. Каждый часъ, проведенный въ свѣтскомъ обществѣ, напоминаетъ ему или величественныя картины Кавказа или бурное небо и горы Шотландіи или, наконецъ, все это сливается въ одинъ обаятельный призракъ невѣдомаго идеальнаго міра.

«Свѣтъ», его вліяніе на людей — неисчерпаемая тема для поэта въ его университетскіе годы. «Свѣтъ» прежде все не удовлетворялъ исконному стремленію поэта — испытать сильное, всеподавляющее чувство. Съ дѣтскихъ лѣтъ поэтъ носилъ въ себѣ ощущенія героя — безсмертную любовь и пламенный гнѣвъ. Теперь, глядя на волнующійся кругомъ свѣтъ, онъ не находилъ «въ немъ предмета ни сильной злобы, ни любви». Все здѣсь было подернуто сѣрой, безличной дымкой, все было такъ умѣренно и аккуратно, что едва стоило вниманія,—глубокому чувству не было и мѣста. Эта «хладная мгла» и души людей среди нея становились, «холоднѣе волнъ». Поэта болѣе всего возмущаетъ нивеллирующее, опошливающее вліяніе свѣта. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ свѣтское общество сглаживаетъ личные оттѣнки въ характерахъ людей, вытравливаетъ всякую оригинальность, приводитъ всѣхъ къ одному уровню одушевленнаго манекена. Мало этого, тотъ же самый свѣтъ, до безконечности принизивши человѣка, учитъ его быть счастливымъ именно въ этомъ состояніи безличія и приниженности, наполняетъ его

чувствомъ самодовольства, парализирующимъ всякое нравственное развитіе:

Свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Что самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

Поэту страшно самому подвергнуться той же участи,—и онъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо прячетъ свои задушевныя думы отъ людей, съ трепетомъ кроетъ свое вдохновеніе отъ пошлыхъ легкомысленныхъ взоровъ—«Передо-мной», говоритъ онъ

Блеститъ надменный глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущельяхъ кавказскихъ скалъ....

И поэтъ дѣйствительно будетъ искать вдохновенія въ горахъ Кавказа, когда захочетъ отдохнуть отъ свѣтской пустоты и людскаго ничтожества, когда даже задумаетъ изобразить тотъ же «свѣтъ». Онъ будетъ посвящать *сѣдому, суровому царю земли* свои поэмы потому что, говоритъ поэтъ,

Моей души не понялъ міръ,—ему
Души не надо......

Въ этой душѣ живутъ «воспоминанія о далекой, святой землѣ»...

Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твой! Я всюду—твой!...

Поэтъ объясняетъ, почему онъ принадлежитъ Кавказу и Кавказъ ему:

Прекрасенъ ты—суровый край свободы!...
Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ громкихъ бурь....

Кавказъ далъ поэту все, чѣмъ искони жилъ его духъ: свободу, величественныя картины природы—бурю и лазурное небо.

Гимны Кавказу смѣняются тоскою по родной Шотландіи: вѣдь тамъ такія же горы, также воютъ бури и также царствуетъ свобода. Тамъ, кромѣ того, могила Оссіана, съ которымъ поэтъ чувствуетъ у себя много общаго, родственнаго.

Очевидно, въ душѣ Лермонтова совершается то же самое, что пережито другими поэтами, не находившими среди людей мѣста своимъ идеаламъ. Они также грезили о странахъ, гдѣ нѣтъ «цѣпей образованности», нѣтъ людскихъ приличій, гдѣ одна природа-мать диктуетъ невозбранно свои законы. Это — грёзы Руссо, Шиллера, Гердера, множества другихъ поэтовъ революціоннаго вѣка. Имъ всѣмъ мечтался идеальный міръ, совершенно не похожій на существующій, своего рода *золотой вѣкъ*. Онъ долженъ былъ представиться и нашему поэту; онъ томился такой же жаждой воли и природы.....

И дѣйствительно, Лермонтовъ—рисуетъ свой идеальный міръ, живо напоминающій утопію прошлаго вѣка:

Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ....
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ, станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ.
Къ нимъ станутъ
Слетаться ангелы....

Какой чудный міръ! Можно до конца убаюкивать себя мечтой о немъ, начать жить теперь «подобно ангелу», прогнать отъ себя все горе, всѣ радости міра и замкнуться въ гордомъ одиночествѣ. Но мы уже знаемъ, что такое одиночество недоступно поэту, онъ и теперь откровенно сознается въ этомъ:

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ
Свободно отъ людей и отъ земли
Не суждено имъ насладиться мнѣ....

Да, поэтъ вѣчно привязанъ къ этимъ людямъ, къ этой землѣ, онъ — *нашъ*, — и поэтому такъ дороги намъ его муки, его идеалы. Напрасно считаютъ его разочарованнымъ, озлобленнымъ, ненавистникомъ людей: онъ, напротивъ, исполненъ высшаго очарованія, какое только доступно человѣку, онъ вѣритъ въ самые возвышенные идеалы. Онъ *хочетъ* вѣрить въ нихъ во что бы то ни стало: ему невыразимо дорогъ человѣкъ, онъ хочетъ себя и его утѣшить надеждой на осуществленіе самыхъ смѣлыхъ поэтическихъ грезъ.

Слишкомъ мало обращали вниманія и совсѣмъ не цѣнили этотъ неистощимый идеализмъ Лермонтова, и идеализмъ не юношескихъ порывовъ и легковѣрія, а

вполнѣ зрѣлый, разумный, можно сказать разсудочный, если это понятіе умѣстно въ страстной поэзіи Лермонтова. Мы знаемъ, поэтъ ни на минуту не поддавался внѣшнимъ обольщеніямъ, видѣлъ, что люди въ сущности эгоистическая толпа, гдѣ каждый «забытъ и сиръ», и что наиболѣе легкій и естественный путь для этой толпы ведетъ къ *ничтожеству*. И все-таки, поэтъ не можетъ помириться съ мыслію, что это единственный удѣлъ человѣка. Вѣдь есть же люди съ иными стремленіями,—и въ этихъ людяхъ залогъ лучшаго, достойнаго будущаго для всего человѣчества. Поэтъ разсуждаетъ объ этомъ совершенно спокойно, логически:

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться,
Къ тому что не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.

—

Но чувство есть у насъ святое—
Надежда—богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ,
На небѣ иль въ другой пустынѣ
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

Вѣра въ идеалы—источникъ живаго, отзывчиваго отношенія къ дѣйствительности. У Лермонтова оно было стремленіемъ всей его природы. Мы видѣли, какъ онъ находилъ возможность привѣтствовать историческія событія въ минуты самого напряженнаго развитія личной жизни. То же самое происходитъ и теперь.

Лермонтовъ не принадлежитъ къ студенческимъ кружкамъ, — но онъ питаетъ надежды всѣхъ лучшихъ современныхъ людей. Замѣчательно, что эти надежды воплощаются въ произведеніяхъ, въ полномъ смыслѣ *оторванныхъ потомъ отъ сердца*. Здѣсь рядомъ семейная личная драма Лермонтова и общественные запросы.

Ко времени студенчества относится драма *Странный человѣкъ*. Въ предисловіи къ ней поэтъ не преминулъ высказать мысли, наиболѣе близкія ему въ это время. «Справедливо ли описано у меня общество», говоритъ онъ, — не знаю; по крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня». Главный герой драмы живое воплощеніе самого поэта. Его признанія о себѣ мы уже знаемъ изъ стихотвореній автора. Владиміръ страдаетъ среди той же драматической борьбы, какъ и Лермонтовъ: онъ знаетъ эгоизмъ и ничтожество людей и все-таки не можетъ покинуть ихъ общество: «Я бы желалъ», говоритъ онъ,—удалиться совершенно отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... и это такъ тяжело!...» Но драма еще важнѣе для насъ, какъ выраженіе общественныхъ интересовъ поэта. Вопросъ о рабствѣ въ Россіи занималъ лучшихъ русскихъ людей едва ли не со времени перваго культурнаго знакомства Россіи съ Европой. Этотъ вопросъ достигъ высшей популярности послѣ отечественной войны, послѣ новаго наплыва западныхъ идей въ наше отечество. Рѣдкая дворянская семья могла не узнать этихъ идей отъ какого либо изъ своихъ членовъ, освобождавшаго Западъ отъ Наполеона. Въ студенческихъ кружкахъ крѣпостное право являлось неисчерпаемой темой. Въ драмѣ Лермонтова ей посвящена цѣлая сцена. Мужикъ разсказываетъ Владиміру и его другу о жестокостяхъ своей помѣщицы и всякія крестьянскія невзгоды. Разсказъ приводитъ Владиміра въ страшный гнѣвъ, вырываетъ у него крикъ, полный тоски «О, мое отечество! мое отечество!..»

Очевидно, ни глубокое презрѣніе къ окружающему обществу, ни поэтическій идеализмъ не могли убить у Лермонтова живаго интереса къ жизни родины, къ жизни, наиболѣе незамѣтной, пренебрегаемой тѣмъ «свѣтомъ», гдѣ жилъ поэтъ. Это невольное чувство любви къ родинѣ будетъ жить у поэта до конца жизни. *Люблю отчизну я*,—будетъ однимъ изъ его послѣднихъ признаній.

Университетскіе годы оказались въ высшей степени плодотворны для Лермонтова. Въ это время написано имъ болѣе всего произведеній, талантъ зрѣлъ быстро, *по часамъ*, духовный міръ поэта опредѣлялся рѣзко и настойчиво. Лермонтову шелъ

восемнадцатый годъ,—въ немъ успѣлъ вырости поэтъ сильный мыслью, человѣкъ съ ярко выраженной личностью. Поэтъ сознавалъ свою зрѣлость, свой нравственный ростъ. Онъ еще съ дѣтства привыкъ наблюдать самого себя, и потомъ всю жизнь неустанно отдавалъ себѣ строгій отчетъ въ своей душевной жизни. Чѣмъ больше онъ развивался, тѣмъ искреннѣе становилось его отношеніе къ себѣ.

Въ университетскіе годы написана, между прочимъ, поэма *Ангелъ смерти*. Устами ея героя Зораима поэтъ высказалъ много откровенныхъ истинъ о самомъ себѣ. Поэтъ говоритъ о Зораимѣ:

Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучалъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться...
. . . .
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ—самъ не былъ лучше ихъ.

Еще откровеннѣе высказываетъ поэтъ свое настроеніе устами Владиміра: «Какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ».

Это было невольнымъ, естественнымъ голосомъ молодости, страстнаго темперамента. Поэту жестоко придется расплачиваться за то, что онъ переросъ свои годы, онъ неоднократно пожалѣетъ, что слишкомъ рано созрѣлъ, — но за то въ этой преждевременной зрѣлости—источникъ его благородной гордости, сознанія своего исключительнаго назначенія. Рядомъ съ сожалѣніемъ поэтъ будетъ съ чувствомъ благодарности вспоминать о времени, когда онъ нравственно выросъ. Поэтому Москва и университетъ, самъ по себѣ ничего не давшій ему въ умственномъ отношеніи, навсегда останутся его лучшими воспоминаніями. Университетъ сольется съ дорогимъ прошлымъ, и станетъ *святымъ мѣстомъ*, хотя поэту пришлось покинуть его раньше времени, вѣроятнѣе всего, противъ воли.

Достовѣрная причина выхода Лермонтова изъ университета неизвѣстна. Въ самое послѣднее время родственникъ поэта повторилъ—старое преданіе «исторію съ однимъ изъ профессоровъ», вѣроятно извѣстную исторію съ Маловымъ. Авторъ прибавляетъ, что Лермонтовъ былъ замѣшанъ въ нее «случайно и противъ воли». *Свидѣтельство*, выданное ему изъ университета, говоритъ объ увольненіи «по прошенію». Это «прошеніе» могло быть вынужденнымъ и устраняло простое исключеніе, можетъ быть, благодаря ходатайствамъ вліятельной Елизаветы Алексѣевны. И позже эти ходатайства не разъ придутъ на помощь ея слишкомъ увлекающемуся любимцу. Во всякомъ случаѣ съ 18 іюня 1832 года Лермонтовъ не состоялъ болѣе студентомъ.

Этотъ выходъ, повидимому, вполнѣ отвѣчалъ стремленіямъ поэта. Въ стихотвореніи, написанномъ въ томъ же году, поэтъ восклицалъ:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня:
Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Поэтъ дѣйствительно сброситъ «образованности цѣпи». Предъ нами пройдетъ наиболѣе безплодный, печальный періодъ его жизни. Необычайно энергическое развитіе и страстная поэтическая дѣятельность или совсѣмъ пріостановятся или примутъ отрицательное направленіе... Но какія бы ни были увлеченія поэта, здѣсь нѣтъ мѣста осужденію. «Ноша самопознанія» дѣйствительно тяжела въ семнадцать лѣтъ, и должна или окончательно сломить юный умъ или вызвать временную реакцію. Эта реакція не будетъ паденіемъ духа,—она только дастъ передохнуть и расправиться молодымъ силамъ, слишкомъ долго и несвоевременно подавленнымъ мыслью.

VIII.

Лермонтовъ сначала намѣренъ былъ поступить въ петербургскій университетъ, но вмѣсто университета попалъ въ «школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ». Интересны первыя впечатлѣнія поэта по пріѣздѣ въ Петербургъ. Новое общество нисколько не заинтересовало поэта,—напротивъ его жалобы на «свѣтъ» еще усилились. Въ августѣ, предъ самымъ поступленіемъ въ школу, Лермонтовъ пишетъ: «Ищу впечатлѣній, какихъ-либо впечатлѣній... Преглупое состояніе человѣка—то, когда онъ долженъ занимать себя,

чтобъ жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей: быть своимъ шутомъ!... Одну добрую вещь скажу вамъ: наконецъ я догадался, что не гожусь для общества, и теперь больше, чѣмъ когда-нибудь». Очевидно, желанная *воля* не дала поэту удовлетворенія. Онъ пишетъ, что совсѣмъ лишился сна, состояніе его духа—невыносимо. «Всё люди—такая тоска, замѣчаетъ онъ съ горькой ироніей:—хоть бы черти для смѣха попадались». Поэтъ весьма опредѣленно объясняетъ причины, почему люди скучны: «Видѣлъ я образчики здѣшняго общества, пишетъ онъ, — дамъ очень любезныхъ, молодыхъ людей весьма воспитанныхъ; всѣ они вмѣстѣ производятъ на меня впечатлѣніе французскаго сада, очень тѣснаго и безъ затѣй, но въ которомъ съ перваго разу можно заблудиться, потому что хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ всякое различіе между деревьями». Вскорѣ онъ начинаетъ вспоминать о Москвѣ: «Москва—моя родина и такою будетъ для меня всегда: тамъ я родился, тамъ много страдалъ, и тамъ же былъ слишкомъ счастливъ».

Лермонтовъ ощущалъ мучительную пустоту въ сердцѣ, его болѣе чѣмъ когда-либо мучили „*сумерки души*", чего то хотѣлось, мощнаго, великаго—а кругомъ были существа, лишенныя «свободной и сильной мысли». Поэту хочется жизни исполненной даже печали,—но печали могучей, захватывающей всего человѣка.

Что безъ страданій жизнь поэта
И что безъ бури океанъ?

Въ это время написано стихотвореніе *Парусъ*. Оно прекрасно рисуетъ мятущійся духъ поэта, ищущій исхода своимъ порывамъ во что бы то ни стало «на зло любви и счастью»... Поэтъ разъ мечталъ на берегу моря, увидѣлъ вдали корабль,—и въ его умѣ быстро сложилась аналогія между этимъ кораблемъ и личнымъ душевнымъ состояніемъ:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой:
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

Величайшее горе поэта въ томъ, что онъ не можетъ ни съ кѣмъ сойтись, подѣлиться своими думами. Онъ не чувствуетъ себя равнымъ со своими сверстниками, преждевременная зрѣлость выдѣляетъ его изъ ряда другихъ. За нѣсколько дней предъ экзаменами въ школѣ поэтъ пишетъ: «Я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ; и затѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ».

Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ,—онъ чувствуетъ одинъ!

Въ началѣ ноября 1832 года Лермонтовъ былъ принятъ въ школу. Эта перемѣна карьеры шла противъ желаній бабушки, но, несомнѣнно, не была чужда симпатіямъ самого поэта. Еще съ дѣтства его мечты носятъ героическій, воинственный характеръ. Кавказъ сильно подогрѣлъ это направленіе. Въ пансіонскихъ эпиграммахъ постоянно упоминается *гусаръ* въ роли донъ-жуана, счастливаго побѣдителя женскихъ сердецъ. Послѣдняя роль не могла не льстить воображенію юнаго поэта. Усердно занимаясь рисованіемъ, поэтъ, по свидѣтельству его родственника, бралъ темы «преимущественно въ батальномъ жанрѣ». Такими же рисунками поэта наполненъ и альбомъ его матери. Наконецъ, и простое практическое соображеніе могло побудить поэта «стать воиномъ». Одинъ изъ товарищей Лермонтова объясняетъ это соображеніе. «Въ концѣ 1820-хъ, говоритъ онъ,—и самомъ началѣ 1830-хъ годовъ, для молодыхъ людей, окончившихъ воспитаніе, предстояла одна карьера—военная служба. Тогда не было еще училища правовѣдѣнія и всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ называли подъячими. Я хорошо помню, какъ отецъ мой, представляя насъ, трехъ братьевъ, великому князю Михаилу Павловичу, просилъ двухъ изъ насъ принять въ гвардію и какъ его высочество, взглянувъ на третьяго, небольшаго роста, сказалъ: «а этотъ въ подъячіе пойдетъ?» Вотъ какъ тогда величали всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, и Лермонтовъ, оставивъ университетъ, поневолѣ долженъ былъ вступить въ военную службу и просидѣть два года въ школѣ».

Это были въ полномъ смыслѣ «злополучные годы», какъ ихъ называетъ самъ Лермонтовъ и его родственникъ. Воспоминанія товарищей поэта совершенно согласны съ его впечатлѣніями. Объ умственномъ развитіи юныхъ воиновъ никто и не думалъ, — напротивъ имъ «не позволялось читать книгъ чисто-литературнаго содержанія». Въ школѣ издавался рукописный

журналъ,—характеръ его вполнѣ очевиденъ изъ «поэмъ» Лермонтова, вошедшихъ въ этотъ органъ: *Уланша*, *Петергофскій праздникъ*... Лермонтовъ ни въ чемъ не отставалъ отъ товарищей: не даромъ онъ стремился сбросить *образованности цѣпи*, по крайней мѣрѣ, внѣшне. Онъ былъ, главнымъ сотрудникомъ «журнала», первымъ товарищемъ во всевозможныхъ похожденіяхъ. Но на первое время его постигла неудача. «Сильный душой, разсказываетъ одинъ изъ его товарищей,—Лермонтовъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ, послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ чтобъ показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзжанную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Онъ проболѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ». Это несчастье дурно отразилось на внѣшности поэта, и безъ того некрасивой: онъ слегка прихрамывалъ въ теченіе всей жизни. Лермонтовъ былъ небольшаго роста, не особенно ловокъ, но, говоритъ его товарищъ, «почему-то вниманіе каждаго, и не знавшаго, кто онъ, невольно на немъ останавливалось».

И дѣйствительно, Лермонтовъ не весь былъ на лицо предъ своими разгульными товарищами. Подъ легкомысленной внѣшностью таилась *своя*, глубоко-затаенная душевная жизнь, и поэтъ не любилъ никого посвящать въ нее. Молодой и страстный—онъ отдавался «гусарщинѣ», но бывали минуты, когда она ему казалась ненавистной. Въ его письмахъ часто слышится настоящій крикъ отчаянія. Напр. онъ пишетъ къ одной изъ сестеръ Лопухиныхъ: «Съ тѣхъ поръ какъ я не писалъ къ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ, — путемъ ли порока или пошлости. Оно, конечно, оба эти пути часто приводятъ къ той же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшить меня—было бы напрасно! Я счастливѣе, чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любаго пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Васъ коробитъ отъ этихъ выраженій; но увы: *скажи, съ кѣмъ ты водишься и я скажу кто ты таковъ!*»

Поэту, очевидно, трудно было приспособиться къ новой средѣ,—но она отвѣчала запросамъ его юнаго организма и мы вѣримъ, что ему дѣйствительно временами было весело. Веселье это покупалось дорогою цѣной, цѣной прежнихъ мечтаній—поэтическихъ и чистыхъ. Поэту иногда кажется, что ему суждено навсегда отказаться отъ нихъ. «Увы, пишетъ онъ,—пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужно чувственное наслажденіе, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи мою душу!...»

И поэтъ отдавался наслажденіямъ, посвящалъ имъ свое дарованіе, свои силы. Всѣмъ, кто вѣрилъ въ это дарованіе становилось страшно за судьбу его. Сашенька Верещагина, неизмѣнный другъ поэта, всѣми силами стремилась спасти его «мечтанія». Она увѣряла его, что военная карьера вовсе не мѣшаетъ ему заниматься поэзіей: «Для васъ теперь, писала она Лермонтову,—самый критическій моментъ. Ради Бога, будьте осторожны съ товарищами, и прежде чѣмъ сходиться съ ними, узнайте ихъ хорошенько. У васъ добрый характеръ и съ вашимъ любящимъ сердцемъ легко увлечься; въ особенности избѣгайте юношей, которые гордятся всякаго рода продѣлками и видятъ особенную заслугу въ нахальствѣ. Умный человѣкъ долженъ стоять выше всѣхъ этихъ пошлостей, это хорошо для людей ничтожныхъ; вы должны твердо держаться своей дороги».

Друзья поэта были рады, что въ школѣ ему приходилось быть всего два года. Но и эти годы должны были оставить извѣстный слѣдъ. Самъ поэтъ признавалъ ихъ вліяніе. Мы его видимъ въ возникновеніи нецензурныхъ поэмъ, въ выработкѣ Лермонтовымъ въ себѣ самомъ особаго типа гусара-губителя женскихъ сердецъ, видимъ, наконецъ, въ тѣхъ планахъ, какіе поэтъ рисуетъ предъ выходомъ изъ школы. «Одно меня ободряетъ, пишетъ онъ, разсказавши невзгоды лагерной жизни юнкеровъ,—черезъ годъ я офицеръ! И тогда, тогда... Боже мой! Если бы вы знали, ка-

кую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно! Во первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ...»

Это не прежній Лермонтовъ, упорно мыслящій, бросающій гордый вызовъ свѣту и его обольщеніямъ. Это дѣйствительно *Маёшка*, занявшій свое имя отъ горбатаго уродца *Mayeux*, героя французскихъ романовъ и каррикатуръ въ поль-де-коковскомъ жанрѣ. Этотъ Маёшка воспѣвалъ улановъ, Монго—своего родственника и товарища Столыпина. Столыпинъ славился красотой и рыцарскими качествами характера, но былъ, кромѣ того,

Повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель.

Въ послѣдней роли онъ и совершалъ всякія романическія экскурсіи съ Маёшкой. Одна изъ нихъ увѣковѣчена геніемъ поэта. Эти экскурсіи воспитали въ Лермонтовѣ недостойное, часто жестокое отношеніе къ женщинамъ, а поэмы создали ему далеко незавидную славу, вызывавшую сожалѣніе даже среди его товарищей.

22 ноября 1834 года Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Наконецъ предъ нимъ была такъ страстно желанная *воля*. Мы знаемъ, какъ онъ воспользуется ею. Юнкерская школа легла черной, отравляющей полосой въ нравственномъ развитіи поэта. Онъ стремился теперь по инерціи, неудержимо къ „поэзіи, залитой шампанскимъ". Всѣ, цѣнившіе геній поэта, съ ужасомъ должны были смотрѣть на это бурное, головокружительное увлеченіе. Но мы уже знаемъ, что у поэта былъ могучій источникъ спасенія и отрезвленія:

Меня спасало вдохновенье
От мелочныхъ сусетъ,

говорилъ Лермонтовъ въ самомъ началѣ житейскаго опыта. И теперь онъ найдетъ спасеніе въ томъ же вдохновеніи. Оно охватитъ его божественнымъ огнемъ, когда разразится страшная драма надъ геніальнымъ поэтомъ—современникомъ. Тогда въ душѣ Лермонтова проснутся былые звуки, онъ почувствуетъ въ себѣ связь, искони отъ природы существующую между носителями мысли и генія. Это зазвучитъ призывъ Аполлона „къ священной жертвѣ", а до тѣхъ поръ великій поэтъ будетъ «малодушно погруженъ въ заботахъ суетнаго свѣта».....

IX.

О времени, слѣдовавшемъ послѣ выхода Лермонтова изъ военной школы у насъ довольно много свѣдѣній. Прежде всего, самъ поэтъ въ письмахъ къ друзьямъ охарактеризовалъ свое настроеніе и разсказалъ—часто съ самыми откровенными подробностями—внѣшніе факты.

Поэтъ былъ счастливъ пріобрѣтенной, наконецъ, свободой, но въ душѣ его продолжало жить горькое сознаніе даромъ, часто недостойно растраченнаго времени. Онъ и теперь не разъ обращается къ прошлому, всѣми силами стремится сохранить минувшія грезы и желанія. „Милый другъ!—пишетъ онъ къ одной изъ Лопухиныхъ, «что бы ни случилось, я все буду называть васъ этимъ именемъ; иначе мнѣ придется порвать послѣднія нити, связывающія меня съ прошедшимъ, а этого я не хотѣлъ бы ни за что на свѣтѣ, потому что моя будущность, блистательная повидимому, въ сущности пошлая и пустая. Нужно вамъ признаться, съ каждымъ днемъ я все больше убѣждаюсь, что изъ меня никогда ничего не выйдетъ, со всѣми моими прекрасными мечтаніями и непрекрасными опытами въ житейской наукѣ, потому что мнѣ или не представляется случая или не достаетъ рѣшимости. Меня увѣряютъ, что случай когда нибудь выйдетъ, а рѣшимость пріобрѣтется временемъ и опытностью!... А это порукою, что когда все это сбудется, я сберегу въ себѣ хоть частицу этой пламенной, молодой души, которою Богъ одарилъ меня черезъ-чуръ некстати, что моя воля не истощится отъ такого выжиданья, что, наконецъ, я не разочаруюсь окончательно во всемъ томъ, что служитъ двигающею впередъ пружиною бытія». Поэтъ, очевидно, переживаетъ мучительные моменты сомнѣнія въ себѣ самомъ, въ своихъ силахъ. Онъ хочетъ заглушить это сомнѣніе всѣми силами, ему ненавистнѣе всего—дать людямъ, для него чужимъ, подмѣтить свое малодушіе, свои колебанія. Онъ съ удвоенной страстью бросается въ шумъ свѣтской жизни, утрируетъ веселость и легкомысліе, ему во что бы то ни стало необходимо пріобрѣсти репутацію свѣтскаго франта и донъ-жуана. Ни на минуту онъ не можетъ допустить мысли, что въ немъ разгадаютъ идеалиста, мыслителя; личное

самолюбіе возмущается противъ этого, тлетворная среда успѣла воспитать въ поэтѣ ложный стыдъ... Ему станетъ досадно и стыдно, когда «глупый, надменный свѣтъ» дерзнетъ проникнуть въ его сокровенныя думы, начнетъ своей «шутовской» рукой рыться въ совѣсти поэта.... И Лермонтовъ усиленно, съ намѣреніемъ показать въ себѣ людямъ совершенно другаго человѣка, чѣмъ живетъ въ немъ на самомъ дѣлѣ, рискуетъ возбуждать общую антипатію и негодованіе, лишь бы спасти свой внутренній міръ отъ непосвященныхъ взоровъ. Поэтъ откровенно сознается въ этомъ близкимъ людямъ. «Я теперь бываю въ свѣтѣ, пишетъ онъ Лопухиной,—для того чтобы меня знали, для того чтобы доказать, что я способенъ находить удовольствіе въ *хорошемъ обществѣ*... Ахъ!... Я волочусь и, вслѣдъ за объясненіемъ въ любви, говорю дерзости. Это еще забавляетъ меня нѣсколько, и хотя это несовсѣмъ ново, за то не всѣ такъ дѣлаютъ!... Вы думаете, что за такіе подвиги меня гонятъ прочь? О, нѣтъ! Совсѣмъ напротивъ: женщины ужъ такъ сотворены. Я начинаю пріобрѣтать надъ ними власть. Ничто меня не трогаетъ—ни гнѣвъ, ни нѣжность, я всегда мнителенъ и горячъ, но сердце у меня довольно холодное и способно забиться только въ рѣшительныхъ случаяхъ. Не правда ли я проложилъ себѣ дорогу!... И не думайте, чтобъ это было хвастовство: я теперь человѣкъ самый скромный и притомъ мнѣ хорошо извѣстно, что этимъ ничего не возьмешь у васъ. Я говорю такъ, потому что только съ вами рѣшаюсь говорить искренно; потому что только вы одни съумѣете пожалѣть обо мнѣ, не унижая меня, такъ какъ и безъ того я самъ себя унижаю. Еслибы я не зналъ вашего великодушія и вашего здраваго смысла, то не сказалъ бы того, что сказалъ. Когда-то вы облегчали мнѣ очень сильную горесть,—можетъ, и теперь вы пожелаете ласковыми словами отогнать эту холодную иронію, которая неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно»...

Да, поэту было нелегко, и мы видимъ съ какой страстной жаждой онъ отводилъ душу съ людьми, его понимавшими. Съ другими онъ былъ насмѣшливъ, жестокъ, часто безпощаденъ. Казалось, онъ мстилъ людямъ за то, что они осудили его на одиночество, и—для него было безразлично, кто бы ни встрѣчался на этомъ пути—мужчины, женщины, дѣвушки. Одна современница разсказываетъ: «Лермонтовъ забавлялся тѣмъ, что сводилъ съ ума женщинъ, съ цѣлью потомъ ихъ покидать и оставлять въ тщетномъ ожиданіи; другая его забава была—разстраивать партіи, находившіяся въ зачаткѣ, и для того онъ представлялъ изъ себя влюбленнаго въ продолженіи нѣсколькихъ дней».

Одною изъ жертвъ этого жестокаго донъжуанства была старая знакомая Лермонтова — Сушкова. Поэтъ выбралъ именно ее, чтобы создать себѣ «пьедесталъ» въ глазахъ свѣта. «Я увидѣлъ»,—пишетъ онъ,—«что если мнѣ удастся занять собою одно лицо, другія незамѣтно тоже займутся мною, сначала изъ любопытства, потомъ изъ соперничества. Отсюда отношенія къ Сушковой». Эта новая и послѣдняя глава стариннаго романа разсказана обоими героями—и Лермонтовымъ, и его жертвой. Да, роли теперь совершенно перемѣнились: больше не могло быть и рѣчи о насмѣшкахъ надъ «отрокомъ-поэтомъ». Теперь предъ шаловливой, влюбленной въ себя кокеткой, предсталъ блестящій, самоувѣренный, свѣтскій кавалеръ. Правда, разсказываетъ Сушкова, онъ со времени Середниковской исторіи «возмужалъ немного, не выросъ и не похорошѣлъ и почти все такой же былъ неуклюжій и неловкій»,—но, прибавляетъ она,—«глаза его смотрѣли съ бо́льшею увѣренностью, нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностью».—И поэтъ окончательно смутилъ автора этого описанія.

Дѣло началось съ того, что Лермонтовъ постарался разстроить бракъ Сушковой съ Лопухинымъ, братомъ неизмѣнно любимой имъ Вареньки и ея сестры Маріи, къ которой онъ писалъ такія задушевныя письма. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Лермонтовъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Лопухинымъ въ Петербургѣ и переходитъ къ вопросу о его бракѣ. «Скажите,—пишетъ онъ,—мнѣ показалось, будто онъ чувствуетъ нѣжность къ m-lle Cathèrine Souchkoff... Извѣстно ли это вамъ?.. Дядямъ дѣвицы, кажется, очень бы хотѣлось ихъ повѣнчать. Сохрани Господи... Эта женщина—летучая мышь, которой крылья зацѣпляются за все встрѣчное». Поэтъ переходитъ къ личнымъ воспоминаніямъ, въ нихъ нѣтъ ни единой ноты былаго увлеченія Сушко-

вой. Лермонтовъ только констатируетъ фактъ, что «она ему когда-то нравилась», теперь же «почти принуждаетъ» его ухаживать за нею. «Но, не знаю,—продолжаетъ Лермонтовъ,—есть что-то такое въ ея манерахъ, въ ея голосѣ—грубое, отрывистое, нескладное, отталкивающее; стараясь ей нравиться, находишь удовольствіе скомпрометировать ее, видѣть ее запутавшейся въ собственныхъ сѣтяхъ». И поэтъ успѣлъ въ одно время спасти друга отъ этихъ сѣтей, запутать въ нихъ красавицу и отомстить за ея прежнее издѣвательство надъ «отрокомъ».

Сушкова, конечно, не понимала искусной интриги Лермонтова. По ея запискамъ, поведеніе его—враждебно Лопухину, направлено къ одной цѣли—отбить у него невѣсту. Поэтъ энергически, безповоротно требовалъ любви Сушковой, грозилъ рѣшить дѣло дуэлью съ Лопухинымъ, искусно возбуждалъ въ сердцѣ невѣсты гнѣвъ и презрѣніе къ жениху. Сушкова вскорѣ оказалась совершенно подавленной непреодолимою волей поэта: одинъ его поцѣлуй руки рѣшилъ все. „Что это былъ за поцѣлуй!“ восклицаетъ она. „Если я проживу и сто лѣтъ, то и тогда я не позабуду его; лишь только я теперь подумаю о немъ, то кажется такъ и чувствую прикосновеніе его жаркихъ губъ, это воспоминаніе и теперь еще волнуетъ меня, но въ ту самую минуту со мной сдѣлался мгновенный, непостижимый переворотъ; сердце забилось, кровь такъ и переливалась съ быстротой, я чувствовала трепетаніе всякой жилки, душа ликовала“... Лопухинъ, конечно, былъ забытъ, но вѣроломной невѣстѣ пришлось недолго ликовать. Какъ пришло разочарованіе пусть разскажетъ самъ поэтъ.

Мы уже знаемъ истинныя намѣренія Лермонтова въ его отношеніяхъ къ Сушковой. „Я понялъ“, пишетъ онъ къ ея подругѣ, Сашенкѣ Верещагиной, „что желая словить меня, она легко себя скомпрометируетъ. Вотъ я ее и скомпрометировалъ, насколько было возможно, не скомпрометировавъ самого себя. Я публично обращался съ нею, какъ съ личностью, весьма мнѣ близкою, давалъ ей чувствовать, что только такимъ образомъ она можетъ надо мною властвовать. Когда я замѣтилъ, что мнѣ это удалось и что еще одинъ дальнѣйшій шагъ погубитъ меня, я прибѣгнулъ къ маневру. Прежде всего въ глазахъ свѣта я сталъ болѣе холоденъ къ ней, чтобы показать, что я ее болѣе не люблю, а что она меня обожаетъ (что, въ сущности, не имѣло мѣста). Когда она стала замѣчать это и пыталась сбросить ярмо, я первый публично ее покинулъ. Я въ глазахъ свѣта сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ. Я сталъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ мою пользу. Она такъ была поражена этимъ моимъ неожиданнымъ обращеніемъ, что сначала не знала, что дѣлать и смирилась, что заставило говорить другихъ и придало мнѣ видъ человѣка, одержавшаго полную побѣду; затѣмъ она очнулась и стала вездѣ бранить меня, но я ее предупредилъ, и ненависть ея казалась и друзьямъ и недругамъ уязвленною любовью. Далѣе она попыталась вновь завлечь меня напускною печалью, разсказывая всѣмъ близкимъ моимъ знакомымъ, что любитъ меня; я не вернулся къ ней, а искусно всѣмъ этимъ пользовался“... Наконецъ, поэтъ рѣшилъ окончательно порвать свой романъ, и этотъ разрывъ онъ называетъ „веселой стороной исторіи“. Сушкова разсказываетъ о немъ съ отчаяніемъ, ей даже тяжело подробно вспомнить о развязкѣ: столько, по ея словамъ, ей пришлось вынести отъ своихъ родныхъ и отъ оскорбленнаго чувства. Совершенно иначе относится къ разрыву Лермонтовъ. „Когда я созналъ“, говоритъ онъ, „что въ глазахъ свѣта надо порвать съ нею, а съ глазу на глазъ все-таки еще казаться преданнымъ, я быстро нашелъ любезное средство—я написалъ анонимное письмо... Mademoiselle, я человѣкъ, знающій васъ, но вамъ неизвѣстный... и т. д.; я васъ предваряю, берегитесь этого молодаго человѣка; М. Л—овъ васъ погубитъ и т. д. Вотъ доказательство... (разный вздоръ) и т. д. Письмо на четырехъ страницахъ... Я искусно направилъ это письмо такъ, что оно попало въ руки тетки. Въ домѣ—громъ и молнія... На другой день ѣду туда рано утромъ, чтобы во всякомъ случаѣ не быть принятымъ. Вечеромъ на балу я выражаю свое удивленіе Екатеринѣ Александровнѣ. Она сообщаетъ мнѣ страшную и непонятную новость и мы дѣлаемъ разныя предположенія, я все отношу къ тайнымъ врагамъ, которыхъ нѣтъ;

наконецъ, она говоритъ мнѣ, что родные запрещаютъ ей говорить и танцовать со мною; я въ отчаяніи и, конечно, не беру сторону дядюшекъ и тетушекъ. Такъ было ведено это трогательное приключеніе, что, конечно, дастъ вамъ обо мнѣ весьма нелестное мнѣніе".

Въ воспоминаніяхъ Сушковой описанъ послѣдній разговоръ ея съ Лермонтовымъ. На ея вопросъ, что̀ значитъ его холодность съ ней, почему онъ послѣднее время даже отворачивается отъ нея, поэтъ отвѣтилъ, что онъ «ее больше не любитъ да, кажется, и никогда не любилъ". На это, дѣйствительно жестокое признаніе, Сушкова, по ея словамъ, замѣтила:

— Вы жестоки, Михаилъ Юрьевичъ; отнимайте у меня настоящее и будущее, но прошедшее *мое*, оно одно мнѣ осталось и никому не удастся отнять у меня *воспоминаніе*; оно—моя собственность,— я дорого заплатила за него.

Въ этихъ словахъ слышится чувство,— но поэтъ, какъ мы видѣли, не вѣрилъ въ него, Сушкова въ его глазахъ до конца оставалась холодной, эгоистической кокеткой. Замѣчательно, что онъ совершенно откровенно разсказалъ интригу съ ней одной изъ ея близкихъ подругъ, не разсчитывая, вѣроятно, встрѣтить даже съ этой стороны горячаго порицанія своей продѣлкѣ.

Во всѣхъ романическихъ исторіяхъ трудно и безполезно искать виноватыхъ, но тотъ фактъ, что Лермонтовъ нашелъ возможнымъ мстить женщинѣ—стоитъ внѣ сомнѣнія и, конечно, не подлежитъ оправданію. Онъ объясняется только общимъ настроеніемъ поэта въ началѣ его офицерской карьеры и, можетъ быть, отчасти оправдывается желаніемъ—спасти своего друга отъ злополучнаго брака. Но все это не давало поэту права видѣть въ разрывѣ, устроенномъ съ искусствомъ настоящаго интригана, „веселую сторону исторіи". При всѣхъ предосудительныхъ свойствахъ Сушковой нельзя не почувствовать искренняго сostраданія къ ней, когда читаешь эту „веселую исторію" въ ея воспоминаніяхъ: она дѣйствительно „дорого заплатила" за нихъ....

Свѣтскіе подвиги Лермонтова въ это время вполнѣ согласуются съ его остальнымъ житьемъ. „Лермонтовъ былъ очень плохой служака", говоритъ одинъ изъ его товарищей и разсказываетъ его разныя продѣлки, влекшія безпрестанное сидѣніе на гауптвахтѣ: то на разводъ Лермонтовъ явится съ игрушечною дѣтскою саблей, то устроитъ шитье на вицъ мундирѣ не по формѣ, то треуголку надѣнетъ „съ поля",—не было и конца подобнымъ шалостямъ. Онъ постоянно вызывалъ гнѣвъ главнокомандующаго великаго князя Михаила Павловича и поэту иногда съ бала приходилось путешествовать на гауптвахту. Нечего и говорить что попойки и всякаго рода „гусарщина" не обходились безъ самаго дѣятельнаго участія Лермонтова. Поэтъ жилъ на одной квартирѣ съ Алексѣемъ Столыпинымъ; какое вліяніе оказывало это сожительство на весь полкъ ясно изъ упорнаго намѣренія великаго князя „разорить это гнѣздо". Товарищи преклонялись предъ талантами Лермонтова и личнымъ благородствомъ Столыпина. „Маёшка" организовалъ кутежи, сочинялъ застольныя пѣсни „въ самомъ ни есть скарроновскомъ родѣ", Столыпинъ диктовалъ правила гусарской чести и эти предписанія чтили, по выраженію одного изъ его товарищей. „какъ оракулъ". Мы не станемъ пересказывать исторій этого офицерскаго Sturm und Drang'а: онѣ всѣ похожи одна на другую, всюду поэтъ на первомъ планѣ съ своимъ неисчерпаемымъ остроуміемъ и чуднымъ даромъ, который онъ безразчетно, капризно бросалъ на поэмы „въ скарроновскомъ родѣ». Наиболѣе разсудительные товарищи его, не любившіе „жечь деньги", готовы были платить ему „по три рубля за стихъ", лишь бы онъ оставилъ „пакостную барковщину" и переcталъ „декламировать скверные французскіе стишонки". Одинъ изъ поклонниковъ поэта жаловался, что его „не допросишься" написать что-нибудь дѣльное и прочесть друзьямъ. „Лѣнивъ, пострѣлъ, лѣнивъ страшно, и что ни напишетъ, все или спрячетъ куда то, или жжетъ на раскурку трубокъ своихъ же сорви-головъ—гусаровъ".

У поэта, очевидно, вмѣстѣ съ слабостію—прослыть въ свѣтѣ жестокимъ и легкомысленнымъ сердцеѣдомъ, жилъ капризъ—убѣдить другихъ въ своемъ пренебрежительномъ отношеніи къ своему таланту и литературнымъ занятіямъ. Всѣми силами старался онъ отнять у окружающихъ всякую возможность подозрѣвать, что за внѣшностію «отпѣтаго Маёшки" скры-

вается будущій авторъ *Думы*, *Героя нашего времени*, что и теперь въ минуты горькаго похмѣлья у поэта вырывается жгучій вопль тоски и раскаянья... Вотъ настоящій Лермонтовъ, сбросившій съ себя гусарскій мундиръ и свѣтскую маску:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!..
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей;
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Всё тѣ же былыя грезы о *родной душѣ*, о *безсмертіи генія*... Поэтъ въ глубинѣ души никогда не отдавалъ *всего себя* страстямъ и наслажденіямъ. Бывали минуты забвенія,—но рядомъ съ ними неизмѣнно воскресалъ мучительный, неразрѣшимый вопросъ о *цѣли жизни*, о судьбѣ *идеальныхъ стремленій*, одушевлявшихъ поэта, несмотря на весь угаръ молодости и разгула. Онъ и теперь «готовъ начать жизнь другую», онъ *молчитъ* и *ждетъ*...

Пора пришла — это чувствуетъ самъ поэтъ, — онъ готовъ къ восприятію *вѣстника избавленья*: по временамъ въ его сердцѣ звучитъ такой глубокій голосъ религіи и мольбы, что, кажется, изъ-подъ этого пера никогда и не выходили иныя рѣчи:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою...

Этотъ чудный гимнъ написанъ въ минуты правды, въ минуты самосознанія настоящаго Лермонтова. Намъ чуется, какою дивною силой загремятъ рѣчи поэта, когда его *усталой души* коснется давно желанная *родная душа*, когда въ этомъ единеніи проснется его геній во всемъ блескѣ, во всей чистотѣ, свободный отъ притворства, внѣшняго насилія,—и заговоритъ съ нами языкомъ открытаго, мужественнаго гнѣва.

Этимъ моментомъ будетъ смерть Пушкина.

X.

ы видѣли, какъ Лермонтовъ небрежно относился къ своимъ произведеніямъ. Онъ едва вѣрилъ, что есть читатели, достойные ихъ, и только изрѣдка сообщалъ нѣкоторыя въ письмахъ къ людямъ, наиболѣе близкимъ; печатать же свои стихотворенія онъ и не думалъ. Одинъ изъ товарищей Лермонтова,—его родственникъ, долго уговаривалъ поэта печатать свои стихи и, наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, «передалъ, тихонько отъ него, поэму *Хаджи-Абрекъ* Сенковскому и она въ одно прекрасное утро появилась напечатанною въ *Библіотекѣ для чтенія*". Лермонтовъ, по словамъ одного изъ свидѣтелей этого событія, былъ взбѣшенъ; по счастью поэму никто не разбранилъ, напротивъ она имѣла нѣкоторый успѣхъ, и онъ сталъ продолжать писать, но все еще не печатать. Когда въ послѣдствіи онъ сталъ печатать свои сочиненія, его родственникъ часто говорилъ ему: «Зачѣмъ не берешь ты ничего за свои стихи, вѣдь Пушкинъ былъ не бѣднѣе тебя, однако же платили ему книгопродавцы по золотому за каждый стихъ», но онъ, смѣясь, отвѣчалъ словами Гёте:

Das Lied, das aus der Kehle gringt
Ist Lohn, der reichig lohnet.

Очевидно, поэтъ невысоко цѣнилъ свою литературную дѣятельность, въ глазахъ публики, по крайней мѣрѣ. Имя его было извѣстно тѣсному кружку товарищей и близкимъ знакомымъ, и они врядъ ли могли цѣнить по справедливости талантъ поэта: онъ самъ не допускалъ такой оцѣнки. Никто изъ нихъ, конечно, и не подозрѣвалъ, какая литературная и общественная сила скрывается въ авторѣ *Уланши* и «застольныхъ пѣсенъ»: поэтъ усиленно скрывалъ эту силу и, можетъ быть, самъ не чувствовалъ ея во всей полнотѣ. Драма, поразившая Пушкина, заставила встрепенуться геній Лермонтова и открыла глаза у его друзей, у всей Россіи...

Въ исторіи общества бываютъ моменты, когда всѣхъ—безъ различія убѣжденій и симпатій охватываетъ одно чувство — страстное, мощное, исполненное внутренней истины и жизненности. Всѣ живутъ только имъ,—и благо тому, кто въ такой моментъ явится выразителемъ общаго порыва, кто въ своемъ *словѣ* воплотитъ *духъ*, всѣхъ одинаково проникающій... Предъ нами разсказъ современника, наблюдавшаго страшное впечатлѣніе, произведенное смертью великаго поэта на петербургское просвѣщенное общество. Разсказчикъ присутствовалъ на похоронномъ обѣдѣ у Греча, только что потерявшаго сына. Внезапно приходитъ вѣсть объ убійствѣ Пушкина. Отецъ, за минуту оплакивавшій сына, забываетъ свое

горе предъ лицомъ потери всей русской земли. Гостей охватываетъ горячее чувство негодованія, повсюду слышатся восклицанія:—кто смѣлъ убить Пушкина?— Не можетъ быть, чтобы это былъ русскій человѣкъ!...—Смерть убійцѣ Пушкина!... Не съ однимъ, съ сотнями ему придется стрѣляться!...—Русскіе люди отомстятъ иностранцу!... «На устахъ у всѣхъ», говоритъ авторъ, «гремѣла месть за смерть невозвратимаго поэта». Громче всѣхъ она раздалась въ устахъ преемника погибшаго.

Лермонтовъ, по его словамъ, былъ боленъ, когда до него дошла вѣсть о событіи. Ему пришлось услышать самые противорѣчивые толки объ участи поэта: одни были на его сторонѣ, «другіе, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднымъ человѣкомъ, говорили, что Пушкинъ не имѣлъ права требовать любви отъ жены своей, потому что былъ ревнивъ, дуренъ собою,—они говорили также, что Пушкинъ—негодный человѣкъ, и прочее...» Лермонтовъ не могъ снести этихъ навѣтовъ. «Невольное», продолжаетъ онъ, «но сильное негодованіе вспыхнуло во мнѣ противъ этихъ людей, которые нападали на человѣка, уже сраженнаго рукою Божею, не сдѣлавшаго имъ никакого зла и нѣкогда ими восхваляемаго, и врожденное чувство въ душѣ неопытной—защищать всякаго, невинно осуждаемаго, зашевелилось во мнѣ еще сильнѣе, по причинѣ болѣзнью раздраженныхъ нервъ. Когда я сталъ спрашивать, на какихъ основаніяхъ такъ громко они возстаютъ противъ убитаго—мнѣ отвѣчали, вѣроятно, чтобъ придать себѣ болѣе вѣсу, что весь высшій кругъ общества такого же мнѣнія.—Я удивился:—надо мною смѣялись»....—Въ тоже время Лермонтовъ узналъ, какъ заботливо Государь отнесся къ семьѣ Пушкина, и былъ, по его словамъ, увѣренъ, что «сановники государственные раздѣляли благородныя и милостивыя чувства Императора». Тогда поэтъ «излилъ горечь сердечную на бумагу», предпославъ стихотворенію эпиграфъ изъ трагедіи Ротру—*Венцеславъ*, въ переводѣ Жандра:

Отмщенье, государь! Отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка,
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ...

Стихотвореніе оканчивалось сначала стихомъ: *И на устахъ его печать*!...

Пріятель Лермонтова, Раевскій, списалъ нѣсколько копій,—и стихи быстро распространились. Ихъ читали на улицахъ, въ кондитерскихъ, на великосвѣтскихъ балахъ. Говорили, что стихи читалъ Государь и будто бы сказалъ: «Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россіи Пушкина». Великій князь Михаилъ Павловичъ съ своей стороны замѣтилъ: «Ce poète en herbe va donner de beaux fruits». Жуковскій также былъ въ восторгѣ отъ стихотворенія. Но «высшее общество» далеко не раздѣляло этой благосклонности. Большинство осуждало поэта за рѣзкость выраженій и особенно за слишкомъ оскорбительный отзывъ о Дантесѣ. Все это доходило до Лермонтова и страшно его волновало, тѣмъ болѣе что, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, поэтъ за нѣсколько дней до смерти Пушкина успѣлъ лично познакомиться съ нимъ. Лермонтовъ, наконецъ, заболѣлъ серьезнымъ разстройствомъ нервовъ. Его посѣтилъ знаменитый въ то время лейбъ-медикъ Арендтъ и подробно разсказалъ о послѣднихъ минутахъ Пушкина. Лермонтовъ еще больше почувствовалъ симпатіи къ несчастному поэту. Въ это время къ нему явился его родственникъ Н. А. Столыпинъ, дипломатъ, одинъ изъ представителей высшаго круга. Съ нимъ и роизошла сцена, вызвавшая послѣднія 16 строкъ стихотворенія.

Столыпинъ завелъ пошлый разговоръ о супругѣ Пушкина, хвалилъ стихи «Мишеля», но порицалъ его горячность по отношенію къ такому джентльмэну, какъ Дантесъ. Лермонтовъ отвѣчалъ, что «русскій человѣкъ, конечно, чистый русскій, а не офранцуженный и испорченный,—какую бы обиду Пушкинъ ему ни сдѣлалъ, снесъ бы ее во имя любви своей къ славѣ Россіи и никогда не поднялъ бы на этого великаго представителя всей интеллектуальности Россіи своей руки». Столыпинъ, смѣясь надъ «Мишелемъ», болталъ всякій свѣтскій вздоръ. Поэтъ больше не обращалъ на него вниманія, «схватилъ листъ бумаги, что-то быстро по немъ чертилъ карандашомъ, ломая одинъ за другимъ, такъ переломалъ съ полдюжины». Наконецъ пошлости гостя окончательно вывели его изъ терпѣнія,—и онъ воскликнулъ: «Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію минуту не вый-

дете отсюда». Столыпинъ поспѣшилъ уйдти. Поэтъ теперь совершенно спокойно продолжалъ писать—и въ результатѣ явились стихи, вызвавшіе грозную бурю негодованія у людей, подобныхъ Столыпину.

Свидѣтель всей этой сцены поспѣшилъ списать стихотвореніе, возникло множество копій. Напрасно бабушка поэта крѣпко теперь жалѣвшая, что учила внука словесности у Мерзлякова, старалась изъять эти копіи изъ обращенія, скоро не только Петербургъ,—вся Москва читала грозное обращеніе къ «надменнымъ потомкамъ». Московскіе старики и старухи, по разсказу современника, немедленно объявили стихи «чисто революціонерными и опасными». Въ высшихъ административныхъ сферахъ судили снисходительнѣе. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, прочитавъ ихъ, сказалъ смѣясь: «Эхъ, какъ же онъ расходился! Кто подумаетъ, что онъ самъ не принадлежитъ къ высшимъ дворянскимъ родамъ»—и посовѣтовалъ графу Бенкендорфу не доводить стиховъ до свѣдѣнія Государя. Но разсчеты Великаго Князя не оправдались. На балу къ графу подошла одна изъ самыхъ усердныхъ петербургскихъ сплетницъ и спросила, читалъ ли онъ новые стихи, въ которыхъ «отдѣлана на чемъ свѣтъ стоитъ—la crème de la noblesse»?—Бенкендорфъ испугался такой популярности злополучныхъ стиховъ и рѣшилъ, наконецъ, доложить Государю. Оказалось, Государь уже получилъ стихи по городской почтѣ съ надписью «Воззваніе къ революціи». Послѣдовалъ приказъ объ арестѣ, а нѣсколько дней спустя корнетъ Лермонтовъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, дѣйствовавшій на Кавказѣ. Предъ отъѣздомъ поэтъ писалъ къ одному изъ друзей: «Мнѣ иногда кажется, что весь міръ на меня ополчился, и еслибъ это не было очень лестно, то право меня бы огорчило... Прощай, мой другъ. Я буду къ тебѣ писать про страну чудесъ—Востокъ. Меня утѣшаютъ слова Наполеона: Les grands noms se font à l'Orient»...

Поэтъ цитировалъ послѣднія слова въ шутку, но они полны самаго серьезнаго значенія. Величіе поэта, его слава теперь были обезпечены. Онъ уѣзжалъ на Кавказъ, сопровождаемый общимъ пристальнымъ вниманіемъ: здѣсь одинаково были и страстная симпатія, и глубоко-затаенная вражда,—но съ этихъ поръ глаза Россіи были устремлены на *преемника* только-что погибшаго поэта. И на Востокѣ, на лонѣ тѣхъ самыхъ кавказскихъ горъ, которыя грезились поэту въ годы ранняго дѣтства и возставали непрестанно передъ его съ необычайной быстротой выроставшимъ геніемъ,—тамъ вдохновеніе поэта давно уже «сплело себѣ вѣнокъ»:—теперь оно разцвѣтетъ еще болѣе пышнымъ цвѣтомъ и принесетъ самые зрѣлые плоды, до какихъ суждено дожить поэту.

XI.

ервое пребываніе Лермонтова на Кавказѣ длилось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Бабушка употребила всѣ усилія выхлопотать внуку помилованіе и уже 9-го октября онъ былъ переведенъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, расположенный въ Новгородской губерніи, а въ апрѣлѣ слѣдующаго 1838 года возвращенъ въ лейбъ-гусарскій, гдѣ служилъ раньше.

Первыя свои впечатлѣнія на Кавказѣ Лермонтовъ описалъ въ письмѣ къ одному изъ товарищей. Они оказались не особенно пріятными: поэтъ пріѣхалъ больной, «весь въ ревматизмахъ», первое время не могъ ходить, но въ мѣсяцъ оправился совершенно и началъ безконечныя странствованія. Поэтъ въ восторгѣ отъ природы, въ особенности отъ южнаго воздуха: «Хандра къ чорту,—пишетъ онъ,—сердце бьется, грудь высоко дышетъ—ничего ненадо въ эту минуту; такъ сидѣлъ бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь». У поэта составлялись планы путешествій въ Мекку, въ Персію, въ Хиву. Онъ еще въ первое время пребыванія въ Петербургѣ, послѣ свѣтской скуки и пустоты, помышлялъ о путешествіи, какъ объ единственномъ для себя спасеніи... Пока эти планы были далеко до осуществленія. Поэтъ продолжалъ бывать въ обществѣ, посѣщалъ пятигорскіе салоны. Есть извѣстіе, будто онъ съ этого времени сталъ ухаживать за Эмиліей Верзилиной, прозванной имъ La Rose de Caucase. Этому ухаживанью суждено было играть роковую роль... Но ни общество, ни красавицы не могли разогнать глубокихъ неотвязныхъ думъ поэта. На балахъ, въ вихрѣ общаго веселья, Лермонтовъ часто оставался безучастнымъ и грустнымъ, и скоро удалялся... Даже свѣтскія дамы замѣчали, что со вре-

мени пребыванія на Кавказѣ «юношеская весёлость уступила мѣсто у Лермонтова припадкамъ черной меланхоліи». Дѣйствительно, для Лермонтова,—по его словамъ,—единственнымъ, неизмѣннымъ наслажденіемъ оставалась природа, онъ не могъ оторвать глазъ отъ великановъ Кавказа, поселился въ Пятигорскѣ въ виду Эльбруса и, любуясь имъ, забывалъ людей. Это настроеніе онъ скоро изобразитъ въ лицѣ своего героя и самъ Лермонтовъ будетъ говорить устами Печорина, мечтающаго при видѣ Казбека и Эльбруса: «Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего бы, кажется больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?»... Но на этомъ не оканчиваются размышленія Печорина, онъ не успокоивается на созерцаніи горъ. Онъ быстро стряхиваетъ съ себя меланхолическія грёзы: «Однако пора—пишетъ онъ.—Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество»...

Совершенно то же происходило и съ поэтомъ. Величіе и строгая, дѣвственная поэзія кавказской природы влекли всѣ его симпатіи; но кругомъ шумѣлъ и волновался людской муравейникъ, и поэтъ не могъ остаться равнодушнымъ къ этому шуму, къ страстямъ, тамъ жившимъ и умиравшимъ. Онъ отрывалъ взоры и отъ синяго неба и отъ снѣжныхъ вершинъ и шелъ снова въ среду людей, давно имъ понятую и оцѣненную. И благо было поэту, что онъ не далъ надъ собою власти одинокимъ думамъ и «черной меланхоліи». Внѣ человѣческой жизни какъ бы ни была она мелка и прозаична, нѣтъ поэзіи, нѣтъ вѣчно-юнаго идейнаго вдохновенія. Природа и люди два міра, идущіе различными, часто противоположными путями,—одинаково обильные источники глубокаго поэтическаго вдохновенія. Лермонтовъ понималъ это инстинктивно, всѣми силами своей природы. Только что расправляя крылья своего генія, онъ писалъ:

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастію на зло!...
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ.

Юный поэтъ не понималъ жизни поэта „безъ страданій", все равно—какъ океана „безъ бурь". Ему казалось, что

Жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.

Онъ не могъ забыться въ сладостныхъ грезахъ вдали отъ жизни, онъ до самой смерти остался вѣренъ словамъ, написаннымъ въ самой ранней юности:

Мнѣ нужно дѣйствовать; я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ...

Эту борьбу, эти страданія могли дать только люди, много они и не давали поэту всю жизнь. Онъ зналъ это напередъ —и все-таки шелъ туда, гдѣ давно уже отчаялся найдти *родную душу*, гдѣ ждала его новая *горечь* и новая *злость*. Тогда онъ уходилъ въ царство природы,—искалъ отдыха отъ только-что пережитыхъ волненій, „воплощалъ ихъ въ образы", отрывая ихъ отъ сердца—

Чтобъ муки съ ними оторвать"...

Страстнымъ гнѣвомъ и злою насмѣшкой загоралась тогда мысль поэта: такое поразительное непримиримое противорѣчіе видѣлъ онъ между свободной, исполненной силъ—жизнью природы—и ложью и пошлостью людей. *Идеалъ* поэта жилъ на груди *природы - матери*, неизсякаемый источникъ *мукъ* и *гнѣва*—среди людей. Изъ столкновенія ихъ въ отзывчивой груди юноши создалась поэзія, озаренная блескомъ идеализма и въ то же время дышащая неопровержимою правдой дѣйствительной жизни. Кавказъ—чистѣйшее отраженіе могучей жизни природы, свѣтское общество—наиболѣе широкая сцена людской суеты и лицемѣрія—попеременно увлекаютъ поэта: тамъ онъ черпаетъ новыя силы, новый подъемъ творчества, здѣсь—новое содержаніе, новый матеріалъ. Среди природы поэтъ былъ для нея *своимъ*, *ея сыномъ*, *ея избранникомъ*, среди „свѣта"—*чужимъ*,—„свѣту" казался онъ *врагомъ*, воплощающимъ зло... И „свѣтъ" неизмѣнно преслѣдовалъ его враждою, смѣхомъ, клеветой, пока, наконецъ, не погубилъ его окончательно...

Послѣ пребыванія на Кавказѣ Лермонтовъ намѣренъ былъ выйдти въ отставку, но какіе-то, по его выраженію, „милые

родственники" не хотѣли этого. Между прочимъ, и бабушка, раньше стоявшая противъ военной карьеры внука, теперь только и жила мыслью—видѣть его опять въ Царскомъ Селѣ и гусаромъ лейбъ-гвардіи. Поэтъ, очевидно, успѣлъ совершенно пережить „гусарщину"—и готовъ, былъ, по собственному сознанію, „уѣхать куда бы то ни было" изъ Петербурга. Намѣренія эти не осуществились, и Лермонтовъ снова сталъ гостемъ петербургскихъ салоновъ. Литературная популярность, какъ бы она низко ни цѣнилась въ великосвѣтскомъ обществѣ, должна была открыть Лермонтову двери гостиныхъ уже потому, что его имя было окружено всеобщимъ интересомъ; кромѣ того, всякій кавказецъ въ то время неминуемо привлекалъ вниманіе петербургской публики: въ кавказцахъ обязательно видѣли героевъ, необыкновенныхъ воиновъ. Лермонтовъ, наконецъ, по справедливости могъ считаться пострадавшимъ. Все это сдѣлало поэта желаннымъ гостемъ петербургскихъ аристократокъ. „Я возбуждаю любопытство, — пишетъ онъ — меня ищутъ, меня всюду приглашаютъ, даже когда я не выражаю къ тому ни малѣйшаго желанія; дамы съ притязаніями собирать замѣчательныхъ людей въ своихъ гостиныхъ, хотятъ, чтобы я у нихъ былъ, потому что я вѣдь тоже левъ". Дальше слѣдуетъ признаніе, въ высшей степени характерное для человѣка, имѣвшаго несчастіе казаться съ перваго взгляда высокомѣрнымъ, даже вызывающимъ франтомъ... Лермонтова дамы считали „львомъ",—его самого это изумляетъ: „да, я, вашъ Мишель, — пишетъ онъ Лопухиной,—добрый малый, у котораго вы никогда не подозрѣвали гривы". Поэтъ нисколько не возгордился такимъ вниманіемъ, свѣтская жизнь для него имѣла единственное значеніе—учила его житейскому опыту, дала ему оружіе противъ человѣческихъ „низостей и странностей". Поэтъ изъ свѣтскаго кавалера становился „мстителемъ" за клеветы и пошлости, какими „свѣтъ" преслѣдуетъ людей на него не похожихъ, слѣдовательно ему ненавистныхъ.

Намъ давно знакомо это вліяніе свѣтской жизни на поэта: онъ шелъ сюда *учиться* и ни на одну минуту не отдавалъ всецѣло своей души «важному шуту». Теперь онъ болѣе чѣмъ когда-либо живетъ съ «могучимъ образомъ», увлекавшимъ его съ дѣтства. Еще въ Москвѣ, въ періодъ вступленія въ «свѣтъ» онъ думалъ, «написать записки молодаго монаха: 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ, кромѣ священныхъ книгъ не читалъ (ничего). Страстная душа томится. Идеалы». Тогда же въ воображеніи юнаго поэта возникалъ мрачный образъ демона и поэтъ увѣрялъ насъ:

Мы на свѣтѣ *съ нимъ* одни!...

И *демонъ* постепенно развивался и выросталъ вмѣстѣ съ самимъ поэтомъ. Теперь Кавказъ влилъ въ это созданіе новыя силы и вдохновилъ поэта — осуществить и другую давнишнюю мечту — пересказать судьбу одинокаго, томимаго идеалами монаха.

Въ основѣ *Демона* лежитъ сознаніе одиночества среди всего мірозданія, его первыми чертами въ творчествѣ поэта являются *гордая душа, отчужденіе отъ міра и небесъ*. Здѣсь создается презрѣніе къ людскимъ мелкимъ страстямъ и пошлымъ стремленіямъ. *Демону* міръ тѣсенъ и жалокъ: это неизмѣнно звучитъ въ самыхъ задушевныхъ признаніяхъ самого поэта. Мцыри—міръ ненавистенъ, потому что въ этомъ мірѣ нѣтъ *воли*, нѣтъ воплощенія идеаловъ, воспитанныхъ страстнымъ воображеніемъ *сына природы*, нѣтъ исхода могучему *пламени*, съ юныхъ дней живущему въ груди...—Почему нѣтъ,—поясняетъ *Демонъ*, когда говоритъ Тамарѣ:

Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
. . . .
Гдѣ страсти мелкой только жить,
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.

Такимъ образомъ, *Мцыри* и *Демонъ* дополняютъ другъ друга. Разница между ними только въ томъ, что *Демонъ* богатъ опытомъ, онъ цѣлые вѣка наблюдалъ человѣческую жизнь — и научился презирать ее сознательно и равнодушно: *Мцыри* гибнетъ въ цвѣтущей молодости, въ первомъ порывѣ къ *волѣ* и счастью. *Демонъ* разсуждаетъ и мотивируетъ свое презрѣніе, свое одиночество: у *Мцыри* тѣ же чувства—страстный вопль надорванной груди, крикъ преждевременной агоніи. Но порывъ Мцыри успѣлъ подняться до идеальной высоты демонизма: нѣсколько часовъ свободной жизни съ *природой-матерью* заглушили въ немъ голосъ человѣческой сла-

бости. Въ минуты страшныхъ мукъ, разсказываетъ Мцыри,

помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если-бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ, клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ....

Новые опыты среди свѣтской жизни воскресили въ умѣ поэта эти давно взлелѣянные образы: создается *Мцыри*, *Демонъ* выростаетъ во весь свой величественный ростъ. Поэтъ и въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ повторитъ мотивы, воплощенные въ любимыхъ героахъ. Въ *Думѣ* онъ будетъ говорить о нравственномъ обезсиліи людей, о постыдномъ равнодушіи къ добру и злу: вѣдь все это помогло *Демону* такъ скоро «залить въ людяхъ пламень чистой вѣры»... Поэтъ не забудетъ и мелочности, безсилія людскихъ страстей:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

Наконецъ, поэтъ свои существенныя впечатлѣнія объединитъ въ новогоднемъ привѣтствіи на 1840-й годъ.

Лермонтовъ всегда любилъ искать утѣшенія въ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, о первыхъ грезахъ, еще не разбитыхъ жестокою жизнью. Мы видѣли, какимъ тепломъ дышали его образы прошлаго, когда онъ впервые [illegible]

[illegible]

нія, какимъ дышетъ *Демонъ*, такой же порывъ негодованія и страсть одиночества, съ какими умираетъ *Мцыри*. Въ глазахъ самой смерти юноша не хочетъ, чтобы старикъ понялъ „его тоску, его печаль"....Такъ и Лермонтовъ:—онъ шелъ среди людей, исполненный подавленной грусти, съ накипѣвшимъ гнѣвомъ и презрѣніемъ.

Этимъ объясняется, почему „добрый малый", какимъ онъ былъ съ людьми, умѣвшими его цѣнить, становился «львомъ», жестокимъ насмѣшникомъ со всѣми „чужими". Всѣ товарищи поэта, близко его знавшіе, единогласно свидѣтельствуютъ о добротѣ его сердца. „Это былъ распречестный малый, превосходный товарищъ", пишетъ одинъ. Другой признаетъ, что Лермонтовъ, дѣйствительно, „въ обществѣ былъ очень злорѣчивъ", — „но", прибавляетъ авторъ, „душу имѣлъ добрую: какъ его товарищъ, знавшій его близко, я въ томъ убѣжденъ. Многіе его недоброжелатели увѣряли въ противномъ и называли его безпокойнымъ человѣкомъ".

Такихъ недоброжелателей у поэта было много, — и они упорно оставались при своемъ взглядѣ на него. Другіе, болѣе безпристрастные и менѣе эгоистичные, напротивъ, съ теченіемъ времени отказывались отъ своего слишкомъ поспѣшнаго мнѣнія о Лермонтовѣ. Первое впечатлѣніе [illegible]

Панаевъ объясняетъ это одной общей чертой Лермонтовскаго характера. „У него была страсть отыскивать въ каждомъ своемъ знакомомъ какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость,—и, отыскавъ ее, онъ упорно и постоянно преслѣдовалъ такого человѣка, подтрунивалъ надъ нимъ, и выводилъ его, наконецъ, изъ терпѣнія. Когда онъ достигалъ этого, онъ былъ очень доволенъ". Совершенно такого поведенія былъ свидѣтелемъ Боденштедтъ. Князь Васильчиковъ, служившій вмѣстѣ съ Лермонтовымъ и бывшій свидѣтелемъ его кончины, выражается энергичнѣе всѣхъ другихъ знакомыхъ поэта: „Въ Лермонтовѣ", говоритъ князь, „было два человѣка: одинъ добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе, другой—заносчивый и задорный для всѣхъ прочихъ его знакомыхъ".

Изъ всего этого несомнѣнный выводъ тотъ, что Лермонтовъ среди людей оставался вѣренъ своему взгляду на нихъ: онъ не стѣснялся преслѣдовать ихъ смѣхомъ, презрѣніемъ—и все это должно было казаться крайне обиднымъ въ устахъ юноши, выставлявшаго съ особеннымъ упорствомъ при всякомъ случаѣ только свое легкомысліе и задоръ, нарочно щеголявшаго, по выраженію Бѣлинскаго, „свѣтскою пустотою". Съ точки зрѣнія поэта это было вполнѣ логично: онъ рѣшилъ, что его дорогихъ, задушевныхъ думъ люди не поймутъ,—и они, дѣйствительно, ихъ не понимали,—напротивъ третировали ихъ со всею дерзостью и тупоуміемъ свѣтскаго эгоизма. Поэту необходимо было глубоко схоронить эти думы въ себѣ самомъ—просто затѣмъ, чтобы избѣжать оскорбленій, не переживать такихъ возмутительныхъ сценъ, какія, мы знаемъ, ему пришлось вынести по поводу смерти Пушкина. Самымъ естественнымъ путемъ было — подчеркивать свое легкомысліе, сыпать насмѣшками и сарказмомъ тамъ, гдѣ можно было ихъ самому ожидать при иныхъ условіяхъ. Не слѣдуетъ, кромѣ того, забывать, что поэта неотвязно преслѣдовала мысль объ его не особенно счастливой внѣшности, объ отсутствіи въ немъ истинно-свѣтскихъ талантовъ. А онъ зналъ, насколько все это цѣнится въ „свѣтѣ". Юношеское самолюбіе, постоянно раздражаемое кишѣвшимъ вокругъ ничтожествомъ и пошлостью, невольно искало выхода въ рѣзкихъ ударахъ, наносимыхъ часто безъ разбору, первому встрѣчному. „Ему непремѣнно нужна была жертва", говоритъ про Лермонтова одинъ изъ его товарищей. Поэтъ, повидимому, хочетъ сказать то же самое словами Печорина; „есть минуты, когда я понимаю Вампира". Но если это настроеніе героя мы припишемъ самому поэту, мы должны помнить и другое не менѣе искреннее признаніе Печорина: „если я—причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ". И намъ представляется вѣчно взволнованный духъ, тщетно ищущій *родного* среди окружающихъ людей, взлелѣявшій съ начала сознанія *могучій образъ* и ни разу еще не встрѣтившій въ дѣйствительности отвѣта на свою мечту... Но изрѣдка, въ счастливыя минуты, поэта переставало угнетать это безъисходное противорѣчіе, и тогда онъ раскрывалъ людямъ обильный источникъ мысли и чувства, жившій въ немъ всю жизнь. Въ одну изъ такихъ минутъ его видѣлъ Бѣлинскій.

Лермонтовъ, съ первой встрѣчи внушилъ Бѣлинскому, какъ и всѣмъ другимъ крайне не лестное о себѣ мнѣніе. Бѣлинскій только подъ вліяніемъ своего безгранично-гуманнаго сердца рѣшился навѣстить Лермонтова, сидѣвшаго подъ арестомъ за дуэль съ Барантомъ. „Ну, батюшка", разсказывалъ онъ потомъ Панаеву, „въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ". Бѣлинскому сначала казалось крайне непріятнымъ пробыть даже четверть часа съ поэтомъ: ничего общаго, думалъ критикъ, между ними не могло быть. Но не прошло и нѣсколькихъ минутъ, Лермонтовъ заговорилъ о литературѣ,— и Бѣлинскій „смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою.... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты!"—„Боже мой",—продолжаетъ Бѣлинскій,— сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки видѣть его въ настоящемъ свѣтѣ". Да, такого человѣка, какимъ былъ великій критикъ, могло *тянуть* къ Лермонтову безсознательное, интинктивное чутье, настоящее *сродство душъ*, и самъ

поэтъ въ такомъ человѣкѣ долженъ былъ чувствовать *родную душу*, которую онъ напрасно искалъ среди другихъ людей. Но вліяніе послѣднихъ было такъ постоянно и сильно, что поэтъ дѣйствительно, по словамъ Бѣлинскаго, могъ раскаяваться, „что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою",—и, можетъ быть, послѣ такихъ минутъ, насмѣшки его становились еще язвительнѣе. И пусть вина за это падетъ на тѣхъ, кто, по словамъ поэта, старался „отравить" его дни съ самаго дѣтства, кто не могъ „въ лицѣ чувствъ прочесть", кто не захотѣлъ пощадить одинокого мечтателя...

И люди не щадили до конца... Лермонтовъ явился съ Кавказа, окруженный поэтической славой и общественнымъ вниманіемъ. Ему теперь раскрыли двери салоновъ, но въ отвѣтъ на это у Лермонтова не отозвалось чувство признательности ни на одну минуту. Онъ вошелъ теперь въ свѣтское общество въ полномъ сознаніи своей силы, одушевленный гордымъ презрѣніемъ болѣе, чѣмъ когда либо. И „свѣтъ", какъ и всегда, или склонялся предъ этой силой или тайкомъ, съ обычнымъ искусствомъ подлости и страха, строилъ козни. Женщины, раньше не обращавшія вниманія на „неуклюжаго отрока", теперь толпой тѣснились вокругъ прославленнаго поэта и донъ-жуана. Разсчетъ Лермонтова, въ его „романѣ" съ Сушковой оказался вѣренъ: героемъ интриги заинтересовались „безтрепетныя" свѣтскія красавицы. Но это вызвало злобу другихъ кавалеровъ, принужденныхъ теперь отойти на задній планъ. „Нѣсколько успѣховъ у женщинъ", разсказываетъ графиня Растопчина, „нѣсколько салонныхъ волокитствъ вызвали противъ Лермонтова вражду мужчинъ". Изъ другаго источника мы узнаемъ, какой изъ этихъ успѣховъ болѣе всего интересовалъ поэта и повлекъ печальную развязку.

По разсказамъ родственника и товарища Лермонтова, поэтъ зимой 39-го года былъ «сильно заинтересованъ» кн. Щербатовой. Ей онъ посвятилъ одно изъ своихъ стихотвореній. Она была вдова и по словамъ поэта, такая красавица, что «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Въ нее былъ влюбленъ также сынъ французскаго посланника въ Петербургѣ, Барантъ. Столкновеніе между влюбленными произошло на балу, на масляницѣ слѣдующаго года. Кн. Щербатова, разсказываетъ родственникъ поэта, оказала Лермонтову слишкомъ явное предпочтеніе, это взорвало Баранта, онъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ запальчиво: «Vous profitez trop, Monsieur, de ce que nous sommes dans un pays où le duel est défendu»—Qu'à ça ne tienne, Monsieur отвѣчалъ тотъ, — je me mets entièrement à votre disposition.—И на завтра назначена была встрѣча. Лермонтовъ въ письмѣ къ своему начальству прибавляетъ, что Барантъ потребовалъ отъ него объясненія касательно словъ, оскорбительныхъ для Баранта и на самомъ дѣлѣ Лермонтовымъ несказанныхъ. На замѣчаніе Баранта о дуэли поэтъ замѣтилъ, что «въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ».—Дуэль произошла 18 февраля въ 12 часовъ. Противники должны были стрѣлять вмѣстѣ, но Лермонтовъ немного опоздалъ: первый выстрѣлилъ Барантъ и далъ промахъ, его противникъ выстрѣлилъ въ сторону.

Барантъ не преминулъ оскорбиться послѣ того какъ Лермонтовъ послѣдній фактъ засвидѣтельствовалъ на судѣ. Поэтъ сидѣлъ уже подъ арестомъ, когда Барантъ сталъ распускать по городу совершенно извращенные слухи о дуэли и поносилъ Лермонтова. Поэтъ узналъ объ этомъ отъ своего родственника и вызвалъ къ себѣ на гауптвахту Баранта, повторилъ свое показаніе и предложилъ Баранту новую дуэль, если онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. Барантъ отказался, но Лермонтову не прошла даромъ эта бесѣда. Мать Баранта поѣхала къ коменданту гвардейскаго корпуса съ жалобой на Лермонтова, что онъ, будучи на гауптвахтѣ, требовалъ къ себѣ ея сына и вызывалъ его снова на дуэль. Жалоба эта возымѣла самыя печальныя послѣдствія. Процессъ о дуэли начиналъ было принимать благопріятный оборотъ: было принято во вниманіе, что Лермонтовъ рѣшился драться съ Барантомъ съ цѣлью защитить честь русскаго имени. Доносъ матери Баранта круто измѣнилъ все дѣло,—и Лермонтова постигла строгая кара: онъ былъ переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ съ тѣмъ же чиномъ — поручика, — какой имѣлъ въ гвардіи.

Замѣчательно, что и эта злополучная развязка разыгралась вслѣдствіе женской нескромности, какъ и дѣло по поводу сти-

ховъ на смерть Пушкина. Дуэль между Лермонтовымъ и Барантомъ сохранялась въ тайнѣ въ теченіе всего великаго поста. Одна барышня, нѣкая Б., разсказала о поединкѣ у своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ,—и въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ поэтъ, все время спокойно продолжавшій ухаживать за своей княгиней, былъ арестованъ. Такимъ образомъ, въ жизни поэта на самыхъ мелкихъ подробностяхъ роковымъ образомъ оправдывалось знаменитое изрѣченіе—cherchez la femme.

Всѣ хлопоты бабушки удержать внука въ Петербургѣ остались безуспѣшными: въ высшихъ сферахъ слишкомъ живо еще помнили исторію Лермонтова по поводу смерти Пушкина,—и поэтъ долженъ былъ снова отправиться на Кавказъ, гдѣ стоялъ Тенгинскій полкъ.

XII.

Поэтъ съ дѣтства привыкъ спасаться отъ страданій, искать утѣшенія во всѣхъ испытаніяхъ—въ своемъ вдохновеніи. Онъ говорилъ:

> Меня спасало вдохновенье
> Отъ мелочныхъ суетъ,—

и только оно не измѣняло ему—ни въ минуты тоски, ни въ минуты гнѣва. И теперь онъ всегда зоветъ къ себѣ свою музу, когда люди слишкомъ безжалостно и упорно начинаютъ тѣснить его. Сидя подъ арестомъ за дуэль, которую у него вынудили, онъ зачитывается любимыми поэтами и самъ пишетъ стихотвореніе—*Сосѣдка*, исполненное идиллической мечтательности и самой чистой и ясной поэзіи: какъ будто надъ поэтомъ въ самомъ дѣлѣ горѣлъ только „лучъ солнца золотой"... Правда, *Сосѣдка* была совершенно реальное и въ высшей степени интересное созданіе, вѣроятно, дочь одного изъ чиновниковъ при гауптвахтѣ. Она съ видимымъ удовольствіемъ переглядывалась съ поэтомъ изъ окошка своей комнаты, находившейся какъ разъ противъ «темницы» узника.

Вскорѣ поэтъ долженъ былъ забыть *Сосѣдку*, покинуть „свѣтъ" и—что важнѣе всего—очаровательную княгиню. Раздумье, невольно, охватило изгнанника—и вылилось въ чудномъ обращеніи къ *тучкамъ*. Казалось, самого себя разумѣлъ поэтъ, когда спрашивалъ у *тучекъ*:

> Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшенье?
> Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
> Или на васъ тяготитъ преступленье?
> Или друзей клевета ядовитая.

Да, поэтъ многое могъ припомнить на счетъ *зависти тайной* и *злобы открытой*. Ему и теперь грозили тѣмъ же, а *клеветѣ ядовитой* не суждено было замолкнуть даже у его могилы...

Пріѣхавъ на Кавказъ, Лермонтовъ принялъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Осенью извѣстенъ его походъ въ Чечню. Объ этомъ походѣ Лермонтовъ писалъ Лопухину: «У насъ были каждый день дѣла и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часовъ сряду. Насъ было всего 2000 пѣхоты, а ихъ до шести тысячъ, и все время боролись штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ. Кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью». Это «дѣло» происходило у рѣчки Валерикъ и описано Лермонтовымъ въ стихотвореніи, носящемъ тоже названіе. Поэтъ, бывшій плохимъ служакой во фронтѣ, обнаруживалъ блестящую храбрость въ бою и во всѣхъ опасностяхъ. Въ стихотвореніи *Валерикъ* и въ письмѣ къ Лопухину Лермонтовъ ничего не говоритъ о личныхъ подвигахъ,—а между тѣмъ они были замѣтны даже среди примѣрно доблестной кавказской арміи. Генералъ, командовавшій отрядомъ, доносилъ начальству: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».—Не смотря на самое лестное представленіе начальства, Лермонтовъ никакой награды не получилъ.

Поэтъ, какъ и всегда, не могъ всецѣло отдаться дѣйствительности. Обычныя думы

о своемъ одиночествѣ, о смыслѣ прожитой жизни, о людяхъ, снова всплывали въ его умѣ, лишь только умолкалъ шумъ сраженія. Въ *Валерикѣ* рядомъ съ картинами боя проходятъ искони-любимые образы поэта, вновь разсказана исторія его душевной жизни, его отношеній къ людямъ. Воинъ ни на минуту не поглощаетъ мыслителя, общественнаго дѣятеля. Такимъ поэтъ явился въ невиданномъ блескѣ въ романѣ *Герой нашего времени*. Романъ былъ начатъ раньше второй ссылки на Кавказъ, постепенно создавался на Кавказѣ и былъ законченъ въ Петербургѣ во время отпуска.

Этотъ отпускъ былъ выхлопотанъ поэту бабушкой. Потребовалась аттестація кавказскаго начальства,— и была представлена, очевидно, въ самой удовлетворительной формѣ. Въ началѣ февраля Лермонтовъ пріѣхалъ въ Петербургъ и къ великому огорченію не могъ свидѣться съ бабушкой: по причинѣ весенней распутицы она не могла выѣхать изъ деревни. Лермонтовъ провелъ въ Петербургѣ около трехъ мѣсяцевъ, и эти мѣсяцы, по мнѣнію графини Растопчиной, только теперь познакомившейся съ поэтомъ, «были самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни». «Отлично принятый въ свѣтѣ», разсказываетъ графиня,—любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружественной обстановкѣ, онъ придумывалъ какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости». Но поэта и теперь не оставили въ покоѣ, въ подлежащихъ сферахъ сочли предосудительными его визиты свѣтскимъ знакомымъ. Военное начальство заявило ему, что онъ уволенъ въ отпускъ *лишь для свиданія съ бабушкой*, и что въ его положеніи неприлично разъѣзжать по баламъ и торжественнымъ собраніямъ. «Лермонтовъ», прибавляетъ разсказчикъ, «былъ этимъ чрезвычайно огорченъ и оскорбленъ».

Отпускъ приходилъ къ концу, бабушка не ѣхала, поэта стали томить горестныя предчувствія. Объ этихъ предчувствіяхъ упоминаютъ единогласно всѣ очевидцы. По словамъ гр. Ростопчиной, за нѣсколько дней до отъѣзда Лермонтовъ «только и говорилъ объ ожидавшей его смерти», а графу Соллогубу, видѣвшему въ немъ преемника Пушкина, замѣтилъ: «Нѣтъ, братъ, далеко мнѣ до Александра Сергѣевича, да и времени работать мало остается; убьютъ меня»... И въ это же время у поэта возникали планы, которымъ русская литература, несомнѣнно, была бы обязана новою славой. «Я чувствую — во мнѣ дѣйствительно есть талантъ», говорилъ онъ Соллогубу. «Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку, и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ»...

Но суждено было сбыться не радостнымъ надеждамъ, а горькимъ предчувствіямъ... Возвращеніе Лермонтова на Кавказъ живо напоминаетъ послѣдніе ясные дни быстро уходящаго лѣта: солнце, какъ будто, свѣтитъ еще ярче, еще жизнерадостнѣе чѣмъ свѣтило раньше, — но скоро придетъ сентябрь, подуетъ холодомъ и потянутся туманные, мертвенные дни безъ трепета жизни, безъ искры свѣта...

По пути Лермонтовъ заѣхалъ въ Москву. На него пахнуло старыми вѣяніями первой юности, охватила вѣчно любезная ему атмосфера «родной Москвы»,—и онъ, по его словамъ, провелъ здѣсь нѣсколько дней съ такимъ удовольствіемъ, какъ никогда. На одинъ день Лермонтовъ остановился въ Тулѣ — повидаться съ родственницей. Очевидецъ помнитъ, что поэтъ «былъ веселъ и говорливъ». Существуетъ разсказъ о другой остановкѣ Лермонтова, въ сельцѣ Мишковѣ Орловской губерніи. Сельцо принадлежало Глѣбову, другу и впослѣдствіи секунданту поэта въ дуэли съ Мартыновымъ. Лермонтовъ прожилъ въ Мишковѣ нѣсколько дней, успѣлъ влюбиться въ крестьянку и хотѣлъ взять ее съ собой на Кавказъ. Но это намѣреніе страшно перепугало красавицу и, снисходя къ ея слезамъ и просьбамъ, Лермонтовъ рѣшилъ пока оставить ее въ Мишковѣ и прислать за ней послѣ...

Пріѣхавъ въ Ставрополь, гдѣ находился штабъ Тенгинскаго полка, Лермонтовъ выхлопоталъ себѣ отпускъ и переѣхалъ въ Пятигорскъ. Здѣсь по прежнему продолжала жить семья Верзилиныхъ. У нихъ Лермонтовъ бывалъ еще во время первой ссылки на Кавказъ. «Это былъ единственный домъ въ Пятигорскѣ», разсказываетъ современникъ, «въ которомъ почти ежедневно собиралась вся изящная молодежь

Пятигорскихъ посѣтителей... Въ особенности привлекала въ этомъ домѣ старшая Верзилина — Эмилія, дѣвица уже не совсѣмъ молодая, которая еще во время посѣщенія Пятигорска Пушкинымъ прославлена была имъ, какъ «звѣзда Кавказа», дѣвушка очень умная, образованная, свѣтская, до невѣроятности обворожительная, и превосходная музыкантша на фортепьяно, отъ чего въ домѣ ихъ, кромѣ фешенебельной молодежи, собирались и музыканты... Она была лихая наѣздница, часто составляла кавалькады, на которыхъ была одѣта всегда въ какомъ-нибудь фантастическомъ костюмѣ».

У Верзилиныхъ постоянными гостями были Лермонтовъ и Мартыновъ. Послѣднему суждено было пріобрѣсти безсмертіе, легшее, по выраженію современника, кровавымъ пятномъ на русское имя... Кто же былъ этотъ человѣкъ?

Домъ Верзилиныхъ въ Пятигорскѣ.

О Мартыновѣ у насъ довольно много свѣдѣній,—и въ различные періоды его жизни. Почти за годъ до ссоры съ Лермонтовымъ Мартыновъ былъ самымъ зауряднымъ гвардейскимъ офицеромъ, довольно красивымъ и исполненнымъ самодовольныхъ мечтаній — о чинахъ, орденахъ и «думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина». Это было въ 1840 году. Онъ уѣхалъ въ Гребенскій казачій полкъ, но скоро вернулся въ Пятигорскъ— «но въ какомъ положеніи!», восклицаетъ одинъ изъ его знакомыхъ: «вмѣсто генеральскаго чина онъ былъ уже въ отставкѣ всего маіоромъ, не имѣлъ никакого ордена, и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодаго человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ: отростилъ огромныя бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, нахлобученной бѣлой папахой, вѣчно мрачный и молчаливый». Автору кажется, что «причиной такого страннаго образа дѣйствій Мартынова было желаніе играть роль *Печорина*». Описанный «образъ дѣйствій» скорѣе напоминаетъ разочарованнаго юнкера Грушницкаго, чѣмъ трезваго и сильнаго духомъ Печорина. И отношенія Лермонтова съ Мартыновымъ весьма похожи на отношенія обоихъ героевъ романа; только у дѣйствительнаго Грушницкаго было больше нахальства и самоувѣренности ограниченнаго человѣка, чѣмъ у жалкой жертвы Печорина. Роль княжны Мэри въ злополучной исторіи разыграла m-lle Эмилія Верзилина. Все дѣло, по воспоминаніямъ Пятигорскихъ старожиловъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

«M-lle Эмилія была непрочь пококетничать съ поэтомъ, котораго называла интимно *Мишель*. Такъ или иначе, но, какъ гласитъ молва, ей нравился больше красивый и статный Мартыновъ, и она отдала ему будто бы предпочтеніе. Мартыновъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ, а именно: высокимъ ростомъ, выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Онъ носилъ бѣлый шелковый бешметъ и суконную черкеску, рукава которой любилъ засучивать. Взглядъ его былъ смѣлъ, вся фигура, манеры и жесты полны беззавѣтной удали и молодечества. Нисколько не удивительно, если Лермонтовъ, при всемъ дружественномъ къ нему расположеніи, всей силой своего сарказма нещадно бичевалъ его невыносимую заносчивость. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лермонтовъ и Мартыновъ были соперники,—одинъ сильный умст-

но, другой—физически. Когда умъ сталъ одолѣвать грубую физическую силу, сила сдѣлала послѣднее усиліе и раздавила умъ. Мартыновъ, говорятъ, долго искалъ случая придраться къ Лермонтову, и случай выпалъ»...

Отношенія между Лермонтовымъ и Мартыновымъ далеко не всѣми признаются въ только-что изложенной формѣ. Князь Васильчиковъ, товарищъ обоихъ и свидѣтель дуэли, всю вину въ ней приписываетъ Лермонтову. Прежде всего Лермонтовъ, по словамъ кн. Васильчикова, былъ совершенно невыносимаго характера,—«добродушный для небольшаго кружка ближайшихъ своихъ друзей»,—и «заносчивый и задорный для всего человѣческаго рода, въ томъ числѣ, конечно, для Мартынова» и, вѣроятно, для кн. Васильчикова.

Мы не имѣли и не имѣемъ въ виду отрицать темныя стороны въ характерѣ поэта, но если люди обо всемъ судятъ сравнительно, то тѣмъ болѣе нельзя смотрѣть съ безусловной точки зрѣнія на личность человѣка, въ сущности всю жизнь остававшагося одинокимъ, лишеннымъ и дружбы и любви. Въ этомъ было прежде всего его несчастье, а потомъ, можетъ быть и ошибка, хотя дружба съ Мартыновымъ и прочими образцами гусарскаго удальства и дикаго тупоумія врядъ ли принесла бы поэту много чести и утѣшенія. Кн. Васильчиковъ описываетъ самыми мрачными красками поэта, но о Мартыновѣ не говоритъ ни слова: Мартыновъ еще былъ живъ, когда князь писалъ свой мемуаръ о дуэли. Самъ Мартыновъ сослался на князя и отклонилъ всякія разъясненія съ своей стороны. Развѣ это не похоже на *судъ* надъ умершимъ, судъ двухъ друзей, повидимому, заранѣе прекрасно понимающихъ другъ друга? Развѣ мы можемъ помириться съ этимъ судомъ даже въ томъ случаѣ, если бы обѣ стороны были поставлены въ одинаковое положеніе: вѣдь рѣчь идетъ о великомъ поэтѣ и о какомъ-то одичавшемъ донъ-жуанѣ? А теперь, насъ хотятъ заставить забыть, *съ кѣмъ* поэтъ имѣлъ дѣло и упорно бросаютъ намъ въ глаза только тѣни въ личности поэта: какъ-будто онъ нарочно былъ созданъ затѣмъ, чтобы стать жертвою перваго встрѣчнаго. Неужели Мартыновъ и его защитникъ не знали, на кого подымается рука, грозящая смертью? Вѣдь Мартыновъ не Дантесъ: вѣдь Лермонтовъ былъ *его* слава, какъ русскаго, онъ не могъ, подобно убійцѣ Пушкина, оправдать себя тѣмъ, что

Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что́ онъ руку поднималъ...

Пусть, Лермонтовъ, можетъ быть, слишкомъ часто смѣялся надъ *Montagnard au grand poignard*, это, несомнѣнно, была ошибка поэта: тратя свое остроуміе на бреттеровъ, онъ оказывалъ имъ слишкомъ много чести. Но это была ошибка молодости, необыкновенно подвижнаго темперамента. Здѣсь не было и слѣда преступленія, за которое, по мнѣнію друзей Мартынова, естественно поплатиться даже смертью. Мы сейчасъ увидимъ, какъ совершилась эта смерть,—и никакіе „очевидцы“ не будутъ въ состояніи смыть съ ея виновника „кроваваго пятна“....

За недѣлю до смерти у поэта воскресли горькія предчувствія, томившія его еще предъ отъѣздомъ на Кавказъ. Одинъ изъ его знакомыхъ встрѣтился съ нимъ на пятигорскомъ бульварѣ ночью 8-го іюля. „Ночь была тихая и теплая. Они пошли ходить. Лермонтовъ былъ въ странномъ расположеніи духа,—то грустенъ, то вдругъ становился желчнымъ и съ сарказмомъ отзывался о жизни и обо всемъ его окружавшемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ онъ сказалъ: „Чувствую, мнѣ очень мало осталось жить“...

Предчувствія оправдались съ страшной быстротой. На вечерѣ у Верзилиныхъ произошло новое столкновеніе Лермонтова съ Мартыновымъ. Такія столкновенія, несомнѣнно, бывали и раньше, но этому суждено было имѣть трагическую развязку. О томъ, какъ произошла ссора у насъ есть два различныя извѣстія: согласно одному вина на сторонѣ Лермонтова, согласно другому виноватъ Мартыновъ. Первое извѣстіе—судебное показаніе самого Мартынова. При слѣдствіи и на судѣ Мартыновъ утверждалъ, что „Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что-либо непріятное“. Не смотря на протесты Мартынова, шутки продолжались. Недѣли за три до дуэли, во время болѣзни Лермонтова, Мартыновъ «высказалъ ему все откровенно и просилъ перестать насмѣхаться». Лермонтовъ предложилъ ему въ свою очередь насмѣхаться надъ нимъ и только на нѣсколько дней прекратилъ свои насмѣшки. На вечерѣ у

Верзилиныхъ, за два дня до дуэли, Лермонтовъ, по словамъ Мартынова, своими шутками «вывелъ его изъ терпѣнія». Когда они вышли, Мартыновъ «удержалъ Лермонтова за руку», напомнилъ ему, что уже просилъ его прекратить насмѣшки и «теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать». Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему тонъ этой проповѣди не нравится, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и, въ заключеніе сказалъ: «вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь». Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлетъ къ нему своего секунданта".

На судѣ это показаніе было принято съ полнымъ довѣріемъ и Мартынову смягчили наказаніе въ виду того, что „онъ вынужденъ былъ къ произведенію дуэли съ Лермонтовымъ безпрестанными его обидами, на которыя долгое время отвѣтствовалъ увѣщаніемъ и терпѣніемъ". Кн. Васильчиковъ тоже на сторонѣ Мартынова. Даже родственникъ поэта (впрочемъ тотъ самый, который видѣлъ въ немъ не болѣе какъ «москвича въ гарольдовомъ плащѣ»), излагаетъ исторію согласно съ показаніемъ Мартынова, и даже прибавляетъ фактъ, отвергнутый слѣдствіемъ. Родственникъ утверждаетъ, будто слова Лермонтова, обращенныя къ Мартынову, *le farouche montagnard*, «раздались по комнатѣ» и были услышаны всѣми присутствующими. На судѣ, напротивъ, генеральша Верзилина подъ присягою показала, что „непріятностей между Лермонтовымъ и Мартыновымъ она не слыхала и не замѣтила". Боденштедтъ слышалъ отъ Глѣбова, бывшаго секундантомъ поэта, будто Мартыновъ оскорбился не насмѣшками Лермонтова, а принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ *Герой нашего времени* и „оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ его семейства". Если этотъ разсказъ справедливъ, оскорбленія на вечерѣ у Верзилиныхъ, повидимому, послужили Мартынову только предлогомъ вызова. Это вполнѣ согласно съ выше приведенными воспоминаніями современниковъ дуэли. Продолжимъ эти воспоминанія, бросающія на дѣло иное освѣщеніе, чѣмъ судебное показаніе противника Лермонтова.

„Выходя изъ дому Верзилиныхъ, Мартыновъ безцеремонно остановилъ Лермонтова за руку и, возвысивъ голосъ, рѣзко спросилъ его: „долго ли ты будешь издѣваться надо мной, въ особенности въ присутствіи дамъ?... Я долженъ предупредить тебя, Лермонтовъ, что если ты не перестанешь насмѣхаться, то я тебя заставлю перестать",—и онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

„Лермонтовъ разсмѣялся и, продолжая идти, спросилъ:

— Что же ты обидѣлся, что ли?

— Да, конечно, обидѣлся.

— Ну, такъ не хочешь ли требовать удовлетворенія?

— Почему и не такъ?...

„Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами: „меня изумляетъ и твоя выходка и твой тонъ. Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испугать нельзя, я отъ дуэли не откажусь... хочешь драться—будемъ драться".

— Конечно хочу, отвѣчалъ Мартыновъ и потому разговоръ этотъ можешь считать вызовомъ.

„Лермонтовъ разсмѣялся и сказалъ: „Ты думаешь торжествовать надо мной у барьера. Но это вѣдь не у ногъ красавицы".

„Мартыновъ быстро повернулся и пошелъ назадъ. Уходя, онъ сказалъ, что на утро пришлетъ секундантовъ".

Предъ нами два разсказа, различно характеризующіе роли противниковъ и, повидимому, преимущество на сторонѣ перваго, неблагопріятнаго поэту. Но у насъ, къ счастью, есть свѣдѣнія о самой дуэли и они, кажется намъ, безошибочно рѣшаютъ вопросъ.

Примирительныя попытки секундантовъ Глѣбова и кн. Васильчикова не имѣли успѣха, потому что Лермонтовъ не находилъ нужнымъ извиняться предъ Мартыновымъ. Дуэль назначена была на 15-е іюля, въ $6^1/_2$ часовъ вечера. Лермонтовъ, по словамъ графини Растопчиной, до самаго конца не хотѣлъ вѣрить, что онъ будетъ драться съ Мартыновымъ. Условія ду по судебному показанію Мартынова, стояли въ слѣдующемъ: барьеръ былъ

онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ сновидѣнія; улыбка остановилась на устахъ его и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ, и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни".

Поэтъ разсказываетъ здѣсь о самомъ себѣ. Мы видѣли, какъ его мучило сознаніе некрасивой внѣшности, слѣдовательно, неспособность привлекать симпатіи людей и болѣе всего женщинъ. И это не преминуло оправдаться въ романѣ съ Сушковой и какъ бы мало ни увлекался шестнадцатилѣтній поэтъ кокетливой красавицей, романъ долженъ былъ лечь на его сердце неизгладимымъ огорченіемъ. Оно потомъ вызвало жестокую месть...

Но поэтъ все-таки любилъ и мы знаемъ, какъ глубоко, какъ бережно онъ хранилъ отъ людей свою любовь къ другой дѣвушкѣ, умѣвшей цѣнить его, умѣвшей *въ лицѣ его читать чувства*. Этой любви не суждено было создать счастье поэта, *примирить его съ людьми*: утѣшеніемъ Лермонтова оставалось всю жизнь молиться о счастьѣ любимой женщины даже послѣ того, какъ она стала женой другого. Въ разгаръ самыхъ легкомысленныхъ увлеченій офицерскаго донъ - жуанства, поэтъ посвящаетъ Лопухиной самый искренній, самый возвышенный голосъ своего сердца, молитву къ Матери Божіей за „дѣву невинную"...

У поэта не могло быть и друзей. Мы видѣли, въ какую среду онъ попалъ сначала въ пансіонѣ, гдѣ въ немъ впервые проснулись стремленія къ дружбѣ, потомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ ближе всего могъ сойтись съ товарищами. Скоро онъ убѣдился, что „не созданъ для людей", — и мы ждали этого: не пансіонскимъ школьникамъ было войти въ душевный міръ товарища, успѣвшаго пережить и передумать не меньше зрѣлаго человѣка, неспособнаго ни на одну минуту спастись отъ своихъ думъ. Когда въ университетѣ предавались мальчишескимъ шалостямъ, поэтъ совершенно искренно писалъ:

Мнѣ нужно дѣйствовать; я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.
Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожитъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ?—Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то...

Кому же была доступна эта вѣчно-напряженная, мужественная мысль тамъ, гдѣ даже взрослые люди

Все то, на чемъ ума печать
Привыкли ненавидѣть...

И поэтъ, одинокій въ дѣтствѣ, остался такимъ и въ молодости: ни родной семьи, ни друга, ни любящей женщины. А между тѣмъ онъ постоянно сознается: *любить необходимо мнѣ* и его сердце *ныло безъ страстей*. Онъ хватался за всякій случай—облегчить свое одиночество, мы видѣли, какія письма онъ писалъ тѣмъ, въ чью дружбу вѣрилъ и какимъ стономъ у него вырывалась по временамъ тоска, воспитанная вѣчнымъ одиночествомъ, вѣчно неудовлетворенной жаждой *родной души* и идеаловъ своей мысли.

Да, поэтъ всю жизнь переживалъ двойную драму: „свѣтъ" не хотѣлъ понять ни *чувствъ*, ни *думъ*. Люди не давали любви и ни на одну минуту не отвѣчали *могучему образу*, владѣвшему мыслью поэта.

И естественно, Лермонтовъ скрывалъ отъ людей *самого себя*, онъ счелъ бы кровной обидой, еслибы они осмѣлились подвергнуть своему суду то, чѣмъ болѣе всего онъ дорожилъ и что было для нихъ совершенно непонятно. И здѣсь нужна была вся могучая воля поэта, истинно благородная гордость самосознанія, чтобы до конца не просить сочувствія и пощады ни у людей, ни у судьбы.

Незадолго передъ смертью поэтъ писалъ:

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

И Лермонтовъ никогда бы не написалъ ни оправдательной исповѣди, ни чувствительныхъ изліяній. Напротивъ, онъ всѣми силами старался показать, что онъ доволенъ и счастливъ, что онъ не только не тяготится отсутствіемъ людскихъ симпатій, - напротивъ презираетъ ихъ, третируетъ людей съ цѣлью вызвать у нихъ вражду и негодованіе. Это было естественнымъ исходомъ накипѣвшаго чувства, если только поэтъ не хотѣлъ совершенно убѣжать отъ людей, превратиться въ аскета.

Мы видѣли, что онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ, всегда, повидимому, гнѣвный и разочарованный, до послѣдней минуты носилъ глубокую вѣру въ идеалы и вѣрилъ въ ихъ торжество. Необычайно жизненный геній поддерживалъ и утѣшалъ поэта во всѣхъ невзгодахъ. И этотъ геній, повидимому, во всемъ блескѣ просыпался, когда надъ поэтомъ собирались наиболѣе грозныя тучи. Намъ извѣстно множество стихотвореній, написанныхъ Лермонтовымъ въ минуты, когда иной чувствовалъ бы себя совершенно подавленнымъ. *Вѣтка Палестины*, *Сосѣдка*, *Тучки* возникли при наиболѣе критическихъ событіяхъ въ жизни Лермонтова.

И здѣсь, слѣдовательно, не были только фразой слова поэта, что во всѣхъ его огорченіяхъ *лиры звукъ неизмѣненъ былъ...* Въ самомъ себѣ, въ своемъ вдохновеніи до конца жизни поэтъ находилъ единственнаго друга и утѣшителя. Онъ жилъ имъ,—и кто же не признаетъ за такимъ человѣкомъ права на слѣдующее признаніе, въ другихъ устахъ, можетъ быть, невыносимо надменное, но у Лермонтова исполненное правды и истиннаго благородства:

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ.

Намъ теперь ясна *личность* Лермонтова. Въ рѣдкихъ людяхъ могла осуществиться въ такой полнотѣ—неутомимая мысль и идеализмъ, одиночество и могучая воля, проникновенное пониманіе людей и неумирающая жажда любви,—и кто бы могъ въ этомъ круговоротѣ вѣчной, непримиримой борьбы жить и создавать образы, исполненные въ одно время и жизненной правды и чарующей поэзіи!...

Послѣ этого вопросъ о чьихъ бы то ни было вліяніяхъ на Лермонтова рѣшается ясно и безповоротно только въ одномъ направленіи. Личность поэта сама по себѣ слишкомъ оригинальна и богата внутреннимъ содержаніемъ, чтобы поддаться чужимъ воздѣйствіямъ, пассивно воспринимать чьи бы то ни было идеи. Много говорили о вліяніи Байрона. Эти разговоры сильно напоминаютъ легкомысленныя насмѣшки Сушковой надъ „поэтомъ-отрокомъ“, вѣчно мечтавшимъ съ „огромнымъ Байрономъ“ въ рукахъ. Барышня не могла и представить, что предъ ней другой Байронъ, по природѣ, можетъ быть, еще болѣе сильный и разностороній, чѣмъ англійскій. На насмѣшки барышни поэтъ отвѣтилъ извѣстнымъ стихотвореніемъ: *Нѣтъ, я—не Байронъ...* Но почему же этотъ отвѣтъ не является убѣдительнымъ для всѣхъ, кто читалъ Лермонтова и пытался вдуматься въ его творчество? Почему имя поэта въ глазахъ многихъ до сихъ поръ свѣтитъ „заимствованнымъ свѣтомъ“? Это потому, что не видятъ первоисточника этого свѣта, не видятъ солнца за тѣми предметами, которые отражаютъ его свѣтъ. Это солнце одинаково освѣщало Байрона, Лермонтова и многихъ другихъ поэтовъ, и всѣ они, не зная произведеній другъ друга, сіяли бы все тѣмъ же геніемъ, зажженнымъ у нихъ общимъ, могучимъ вдохновителемъ.

Его указалъ самъ Лермонтовъ, сравнивая себя съ Байрономъ, и всю жизнь съ замѣчательнымъ постоянствомъ говорилъ о немъ. Перечисляя сходныя черты у себя и англійскаго поэта, Лермонтовъ находитъ одну самую существенную:

Какъ онъ въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Вотъ солнце, воспламенившее и питавшее музу обоихъ поэтовъ—природа. Лермонтовъ съ самаго начала зналъ это и до конца жизни преклонялся предъ своей матерью-вдохновительницей. Въ повѣсти, написанной Лермонтовымъ въ раннюю пору творчества, герой, „отвергнутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объятія природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду“. Это—настроеніе самого поэта и онъ тогда же далъ себѣ названіе *сына природы*. Шестнадцати лѣтъ онъ писалъ:

Я вопрошалъ природу и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ мятели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ...

И поэтъ „любилъ съ начала жизни угрюмое уединеніе“. Эта любовь останется на всегда. Всѣ герои поэта будутъ страстно любить природу, всѣмъ она будетъ единственный, нѣжный другъ. Въ минуты отчаянья и негодованья, въ минуты юной тоски—они на ея лонѣ найдутъ утѣшеніе и отдыхъ.

Дѣтство героя Лермонтова опи...

разсказѣ о дѣтствѣ Арбенина и Измаила. „Саша Арбенинъ шести лѣтъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку“. Измаила

> баюкалъ бури вой мятежной;
> Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
> Его улыбку встрѣтила гроза.

Юность описана у Арсенія, у Мцыри: Арсеній „жилъ съ природой жизнью одной“, Мцыри непрестанно мучила мечта о такой жизни, у него такъ же какъ и у Арсенія „бурное сердце“ дружитъ съ грозой, имъ ничто не въ состояніи замѣнить и краткаго мига страстныхъ объятій природы.—Въ періодъ разочарованія и въ идеалахъ и въ чувствахъ поэтъ не знаетъ иного прибѣжища, кромѣ природы. *Пророкъ*, возбудившій ненависть людей проповѣдью истины и любви, бѣжитъ изъ городовъ, живетъ въ пустынѣ, „какъ птица даромъ Божьей пищи“. Поэтъ еще ребенкомъ свои невзгоды переживалъ въ уединеніи, теперь устами возмужалаго проповѣдника онъ говоритъ о жизни въ пустынѣ:

> Завѣтъ предвѣчнаго храня,
> Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
> И звѣзды слушаютъ меня,
> Лучами радостно играя...

Иное разочарованье и иное одиночество олицетворено въ лицѣ Печорина. Онъ остался среди людей, глубоко презирая ихъ мелочность и ничтожество, испытывая по временамъ страшную муку сердечной пустоты, неудовлетворенной жажды *родной души*. Но пахнётъ на него вѣчно юнымъ дыханіемъ природы,—и „какое то отрадное чувство начнетъ разливаться во всѣхъ жилахъ“. Ему кажется, все счастіе жизни достигнуто тамъ, гдѣ „воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка, солнце ярко, небо сине“... „Нѣтъ женскаго взора“, говоритъ Печоринъ, „котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубаго неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ“.

Для поэта природа имѣетъ еще больше значенья, чѣмъ для его героевъ. Въ каждомъ изъ нихъ лишь часть его необыкновенной души, и лишь этою частью они близки своей общей матери. Самъ Лермонтовъ всего себя, всѣ свои идеалы почерпнулъ у природы, онъ не только подобно Мцыри, страстно вслушивался въ ея разговоръ, онъ понялъ, о чемъ она говоритъ, онъ разсказалъ объ этомъ людямъ и хотѣлъ, чтобы они подчинились ея могучему, исполненному истины—голосу.

Этотъ голосъ слышался не одному Лермонтову: его слышали всѣ, въ чьей душѣ былъ *міръ иной*, *міръ идеальный*, міръ, чуждый людскому горю и людскимъ порокамъ. Съ особенной силой этотъ голосъ раздавался, когда человѣчество доживало до крайняго извращенія чувства и мысли, когда нравственная распущенность и лицемѣріе овладѣвали сердцемъ, пошлость и эгоизмъ порабощали человѣка. Общество въ такія времена, повидимому, готово утратить всѣ основы истинно-человѣческаго существованія, даже право на него. Въ общественной атмосферѣ становится душно,—и если не пролетитъ вихрь свѣжаго воздуха, на мѣсто жизни воцарится мракъ и смерть. Этотъ вихрь всегда приносится оттуда, гдѣ невѣдомы никакія извращенія жизни, гдѣ искони она течетъ вѣрная своему назначенію, неизмѣнно юная и могучая. Люди обращаютъ жаждующіе взоры къ природѣ,—и въ ея вѣчной красотѣ и силѣ ищутъ отвѣта на свои муки, на свое безсиліе.

Исторія знаетъ двѣ эпохи, когда это стремленіе—въ природѣ отыскать путь спастись отъ золъ одряхлѣвшаго общества—становилось истиной мыслителей и вдохновеніемъ поэтовъ. Въ періодъ упадка античнаго міра возникла стоическая философія, и всѣ идеи свои объединила въ одной — *жить сообразно съ природой*. Предъ концомъ старой Европы, въ XVIII вѣкѣ—та же идея создала „просвѣтительное“ движеніе. Это была давно знакомая людямъ тягота окружающими условіями общества,—и непреодолимое желаніе вздохнуть свѣжимъ воздухомъ полей и лѣсовъ. Сначала это желаніе сказалось въ бѣгствѣ людей отъ „свѣта“ въ сельское уединеніе, въ восторгахъ предъ красотами природы. Герой Мольера зоветъ въ пустыню свою милую, не знаетъ ничего болѣе счастливаго и поэтическаго, чѣмъ простота и наивная прелесть природы. Поэтъ XVII вѣка предвосхитилъ, такимъ

образомъ, могучую идею просвѣщенія и самимъ идеалистамъ далъ прозвище. *Мизантропъ* впослѣдствіи воплотится въ лицѣ Руссо, Байрона и многихъ другихъ поэтовъ и философовъ, воспитанныхъ эпохой просвѣщенія. Основная черта у всѣхъ останется одна и та же: презрѣніе къ людскимъ извращеніямъ жизненной правды и силы—и восторгъ предъ чистотой и ясностью природы и всего, на чемъ лежитъ отпечатокъ ея силы и красоты. Стоическая истина—*Жить сообразно съ природой*—станетъ идеаломъ XVIII вѣка, будетъ одушевлять мизантроповъ и разочарованныхъ, поэтовъ первобытнаго состоянія человѣчества и грозныхъ обличителей современнаго ничтожества.

Въ чемъ заключаются для этихъ людей идеалы, вычитанные въ книгѣ природы, яснѣе и энергичнѣе всего объяснилъ Байронъ двумя словами: *простота* и *величіе*. Эти понятія изъ міра природы перенесены въ міръ нравственный—и стали центромъ поэтическихъ грёзъ Руссо и Шиллера и источникомъ негодующаго разочарованія англійскаго поэта. *Простота*—это значитъ открытыя, искреннія отношенія между людьми, гибель ханжества, лицемѣрія, безсмысленнаго формализма, всего, чѣмъ гордится такъ называемый „свѣтъ“; *величіе*—это значитъ мужественное сознаніе личности, человѣческаго достоинства, это нравственный героизмъ, гибель—пошлости, всѣхъ мелочей обыденнаго эгоистическаго существованія, гибель рабства и стихійной покорности.

У Руссо идеалъ воплощается въ *героѣ*, простомъ и естественномъ, идеально-первобытномъ. Это—существо, одаренное античной доблестью и чуждое всякой культурѣ. Шиллеръ увлекается идеаломъ Руссо и вѣчно грезитъ объ идиллическомъ счастьѣ и нравственно-великомъ героѣ. У Байрона гимны античной славѣ чередуются съ задушевной хвалою вѣчной красотѣ природы,—и здѣсь герой—идиллически простодушный и счастливый. Такой идеалъ—наиболѣе смѣлое, непримиримое отрицаніе дѣйствительности, — и всѣмъ извѣстно, до какой высоты поднималось у идеалистовъ прошлаго вѣка негодованіе на общественную жизнь, даже на общество и цивилизацію. Это была реакція противъ крайняго извращенія искренности чувства и достоинства личности. Свѣтскія формы унизили и обезличили человѣка, какъ существо нравственное и мыслящее,—защитникамъ мысли и чувства естественно было возстать противъ всего, чѣмъ тѣшится «свѣтъ», противъ его культуры, пріобрѣтеній его ума. Широкій размахъ отрицанія подсказывался самимъ учителемъ, увлекшимъ идеалистовъ, самой природой: она вѣдь гремитъ бурями и разрушеніемъ тамъ, гдѣ жизнь начинаетъ вянуть въ духотѣ и покоѣ смерти....

Лермонтовъ одинъ изъ этихъ идеалистовъ, одаренный геніемъ, настолько же оригинальнымъ и сильнымъ, какъ любой изъ названныхъ нами поэтовъ. Онъ похожъ на нихъ, — и на всѣхъ одинаково. Съ Байрономъ связали имя Лермонтова, потому что онъ внимательнѣе всего читалъ англійскаго поэта. Это случилось потому, что Байронъ энергичнѣе и полнѣе другихъ выразилъ идеи, принадлежавшія многимъ и всѣми одинаково почерпнутыя изъ одного и того же источника.

Мы видѣли, какъ идеалы поэта сливались всю жизнь съ природой. Онъ думалъ, что у природы есть свои *любимцы*, особенно дорогія ей *дѣти*, и что онъ одинъ изъ нихъ. Всѣ явленія природы отражаются въ умѣ поэта соотвѣтствующими идеями, его мысль кажется простымъ поясненіемъ царствующей предъ глазами жизни *природы—матери*.

Противоположности, подмѣченныя поэтомъ во внѣшнемъ мірѣ, говорятъ ему о томъ, что́ есть трогательнаго и великаго въ человѣческой жизни. Столѣтняя, поросшая мохомъ скала и рядомъ съ ней незабудка, суровый сѣдой великанъ-утесъ и воздушная тучка, ночевавшая у него на груди, дубовый листокъ, одинокій, до срока созрѣвшій и увядшій отъ холода, зноя и горя, и рядомъ съ нимъ чинара, зеленая, цвѣтущая, солнцемъ и моремъ любимая. Поэту грезится и «бурный споръ» съ волнами моря и «мечтанія рая». Предъ нимъ проходитъ рядъ мирныхъ картинъ,—желтѣющая нива, едва шумящій лѣсъ, румяный вечеръ, золотое утро: поэтъ видитъ Бога, онъ готовъ вѣрить всему — и людямъ, и счастью, онъ завидуетъ звѣздамъ, въ ненарушимомъ покоѣ совершающимъ свой путь... Но вотъ звѣзды заволакиваются тучами, порывы бури приводятъ въ трепетъ все живое и въ груди поэта просыпаются ненасытныя страсти, необъятныя силы, — онъ, только что шептавшій мечтательныя рѣчи, теперь горитъ жела-

онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ сновидѣнія; улыбка остановилась на устахъ его и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ милліонъ, и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни".

Поэтъ разсказываетъ здѣсь о самомъ себѣ. Мы видѣли, какъ его мучило сознаніе некрасивой внѣшности, слѣдовательно, неспособность привлекать симпатіи людей и болѣе всего женщинъ. И это не преминуло оправдаться въ романѣ съ Сушковой и какъ бы мало ни увлекался шестнадцатилѣтній поэтъ кокетливой красавицей, романъ долженъ былъ лечь на его сердце неизгладимымъ огорченіемъ. Оно потомъ вызвало жестокую месть...

Но поэтъ все-таки любилъ и мы знаемъ, какъ глубоко, какъ бережно онъ хранилъ отъ людей свою любовь къ другой дѣвушкѣ, умѣвшей цѣнить его, умѣвшей *въ лицѣ его читать чувства*. Этой любви не суждено было создать счастье поэта, *примирить его съ людьми*: утѣшеніемъ Лермонтова оставалось всю жизнь молиться о счастьѣ любимой женщины даже послѣ того, какъ она стала женой другого. Въ разгаръ самыхъ легкомысленныхъ увлеченій офицерскаго донъ - жуанства, поэтъ посвящаетъ Лопухиной самый искренній, самый возвышенный голосъ своего сердца, молитву къ Матери Божіей за „дѣву невинную"...

У поэта не могло быть и друзей. Мы видѣли, въ какую среду онъ попалъ сначала въ пансіонѣ, гдѣ въ немъ впервые проснулись стремленія къ дружбѣ, потомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ ближе всего могъ сойтись съ товарищами. Скоро онъ убѣдился, что „не созданъ для людей", — и мы ждали этого: не пансіонскимъ школьникамъ было войти въ душевный міръ товарища, успѣвшаго пережить и передумать не меньше зрѣлаго человѣка, неспособнаго ни на одну минуту спастись отъ своихъ думъ. Когда въ университетѣ предавались мальчишескимъ шалостямъ, поэтъ совершенно искренно писалъ:

> Мнѣ нужно дѣйствовать; я каждый день
> Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
> Великаго героя, и понять
> Я не могу, что значитъ отдыхать.
> *Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь*
> *Въ моемъ умѣ.* Желанье и тоска
> Тревожитъ безпрестанно эту грудь.
> Но что-жъ?—Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
> И все боюсь, что не успѣю я
> Свершить чего-то...

Кому же была доступна эта вѣчно-напряженная, мужественная мысль тамъ, гдѣ даже взрослые люди

> Все то, на чемъ ума печать
> Привыкли ненавидѣть...

И поэтъ, одинокій въ дѣтствѣ, остался такимъ и въ молодости: ни родной семьи, ни друга, ни любящей женщины. А между тѣмъ онъ постоянно сознается: *любить необходимо мнѣ* и его сердце *ныло безъ страстей*. Онъ хватался за всякій случай—облегчить свое одиночество, мы видѣли, какія письма онъ писалъ тѣмъ, въ чью дружбу вѣрилъ и какимъ стономъ у него вырывалась по временамъ тоска, воспитанная вѣчнымъ одиночествомъ, вѣчно неудовлетворенной жаждой *родной души* и идеаловъ своей мысли.

Да, поэтъ всю жизнь переживалъ двойную драму: „свѣтъ" не хотѣлъ понять ни *чувствъ*, ни *думъ*. Люди не давали любви и ни на одну минуту не отвѣчали *могучему образу*, владѣвшему мыслью поэта.

И естественно, Лермонтовъ скрывалъ отъ людей *самого себя*, онъ счелъ бы кровной обидой, еслибы они осмѣлились подвергнуть своему суду то, чѣмъ болѣе всего онъ дорожилъ и что было для нихъ совершенно непонятно. И здѣсь нужна была вся могучая воля поэта, истинно благородная гордость самосознанія, чтобы до конца не просить сочувствія и пощады ни у людей, ни у судьбы.

Незадолго передъ смертью поэтъ писалъ:

> Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
> Мою таинственную повѣсть,
> Какъ я любилъ, за что страдалъ;
> Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

И Лермонтовъ никогда бы не написалъ ни оправдательной исповѣди, ни чувствительныхъ изліяній. Напротивъ, онъ всѣми силами старался показать, что онъ доволенъ и счастливъ, что онъ не только не тяготится отсутствіемъ людскихъ симпатій,—напротивъ презираетъ ихъ, третируетъ людей съ цѣлью вызвать у нихъ вражду и негодованіе. Это было естественнымъ исходомъ накипѣвшаго чувства, если только поэтъ не хотѣлъ совершенно убѣжать отъ людей, превратиться въ аскета.

ному чувству. И такихъ разочарованныхъ „Москвичей въ гарольдовыхъ плащахъ“—знало и наше отечество. Они прошли предъ русскимъ обществомъ, какъ тяжелый сонъ для современниковъ, жалкое воспоминаніе для потомства. У могилы „разочарованнаго“ всегда будутъ повторять приговоръ, давно произнесенный надъ нимъ Гюго:

Эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы, ни вреда—
И мы безъ горести, безъ страха и волненья
Глядимъ на падшаго, достойнаго паденья...

Не таковы герои Лермонтова. На первый взглядъ они кажутся „разочарованными“, слѣдовательно такими же жалкими *лишними людьми*, какъ и другіе. Но за этимъ разочарованіемъ таится исконный *могучій образъ* лермонтовской поэзіи—сильный нравственно, открытый, въ глубинѣ души неизмѣнно идеальный. Наиболѣе человѣчный, будничный герой Лермонтова—Печоринъ. Поэтъ съ особенной тщательностью нарисовалъ въ немъ „разочарованнаго“, часто жалкаго смертнаго,—но не даромъ всегда хотѣли въ этомъ героѣ отыскать самого поэта: Печоринъ, дѣйствительно, не менѣе другихъ героевъ Лермонтова, *его демонъ*. При чтеніи романа намъ живо припоминается изъ жизни поэта и минуты его суетнаго увлеченія свѣтомъ и минуты мужественнаго вдохновеннаго служенія генію. *Лермонтовъ* и *Маешка* попеременно проходятъ предъ нами, но тамъ, изъ самой глубины поэтическаго творчества звучитъ неумирающій голосъ: *мой умъ къ чему-то тайному стремится*...

Вспомните, сколько антипатичнаго въ Печоринѣ! И все это антипатичное разсказано самимъ героемъ съ такою откровенностью, какая повторилась въ литературѣ развѣ только въ *Исповѣди* Руссо. Мы оставимъ въ сторонѣ романическіе подвиги Печорина, его мелочную борьбу съ такими ничтожествами, какъ Грушницкій, вспомнимъ только тѣ выраженія, въ которыхъ герой самъ рекомендуетъ себя читателю. Печоринъ чаще всего сознается въ эгоизмѣ: „Моя любовь, — говоритъ онъ,—никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ тому, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія“. И послѣ всего этого онъ находитъ возможнымъ смѣяться „надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами“, и испытывать дешевое наслажденіе, любуясь, какъ этотъ смѣхъ пугаетъ наивныхъ дѣвицъ. Печоринъ не только смѣется надъ чувствами: онъ часто проявляетъ страшную жестокость сердца, походитъ, по собственному сознанію, на Вампира. Теорія счастья соотвѣтствуетъ у Печорина этимъ же качествамъ: оно, по мнѣнію героя,—насыщенная гордость и удовлетворенное честолюбіе. Эгоизмъ, жестокость, мелочность живутъ въ душѣ этого разочарованнаго и низводятъ его часто до уровня жалкаго смертнаго.

Но посмотрите, сколько у этого смертнаго вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительныхъ героическихъ качествъ. Онъ вѣдь самъ разсказалъ намъ о своихъ порокахъ, потому-что привыкъ во всемъ себѣ признаваться. Мы не можемъ не вѣрить ему, когда онъ говоритъ объ истинныхъ доблестяхъ своей натуры, о неумирающихъ искрахъ свѣта въ лермонтовскомъ разочарованіи.

Поэтъ сохранилъ отзывчивость сердца и послѣ того, какъ бѣжалъ отъ людей: Печоринъ, смѣясь надъ чувствами, остается чувствительнымъ, даже мечтателемъ. Его сердце бьется при всякомъ воспоминаніи о прежнемъ счастіи; онъ едва не падаетъ на колѣни, видя страданія княжны Мэри, разлука съ Вѣрой приводитъ его въ настоящее отчаяніе, бываютъ минуты, когда одно пожатіе ея руки для него великое счастье. Печоринъ ничего не забываетъ, все прошлое болѣзненно отзывается въ его душѣ и „извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки“. Онъ способенъ даже плакать, а природа повергаетъ его въ самозабвеніе восторга. Какая разница между этимъ вѣчнымъ страдальцемъ, исполненнымъ отголосковъ тоски и жажды счастья, и „москвичами въ гарольдовыхъ плащахъ!“ Тѣ все забывали и пошлой насмѣшкой бросали и въ свое прошлое, и въ людей, и въ красоту природы... А это неудержимое стремленіе Печорина къ борьбѣ, способность выдержать ее одному, свои личныя страданія умирить силой своего сознанія! А эти муки совѣсти, по временамъ терзающія Печорина презрѣніемъ къ самому себѣ за то, что онъ сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ!...

Печоринъ называетъ себя нравственнымъ калѣкой. Ему недоступна жизнь

чувства и увлеченія: холодный умственный анализъ развѣнчиваетъ въ его глазахъ всѣ страсти. Въ немъ живутъ два человѣка: одинъ живетъ, другой наблюдаетъ неотступно, злорадно за этой жизнью. Здѣсь не можетъ быть счастья, и мы вѣримъ Печорину, что онъ не менѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ тѣ, кого онъ дѣлаетъ несчастными.

И здѣсь, слѣдовательно, все тѣ же идеалы поэта, хотя ихъ по-временамъ и заноситъ тина людской жизни. Идеалы велики, но воплощены въ человѣкѣ непонятомъ, озлобленномъ. Печоринъ—этотъ *сильный организмъ*—долженъ чувствовать презрѣніе къ окружающимъ и злость на ихъ пошлость и самодовольство. Злость должна подвергать сильному искушенію спокойствіе и достоинство Печорина; онъ невольно бросается въ борьбу съ жалкими противниками, и борьба, конечно, выходитъ мелкой, безцѣльной. Такихъ мелочей было много и въ жизни самыхъ великихъ мизантроповъ: у Руссо и у Байрона. Ихъ еще больше должно было встрѣтиться въ жизни нашего поэта, проходившаго общественную среду, еще болѣе мелочную и ничтожную, чѣмъ на Западѣ. И все-таки Лермонтовъ сохранилъ неприкосновенными свои исконныя стремленія. Они завѣщаны просвѣтительнымъ движеніемъ прошлаго вѣка. Въ основѣ ихъ лежитъ одна могучая идея—*природа*. Она давала жизнь принципамъ, на которыхъ построена новая Европа: эти принципы—свобода и нравственная сила личности, естественная справедливость, сердечная искренность. Лермонтовъ—первый поэтъ, можно сказать, первый мыслитель, создавшій у насъ эти идеалы. Юному поэту страстно хотѣлось совершить какое-либо дѣло, и онъ совершилъ его, едва сознавая всю его важность... Смерть застигла поэта въ ранній расцвѣтъ юности, въ минуту смутной душевной борьбы. Можетъ быть, поэтъ раскрывалъ свои личныя сомнѣнія, когда Печоринъ спрашивалъ себя: „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ“... Поэтъ никогда не лгалъ предъ своею совѣстью, и въ этихъ словахъ звучитъ обычная искренность. Но мы не можемъ принять ихъ за истинное самопризнаніе. Печоринъ совершилъ великое назначеніе уже тѣмъ, что осмѣялъ и уничтожилъ Грушницкаго, этого героя пошлаго разочарованія,—и въ лицѣ своемъ показалъ иное—разочарованіе мысли, таившее въ себѣ исконныя идеи европейскаго прогресса. На этихъ идеяхъ построено новое европейское общество. Оно не воплотило ихъ всецѣло въ своей жизни: Руссо и Шиллеръ и теперь не нашли бы идиллической красоты въ человѣческомъ счастьѣ и нравственнаго героизма въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Но ихъ идеи—неизмѣнный завѣтъ истины; онѣ стали завѣщаніемъ и нашего безвременно погибшаго поэта.

Будущее, когда осуществятся эти идеалы, можетъ быть, и весьма далеко, можетъ быть *могучему образу* поэта никогда не воплотиться въ человѣческой личности во всей силѣ. Идеалъ долженъ на время съузиться, раздробиться, постепенно осуществляться, но путь къ нему останется неизмѣннымъ. Онъ указанъ Лермонтовымъ, создавшимъ *поэзію гнѣва и печали*. Юный и страстный онъ свой гнѣвъ и печаль выражалъ въ слишкомъ возвышенныхъ порывахъ, въ его вѣчно напряженной, *кипящей* мысли слагались идеалы, превосходящіе силы обыкновенныхъ людей, но въ нихъ жила и вѣчно будетъ жить истина личнаго и общественнаго совершенствованія. Лермонтовъ, подобно просвѣтителямъ XVIII вѣка, далъ *общій очеркъ* идеальнаго будущаго; увлеченный полнымъ отрицаніемъ дѣйствительности, онъ мечталъ о такомъ же золотомъ вѣкѣ свободы и нравственныхъ совершенствъ, какой грезился Руссо и его современникамъ. Самые искренніе и самоотверженные дѣятели „эпохи просвѣщенія“ не въ силахъ были осуществить этой мечты, но она обновила *ветхій міръ*, она стала животворящей силой въ дальнѣйшемъ развитіи европейскаго общества. Все, что сдѣлано на Западѣ на пути освобожденія личности, побѣды здраваго смысла надъ предразсудками и рабскими формами жизни,—беретъ начало въ идеалахъ „просвѣтителей“. И у насъ, въ нашей новѣйшей литературѣ, ея печаль о жалкихъ явленіяхъ русской жизни—отголосокъ тоски поэта, печально глядѣв-

шаго на свое поколѣніе; въ ея негодованіи на рабство мысли и нравственное ничтожество современниковъ звучитъ лермонтовскій „стихъ, облитый горечью и злостью“; ея смѣхъ надъ глупостью и пошлымъ себялюбіемъ слышался въ уничтожающихъ насмѣшкахъ Печорина надъ Грушницкимъ. Въ каждомъ словѣ нашихъ поэтовъ гнѣва и сатиры чуется юный идеалистъ, такъ рано погибшій и такъ много завѣщавшій потомству.

Лермонтовъ самъ называлъ свои мечты *неясными, смутными*. Его идеалъ былъ всеобъемлющъ, возникалъ въ порывѣ *клокочущаго вдохновенія*, а не создавался постепенно, годами опыта, практическихъ соображеній. Этотъ идеалъ—внѣ времени и страны: онъ вѣченъ и вездѣсущъ, какъ его первоисточникъ — природа. Лермонтовъ имѣлъ полное основаніе сказать о своемъ вдохновеніи, что для него *отчизны нѣтъ*. Идеалисты XVIII вѣка такъ же гордились космополитическимъ содержаніемъ своей мысли. Для нихъ весь міръ, всѣ люди являлись предметомъ просвѣщенія, и участь негра и француза одинаково была дорога имъ, проповѣдникамъ гуманности и общечеловѣческаго блага. *L'homme naturel*—свободный и счастливый, стоитъ выше гражданина извѣстной страны, сына извѣстной націи: такъ же и *могучій образъ*, вдохновлявшій Лермонтова. Мы не должны искать въ его творчествѣ идей, цѣнныхъ прежде всего для русской дѣйствительности, подробностей *національныхъ* и *мѣстныхъ*: поэтъ далъ господствующій тонъ, вложилъ первоначальную живую силу въ поэзію извѣстнаго направленія: частности, вопросы времени предоставлено опредѣлять каждому изъ его идейныхъ потомковъ. И самъ Лермонтовъ останется вождемъ до конца. Въ нѣдрахъ его изумительнаго духа жили рядомъ общечеловѣческій *могучій образъ*, идеальный внѣ времени и мѣста,—и интересы родной страны, печали согражданъ. Его творчество остановилось на созданіи типа, не только близкаго землѣ, но одареннаго всѣми свойствами, по которымъ современники могли признать въ немъ героя *своего* времени. И поэтъ готовъ былъ съ теченіемъ времени стать такимъ же отзывчивымъ, такимъ же совершеннымъ гражданиномъ, какимъ былъ—идеалистомъ.

Лермонтовъ умеръ въ тѣ годы, когда людей не *судятъ*, не пытаются ихъ *цѣнить* въ какомъ бы то ни было смыслѣ: они всецѣло въ будущемъ. А надъ поэтомъ успѣли произнести и судъ и осужденіе, онъ успѣлъ вызвать и непримиримую вражду и страстное увлеченіе; люди, часто противъ воли свидѣтельствовали о величіи этого дивнаго юноши. И онъ изумляетъ насъ не только силой своего творчества, еще болѣе онъ великъ—правдивостью мысли, смиреніемъ истиннаго генія. Этотъ человѣкъ, столько разъ обвиненный въ „драпировкѣ“, разныхъ напускныхъ чувствахъ и фальшивыхъ рѣчахъ, поражаетъ искренностью сужденій о самомъ себѣ. У него единственный отвѣтъ на людскую злобу:

Лучше я, чѣмъ для людей кажусь...

По временамъ у него вырывается невольный крикъ совершенно законнаго сознанія своего превосходства надъ другими,—но въ спокойныя минуты онъ говоритъ про себя:

Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ — самъ не былъ лучше ихъ.

Сравнивая себя съ Байрономъ и страстно желая „достичь его“, онъ съ болью въ сердцѣ пророчитъ себѣ:

Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ.

И мы видѣли, сколько личной горечи поэта звучитъ въ словахъ Печорина... Въ частныхъ случаяхъ своей жизни Лермонтовъ никогда не выставлялъ личныхъ заслугъ. Мы знаемъ, какъ онъ даже передъ друзьями молчалъ — о своихъ боевыхъ доблестяхъ, о своемъ талантѣ говорилъ или шутя или съ необыкновенной скромностью, возмущавшей другихъ. Если онъ часто являлся „свѣту“ инымъ, —мы знаемъ, на чьей сторонѣ была вина. Каждая черта біографіи, каждый моментъ духовнаго развитія Лермонтова подтверждаютъ характеристику его отношеній къ людямъ, высказанную имъ самимъ: „Мои глаза были такъ же ясны, какъ и твои, которые улыбаются мнѣ такъ блаженно; мое сердце было также горячо, но его охолодили. Ничего изъ этихъ благъ у меня не осталось, я долженъ былъ все это утратить: небо учило меня любить, но люди научили меня ненавидѣть“.

Какая могучая многосторонняя личность и сколько идей возникло и созрѣло менѣе

чѣмъ въ двадцать семь лѣтъ! Сколько же мысли и всякихъ духовныхъ богатствъ унесено поэтомъ въ могилу!... *Смерть моя ужасна будетъ*, предсказывалъ поэтъ и это предсказаніе сбылось на великое горе нашей страны,—пусть же сбудется и другое къ ея чести: *придутъ люди—они поймутъ меня и благословятъ мои мечты...*

Ив. Ивановъ.

Могила М. Ю. Лермонтова.
Въ с. Торханахъ, Пензенской губ. (Чембарскаго уѣзда).

ному чувству. И такихъ разочарованныхъ „Москвичей въ гарольдовыхъ плащахъ"— знало и наше отечество. Они прошли предъ русскимъ обществомъ, какъ тяжелый сонъ для современниковъ, жалкое воспоминаніе для потомства. У могилы „разочарованнаго" всегда будутъ повторять приговоръ, давно произнесенный надъ нимъ Гюго:

Эта смерть для общества чужда:
Онъ свѣту не принесъ ни пользы, ни вреда—
И мы безъ горести, безъ страха и волненья
Глядимъ на падшаго, достойнаго паденья...

Не таковы герои Лермонтова. На первый взглядъ они кажутся „разочарованными", слѣдовательно такими же жалкими *лишними людьми*, какъ и другіе. Но за этимъ разочарованіемъ таится исконный *могучій образъ* лермонтовской поэзіи—сильный нравственно, открытый, въ глубинѣ души неизмѣнно идеальный. Наиболѣе человѣчный, будничный герой Лермонтова— Печоринъ. Поэтъ съ особенной тщательностью нарисовалъ въ немъ „разочарованнаго", часто жалкаго смертнаго,—но не даромъ всегда хотѣли въ этомъ героѣ отыскать самого поэта: Печоринъ, дѣйствительно, не менѣе другихъ героевъ Лермонтова, *его демонъ*. При чтеніи романа намъ живо припоминается изъ жизни поэта и минуты его суетнаго увлеченія свѣтомъ и минуты мужественнаго вдохновеннаго служенія генію. *Лермонтовъ* и *Маешка* попеременно проходятъ предъ нами, но тамъ, изъ самой глубины поэтическаго творчества звучитъ неумирающій голосъ: *мой умъ къ чему-то тайному стремится...*

Вспомните, сколько антипатичнаго въ Печоринѣ! И все это антипатичное разсказано самимъ героемъ съ такою откровенностью, какая повторилась въ литературѣ развѣ только въ *Исповѣди* Руссо. Мы оставимъ въ сторонѣ романическіе подвиги Печорина, его мелочную борьбу съ такими ничтожествами, какъ Грушницкій, вспомнимъ только тѣ выраженія, въ которыхъ герой самъ рекомендуетъ себя читателю. Печоринъ чаще всего сознается въ эгоизмѣ: „Моя любовь, — говоритъ онъ,—никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ тому, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія". И послѣ всего этого онъ находитъ возможнымъ смѣяться „надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами", и испытывать дешевое наслажденіе, любуясь, какъ этотъ смѣхъ пугаетъ наивныхъ дѣвицъ. Печоринъ не только смѣется надъ чувствами: онъ часто проявляетъ страшную жестокость сердца, походитъ, по собственному сознанію, на Вампира. Теорія счастья соотвѣтствуетъ у Печорина этимъ же качествамъ: оно, по мнѣнію героя,—насыщенная гордость и удовлетворенное честолюбіе. Эгоизмъ, жестокость, мелочность живутъ въ душѣ этого разочарованнаго и низводятъ его часто до уровня жалкаго смертнаго.

Но посмотрите, сколько у этого смертнаго вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительныхъ героическихъ качествъ. Онъ вѣдь самъ разсказалъ намъ о своихъ порокахъ, потому-что привыкъ во всемъ себѣ признаваться. Мы не можемъ не вѣрить ему, когда онъ говоритъ объ истинныхъ доблестяхъ своей натуры, о неумирающихъ искрахъ свѣта въ лермонтовскомъ разочарованіи.

Поэтъ сохранилъ отзывчивость сердца и послѣ того, какъ бѣжалъ отъ людей: Печоринъ, смѣясь надъ чувствами, остается чувствительнымъ, даже мечтателемъ. Его сердце бьется при всякомъ воспоминаніи о прежнемъ счастіи; онъ едва не падаетъ на колѣни, видя страданія княжны Мэри, разлука съ Вѣрой приводитъ его въ настоящее отчаяніе, бываютъ минуты, когда одно пожатіе ея руки для него великое счастье. Печоринъ ничего не забываетъ, все прошлое болѣзненно отзывается въ его душѣ и „извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки". Онъ способенъ даже плакать, а природа повергаетъ его въ самозабвеніе восторга. Какая разница между этимъ вѣчнымъ страдальцемъ, исполненнымъ отголосковъ тоски и жажды счастья, и „москвичами въ гарольдовыхъ плащахъ!" Тѣ все забывали и пошлой насмѣшкой бросали и въ свое прошлое, и въ людей, и въ красоту природы... А это неудержимое стремленіе Печорина къ борьбѣ, способность выдержать ее одному, свои личныя страданія умирить силой своего сознанія! А эти муки совѣсти, по временамъ терзающія Печорина презрѣніемъ къ самому себѣ за то, что онъ сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ!...

Печоринъ называетъ себя нравственнымъ калѣкой. Ему недоступна жизнь

чѣмъ въ двадцать семь лѣтъ! Сколько же мысли и всякихъ духовныхъ богатствъ унесено поэтомъ въ могилу!... *Смерть моя ужасна будетъ*, предсказывалъ поэтъ и это предсказаніе сбылось на великое горе нашей страны,—пусть же сбудется и другое къ ея чести: *придутъ люди—они поймутъ меня и благословятъ мои мечты*...

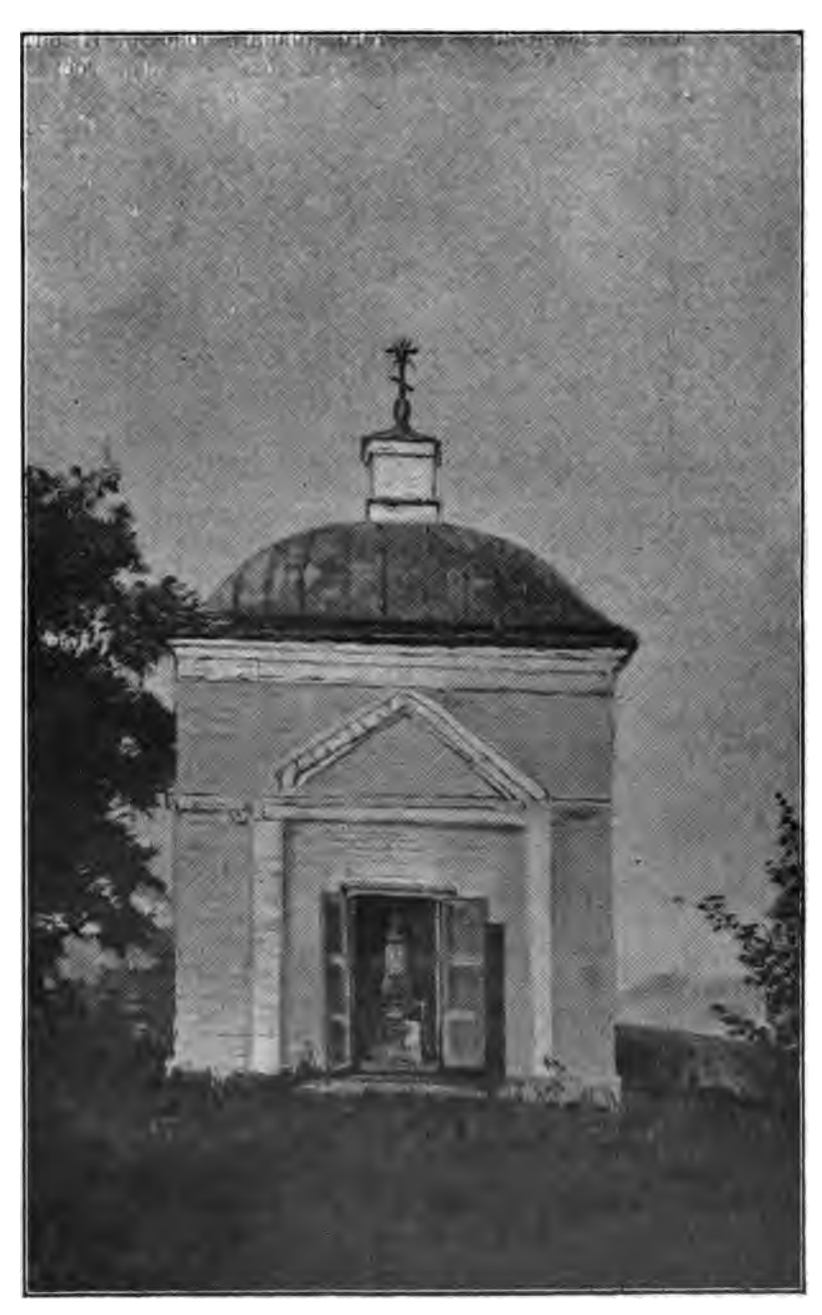
Ив. Ивановъ.

Могила М. Ю. Лермонтова.
Въ с. Торханахъ, Пензенской губ. (Чембарскаго уѣзда).

чѣмъ въ двадцать семь лѣтъ! Сколько же мысли и всякихъ духовныхъ богатствъ унесено поэтомъ въ могилу!... *Смерть моя ужасна будетъ*, предсказывалъ поэтъ и это предсказаніе сбылось на великое горе нашей страны,—пусть же сбудется и другое къ ея чести: *придутъ люди—они поймутъ меня и благословятъ мои мечты...*

Ив. Ивановъ.

Могила М. Ю. Лермонтова.
Въ с. Тарханахъ, Пензенской губ. (Чембарскаго уѣзда).

ПАРУСЪ.

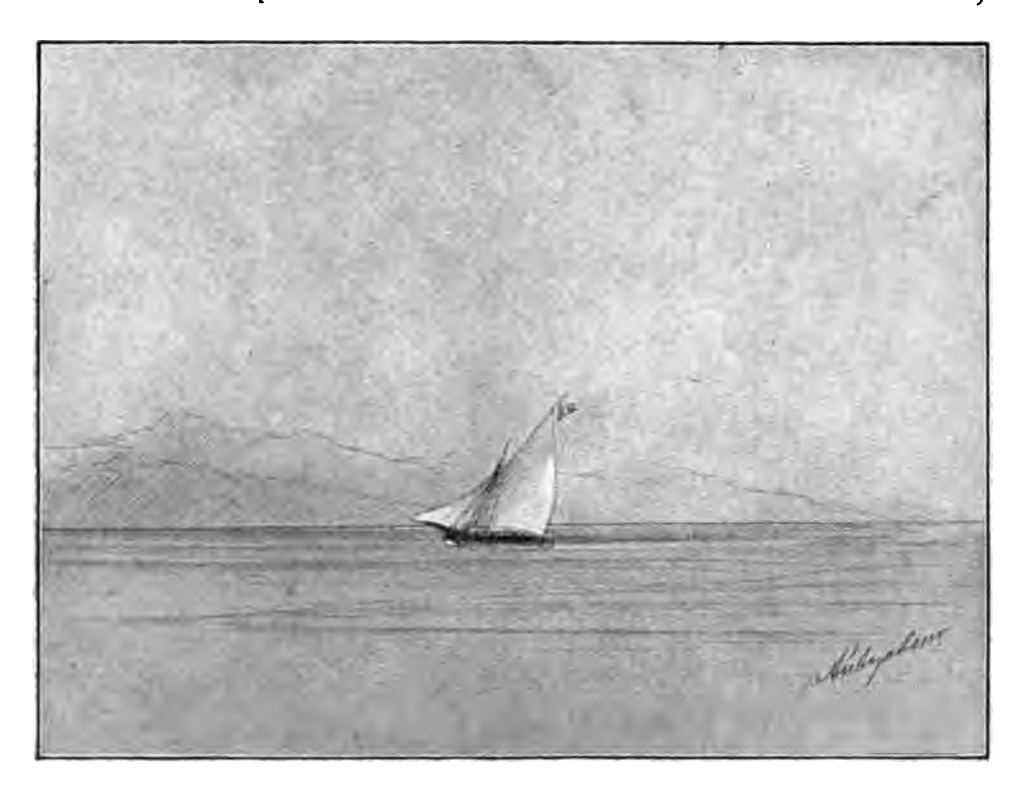

ѢЛѢЕТЪ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Струя подъ нимъ свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

1832.

ДВА ВЕЛИКАНА.

Въ шапкѣ золота литова
Старый русской великанъ
Поджидалъ къ себѣ другова
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

Ангелъ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ — и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

-лено цензурою. Москва, 1891 г.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Мос-

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(*изъ Байрона*).

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ—
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

1836.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

(*изъ Байрона*).

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

1836.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

1832.

РУСАЛКА.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной:
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

И пѣла русалка: «На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

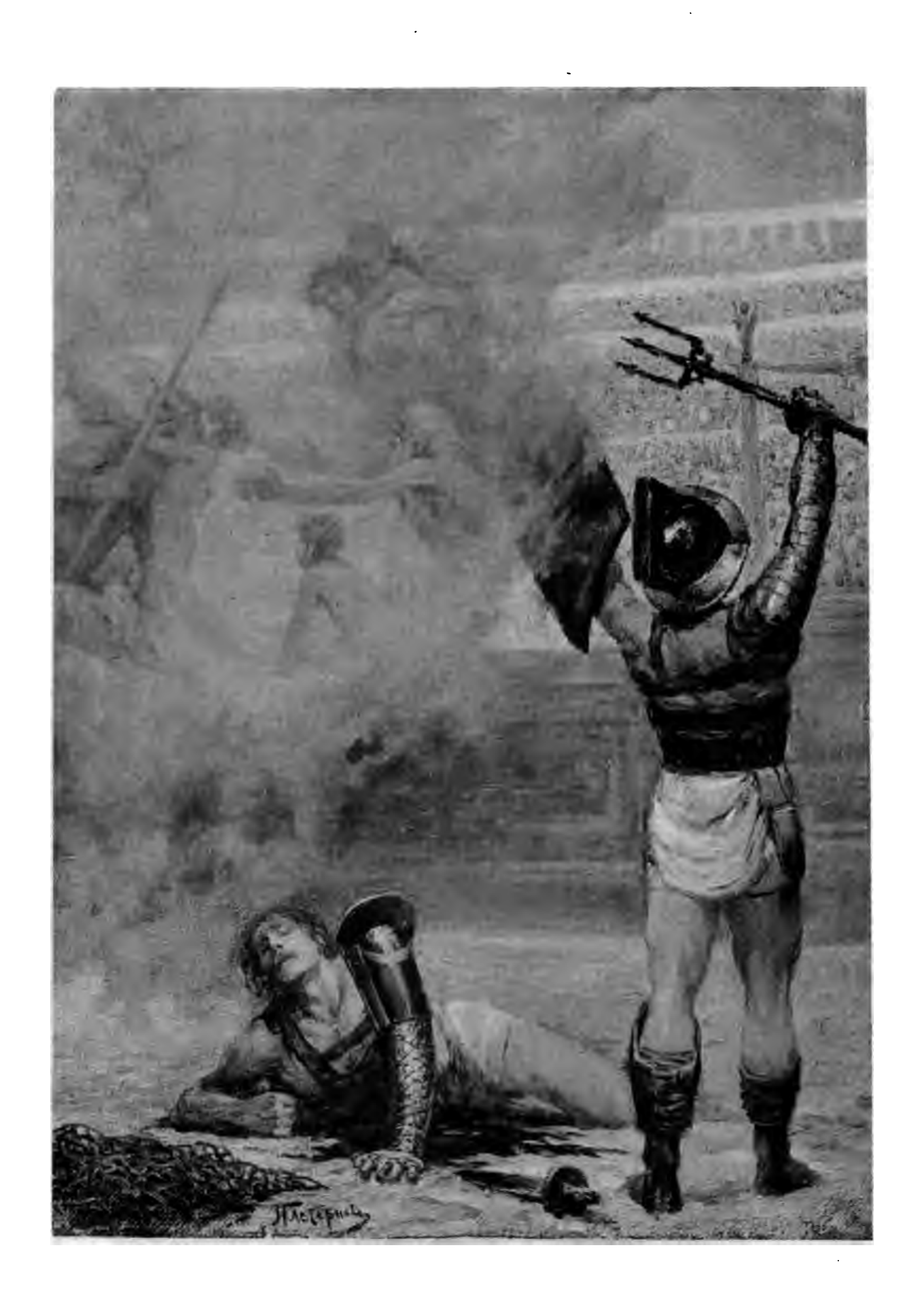
«И тамъ на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

«Разчесывать кольца шелкóвыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цаловали красавца не разъ.

«Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ—и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышетъ, не шепчетъ во снѣ!...»

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

1836.

лено цензурою. Москва, 1891 г.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко

ЖЕЛАНІЕ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море,
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

1836.

*
* *

Она поетъ—и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ—и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли—всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово—всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

*
* *

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой;
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ,
Я радъ отдать красавца сѣчи—
Грузинскій мой булатъ...

И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ
И въ сердцѣ кровь кипитъ;

Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!

1836.

МОЛИТВА.

Я Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

1836.

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

1837.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде — и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что жъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалёка,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,

Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,

Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Прiютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой

Съ досадой тайнок

*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837.

озволено цензурою. Москва, 1891 г.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ М

БОРОДИНО.

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хва-
томъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
—И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ!.. Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

ПѢСНЯ

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА И УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,

А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трáпезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный мóлодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь—
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя сизокрылаго—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное—
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормлёнъ Малютиной!...»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Иль конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;

Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

— Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Черньмъ соболемъ отороченную—
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешоптываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ пòхоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
«Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонто-
вый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся.»

—Охъ ты гой еси, царь Иванъ Василь-
евичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—

Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле-теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя—
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»
—Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать—
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу –
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

«Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ, на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

«Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
—Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,

Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...

«Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
И цѣлуя, все приговаривалъ:
—Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной
парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣш-
ною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!

«И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
А мой старшій братъ, ты самъ вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти;
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ
силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!»

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!

Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...

«Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня целовать-ласкать,
И цалуя, все приговаривалъ:
—Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!

«И ласкалъ онъ меня, целовалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

«Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

«Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
А мой старшій братъ, ты самъ вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти;
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
«Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!»

*

Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!

Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»

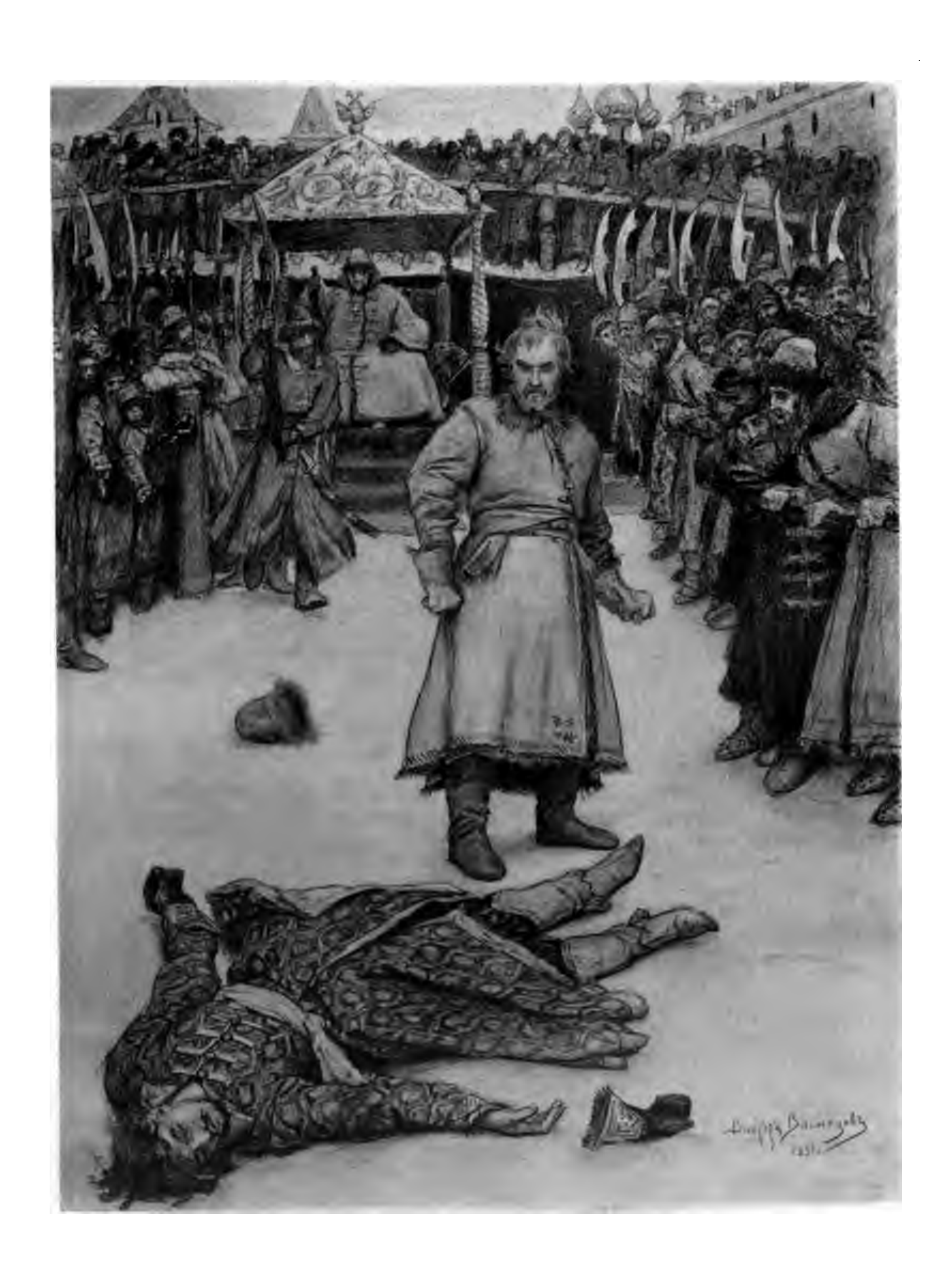
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
«Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.»

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
«А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.»

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
«А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,

Дозволено цензурою. Москва, 1891 г. ...пія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°

И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ нас будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!»

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!»
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со своею силою
И ударилъ своего ненавистника,
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

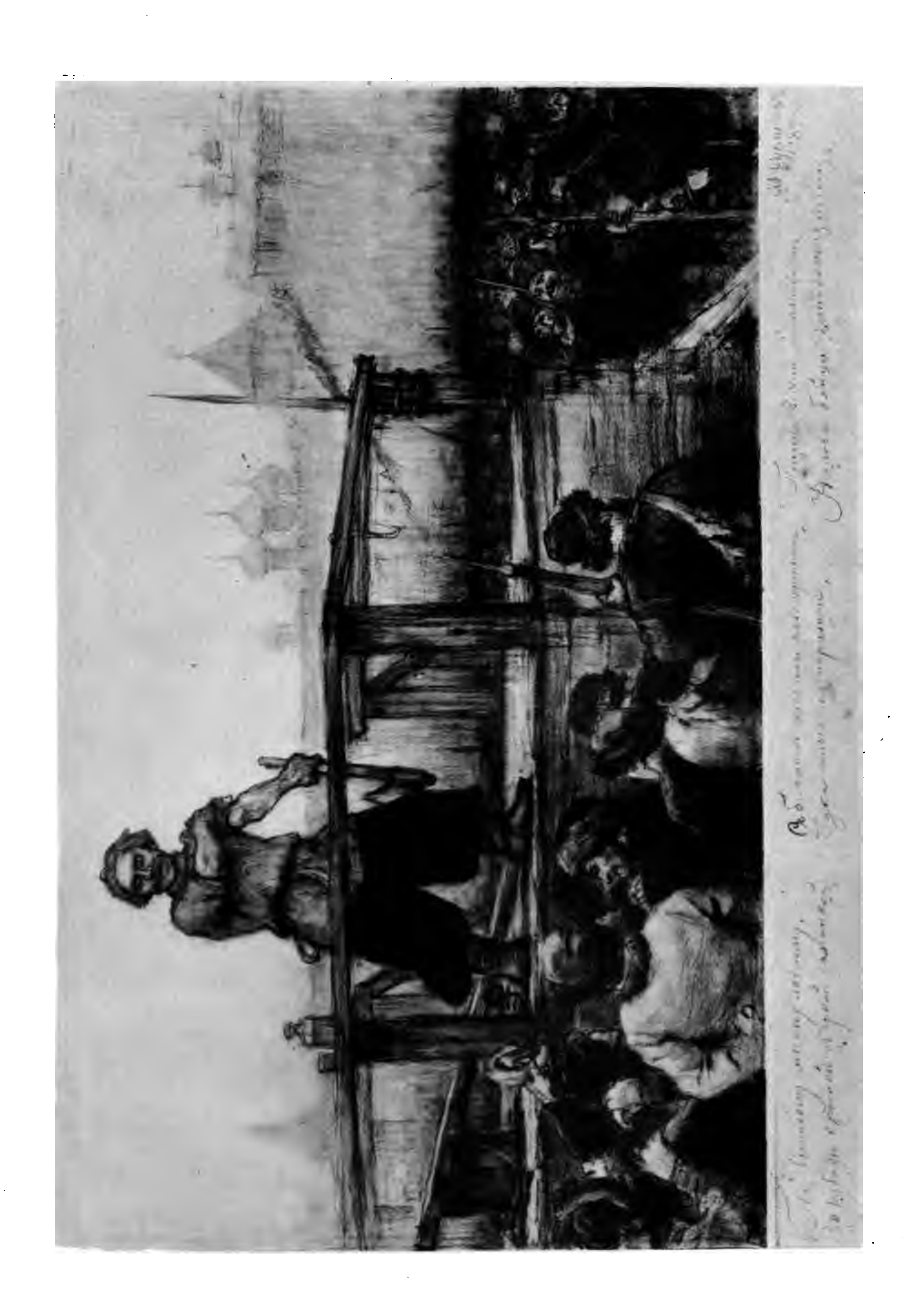
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»

— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ;
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

«Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...»

Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навострёнымъ,
Руки голыя потираючи,

Дозволено цензурою. Москва, 1891 г.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ

Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
«Ужъ вы братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанна
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

1837.

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной,
Безотвѣтный часовой.

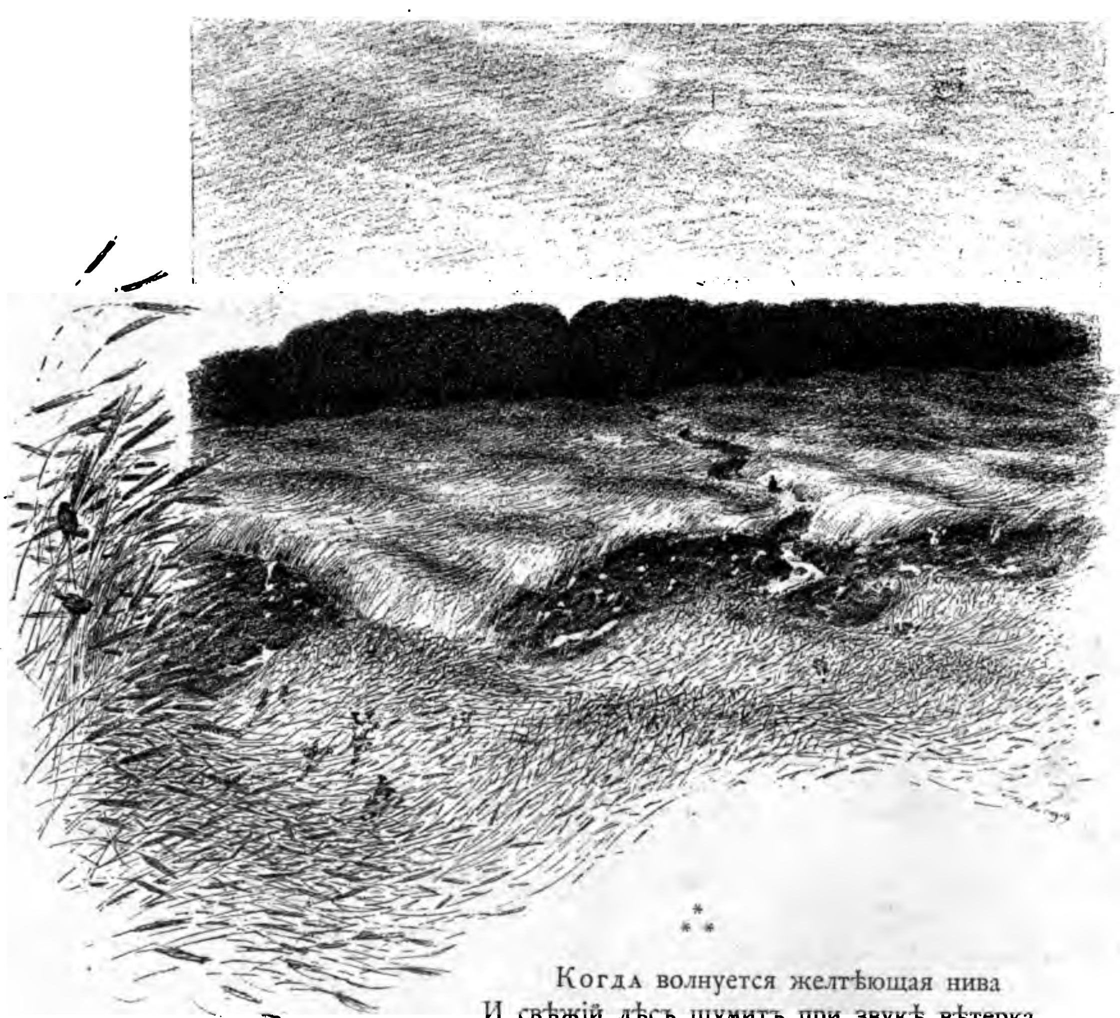
1837.

* * *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

1837.

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
«Ужъ вы братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанна
Во крови на плаху покатилася.

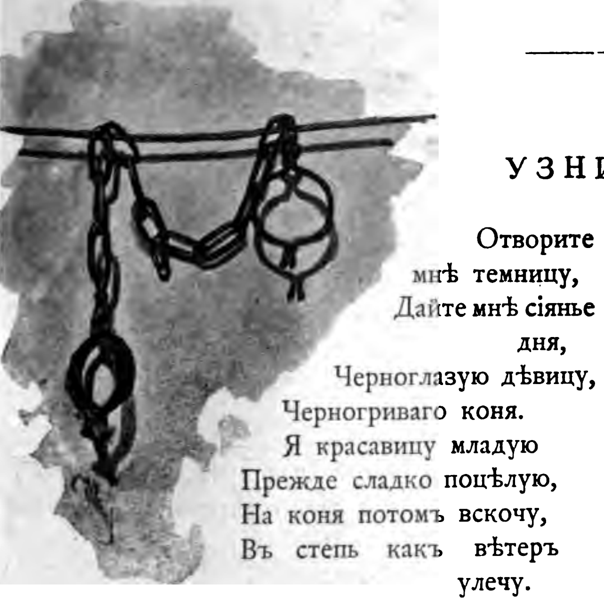
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ — перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте.

Тароватому бояриву слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

1837.

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной,
Безотвѣтный часовой.

1837.

*
* *

азстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

1837.

*
* *

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

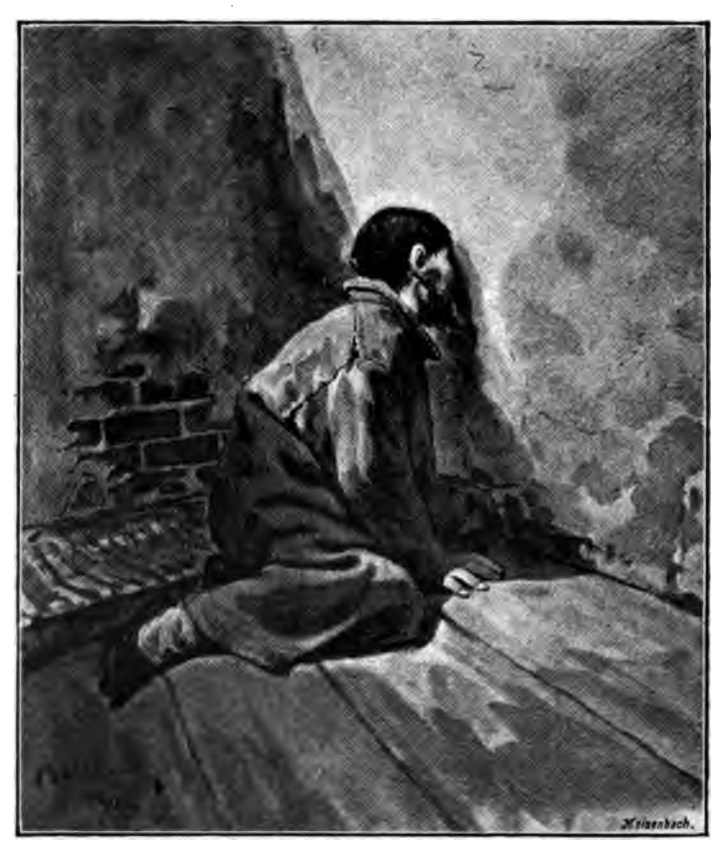
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

1837.

СОСѢДЪ.

то бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ—

Тогда чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они—не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

1837.

ДУМА.

ечально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
...ю.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

1838.

РЕБЕНКУ.

О грёзахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошеныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

1838.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказаніе.)

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.

Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...»

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонкòвъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ,
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;

Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ,

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчутся листья съ гремучемъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

1839.

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я на изусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

1839.

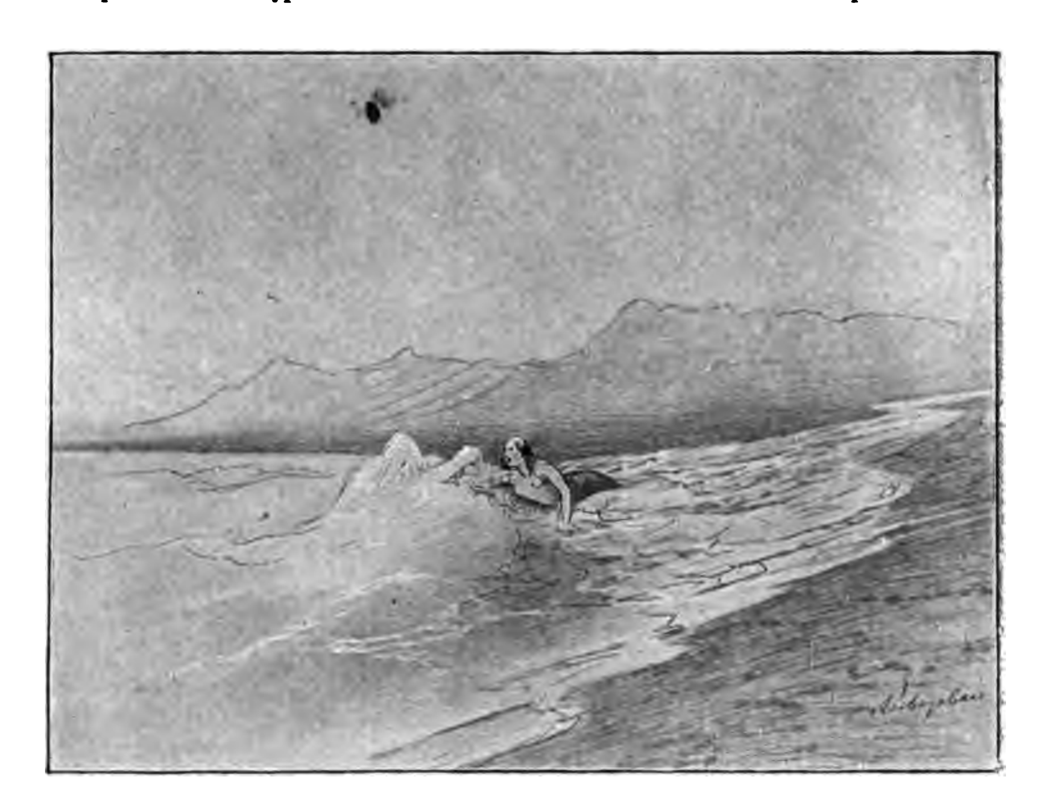
ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ, имъ на славу,
Стадо цѣлое пригналъ...»

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

«Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:

Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

«Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,

Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой.»

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

«Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Чтò другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина Гребенской.

«Осѣдлалъ онъ воронаго,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злаго,
Сложитъ голову свою.»

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Que nous font après tous les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier.

е вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Отрыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,

И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
  На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
  На-что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
  Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
  Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
  Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
  Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
  Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
  Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
  Махающій мечемъ картоннымъ.

1839.

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока; и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
  Въ могилу онъ унесъ летучій рой
  Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
  Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

  Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
  Поэзіи и счастья... Но, безумный—
  Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
  И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
  И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
  Но до конца, среди волненій трудныхъ,
  Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
  Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
  Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
  И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
  И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Но онъ погибъ далёко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый.

И было ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Чтò за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты...
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Черное шумитъ не умолкая.

1839.

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.

Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишонъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

*

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

1839.

КАЗОТЪ.

а буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,

Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: «Ликуйте, о друзья!
Чтó вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но что жъ?... изъ васъ одинъ ее увижу я...
. . . .

1839.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окружонъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,

Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и жолтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

1840.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

пи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;

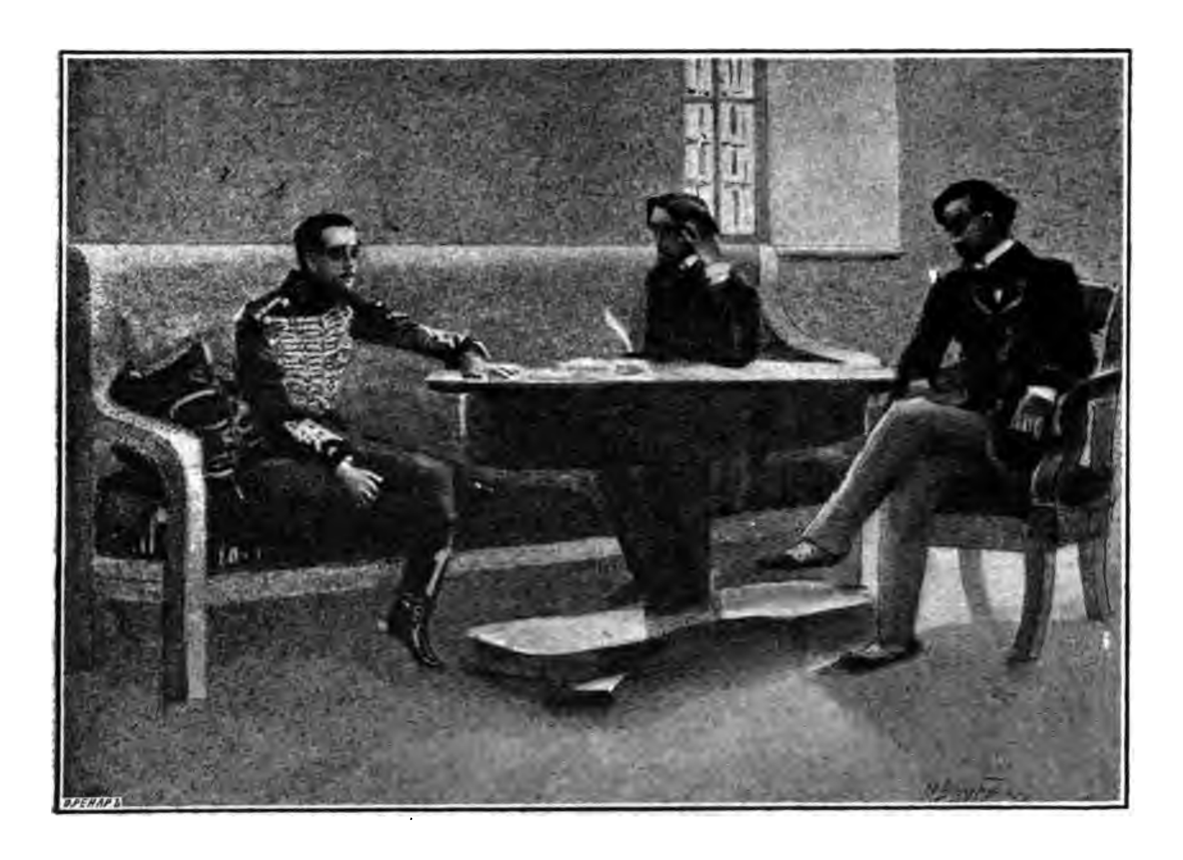
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;

Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840.

ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

Les poëtes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?...
За то какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньи
Раздастся сладостная пѣснь!
Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? Нельзя ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ.

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты:
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;

Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу—нужна отвага
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ):
Во-первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ!
Стихи—такая пустота;
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?
И въ риѳмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу?—переводъ.
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то же говорю;
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту—
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться—
Да какъ же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги—
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ.

Зато какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ нибудь
Живое, свѣтлое творенье!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ;
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной

Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

21 марта 1840.
Подъ арестомъ на арсенальной гаубтвахтѣ.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить не возможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти!—вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

1840.

ВОДЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

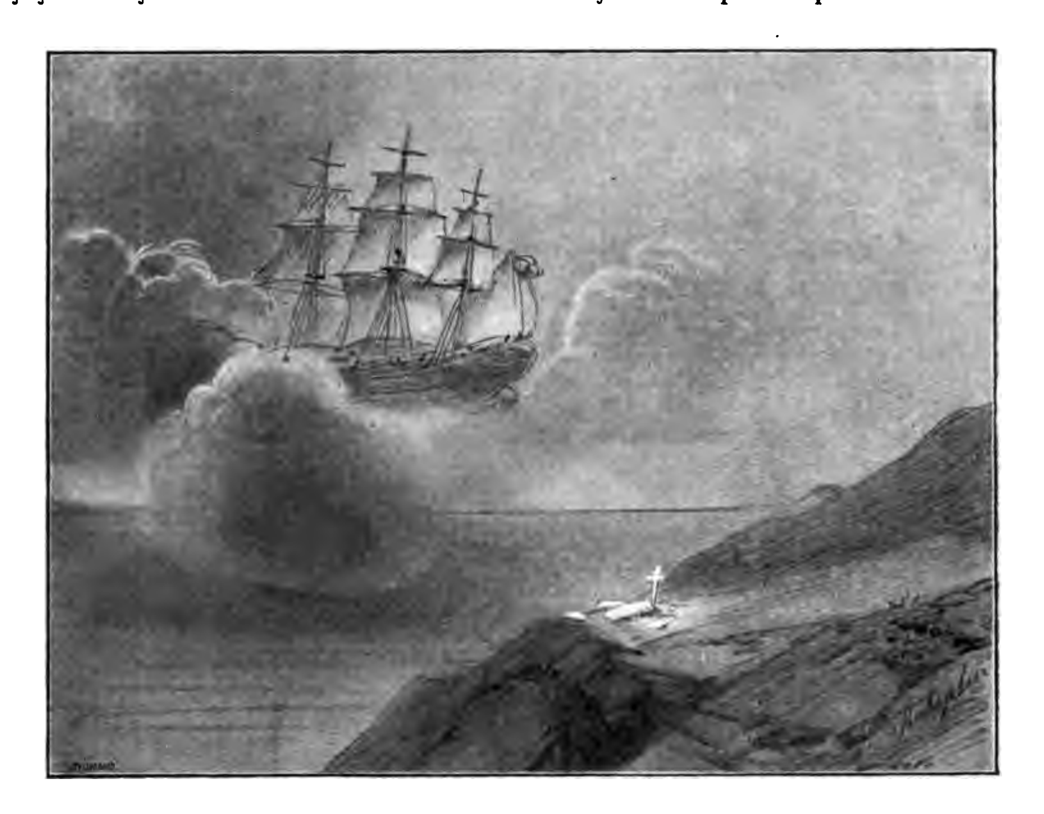
(изъ Зейдлица).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,

Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры—
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

1840.

ИЗЪ ГЕТЕ.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840.

Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и жолтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

1840.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840.

Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и жолтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою—
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

1840.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;

Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;

Спи, младенецъ, мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840.

Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

21 марта 1840.
Подъ арестомъ на арсенальной гаубтвахтѣ.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить не возможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти!—вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

1840.

Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу—нужна отвага
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
(Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ):
Во-первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ!
Стихи—такая пустота;
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?
И въ риѳмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу?—переводъ.
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то же говорю;
Какъ вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И желчи ѣдкой даже нѣту—
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться—
Да какъ же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги—
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ.

Зато какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ нибудь
Живое, свѣтлое творенье!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ;
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной

Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно-радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

21 марта 1840.
Подъ арестомъ на арсенальной гаубтвахтѣ.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить не возможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти!—вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

1840.

ВОДЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

(*изъ Зейдлица*).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

1840.

ОТЧЕГО.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

1840.

(КН. МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ЩЕРБАТОВОЙ).

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга роднаго
На ней сохранилась примѣта
Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ—
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ;
Полюбитъ не скоро,
Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

1840.

АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Что жь дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

1840.

КЪ ПОРТРЕТУ
ГР. А. К. ВОРОНЦОВОЙ-ДАШКОВОЙ.

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ—и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

1840.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

ускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ—
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

Чтὸ мнѣ сіянье божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другова,
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя мира и забвенья
Не надо мнѣ!

1840.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ ДЕМОНЪ.

ебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ го́ловы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.
Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

1840.

А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не на слушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трáпезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный мóлодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь—
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя сизокрылаго—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное—
И очнулся тогда добрый молодецъ.

«Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормлёнъ Малютиной!...»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!
Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
«Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Иль конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?»

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ ве

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,

Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры—
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

1840.

ИЗЪ ГЁТЕ.

орныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Апрѣль 1840.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

1840.

ОТЧЕГО.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

1840.

(КН. МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ЩЕРБАТОВОЙ).

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга роднаго
На ней сохранилась примѣта
Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ—
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ;
Полюбитъ не скоро,
Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

1840.

АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Что жъ дѣлать?...
Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ
мнѣ не дано...
Все это было бы
смѣшно,
Когда бы не было
такъ грустно...

1840.

КЪ ПОРТРЕТУ
ГР. А. К. ВОРОНЦОВОЙ-ДАШКОВОЙ.

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ—и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

1840.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

ПУСКАЙ холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда, вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ—
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узнавалъ.

Что̀ мнѣ сіянье божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.
Случится ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другова,
Нѣтъ, не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя мира и забвенья
Не надо мнѣ!

1840.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ПОЭМѢ ДЕМОНЪ.

ТЕБѢ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ го̀ловы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.
Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

1840.

...юкографія, Москва

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ Москв...

СОСНА.

(*Изъ Гейне.*)

а сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

1840.

МАРЬѢ ПАВЛОВНѢ СОЛОМИРСКОЙ.

адъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньи
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучемъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъимянный,
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

1840.

КЪ ГР. Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

рафиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,

И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

1840.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ «КУРДЮКОВОЙ».

[ИВ. ПЕТР. МЯТЛЕВУ.]

а нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю;
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de-Курдюковъ.

1840.

ИЗЪ АЛЬБОМА СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАРАМЗИНОЙ.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подвечеръ—тихій разговоръ...

1840

ГРАФИНѢ РОСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.

Но что жъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южной;
Но ихъ разрознитъ гдѣ нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный,
И ласки вѣчныя свои.

1840.

* * *

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый—
Какъ птичка въ клѣткѣ
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе—
Душа на встрѣчу имъ
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется...
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся...

1840.

* *
*

сть рѣчи—значенье
Темно или ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

1841.

ОПРАВДАНІЕ.

огда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей—

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя—

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

1841.

ЗАВѢЩАНІЕ.

аединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ... да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросилъ—
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,

Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй—
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

1841.

ОТЧИЗНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,

И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

1841.

ено цензурою. Москва, 1891 г.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ Францiя, среди рукоплесканiй
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданiй
Въ изгнаньи мрачномъ и—цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ мiръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ—
Негодованiю и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславiе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкiй и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, генiй,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣнiй
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскiя повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча—
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И мiръ трепещущiй въ безмолвiи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ—онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

*

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилiй,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!
Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщенiемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

*

Но годы протекли, и вѣтренное племя
Кричитъ: «Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!»
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткiй свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

*

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

1840.

КИНЖАЛЪ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

1841.

СОСѢДКА.

Не дождаться мнѣ видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко̀ надъ землей,
И у двери стоитъ часовой.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ насъ, сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно,
Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она долго, вздыхая;
Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

1841.

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ все вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшотка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

1841.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубужденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ —

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

1841.

* *
*

ы помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И, между тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

1841.

---

* *
*

зъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

1841.

---

* *
*

то случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простаго
Званья; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи»—
Такъ она говорила—«мы нашихъ боговъ неотступно

Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
Если бъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея — молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой,
Изъ дома стала она уходить до зари; возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,
Тихо усердно и долго молилась... кому?... неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...
. . . .

1841.

* *
*

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стоитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны—
И что жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

1841.

* *
*

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья—
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

1841.

КАЗБЕКУ.

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Принесъ я — странникъ — свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ!

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О, если такъ!... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

1841.

* * *

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...

Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Пускай! я имъ не дорожилъ!...
. . . .

1841.

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

(изъ „Крымскихъ сонетовъ Мицкевича“).

ПИЛИГРИМЪ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по небу свѣтилъ?

МИРЗА.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная метель,
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда—
То Чатырдагъ былъ...

ПИЛИГРИМЪ.

А!...

1841.

АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ ХОМУТОВОЙ.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ *),
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ,
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.
Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли—
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

*) Поэтъ-слѣпецъ Ив. Ив. Козловъ.

ВАЛЕРИКЪ.

къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!...
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что я, въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ, еще морочить свѣтъ...
Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?...
Безумно ждать любви заочной?
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
Но я васъ помню—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію—но васъ
Забыть мнѣ было не возможно!
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья,
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я ровно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу:
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалося и намъ.
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирнóй татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

1841.

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ все вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечъ мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшотка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

1841.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубужденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ —

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

1841.

* *
*

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И, между тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

1841.

---

* *
*

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

1841.

---

* *
*

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простаго
Званья; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи»—
Такъ она говорила—«мы нашихъ боговъ неотступно

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой—я его спросилъ
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно,
Дано старинными людьми!»
—А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? «Тысячъ до семи.»
—А много горцы потеряли?
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
—Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюся вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать! Иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безъискусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость—
Я буду счастливъ; а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

1840.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ—смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ

ВАЛЕРИКЪ.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!...
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что я, въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ, еще морочить свѣтъ...
Да и притомъ, что пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?...
Безумно ждать любви заочной?
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
Но я васъ помню—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію—но васъ
Забыть мнѣ было не возможно!
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья,
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я ровно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу:
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалося и намъ.
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирнóй татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой— я его спросилъ
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно,
Дано старинными людьми!»
—А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? «Тысячъ до семи.»
—А много горцы потеряли?
«Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?»
—Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюся вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны
Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать! Иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безъискусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость—
Я буду счастливъ; а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

1840.

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ—смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ

Златое время... Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ риѳмъ, какъ напримѣръ, на ю.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
За то конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона инова:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ,
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно c'est joli!...
Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
Но этотъ чортъ совсѣмъ инова сорта —
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы
Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры;
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
Не знаю. Если бъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью
Я могъ бы сволочь различить со знатью.
Но духъ—извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль безъ тѣла—часто въ видахъ разныхъ
[Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ онъ—
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна—вѣдь онъ не даромъ геній!

«Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ.
Пускай! зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлуя.

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣтливый и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.

«То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что доселѣ таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!...
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала.
Что, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный.

«Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была какъ въ лихорадкѣ,
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорогой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье—свѣтъ ее замѣтилъ.

«Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьи этомъ.
Моихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безыменныхъ чувствъ и мнѣній —
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!...

. . . .

1841.

СОНЪ.

В полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня—но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ.
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

1841.

зволено цензурою. Москва, 1891 г.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°

* *
*

ѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю—

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ — уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

1841.

СПОРЪ.

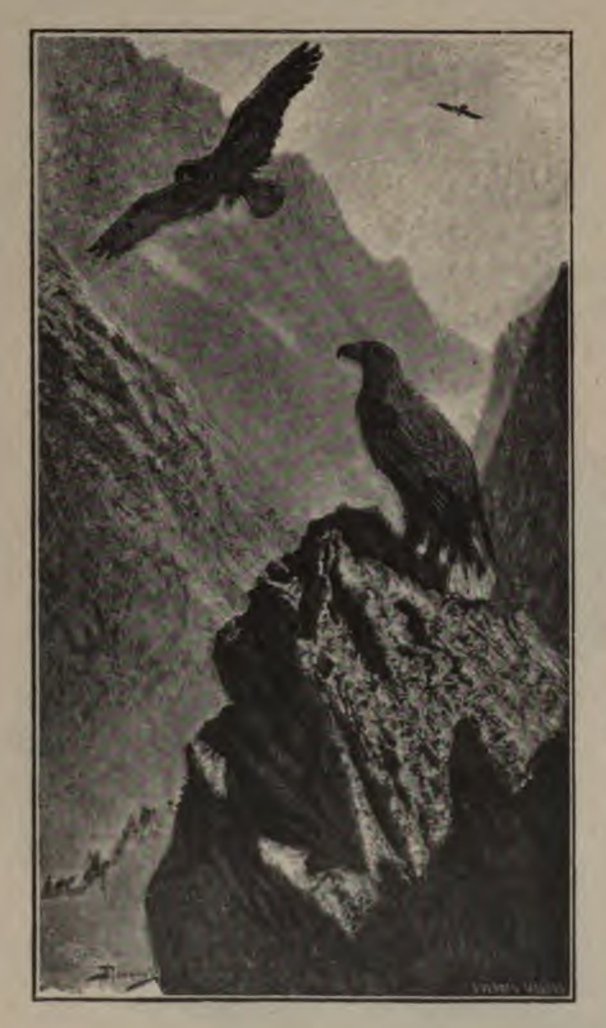
акъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ-горою*)
Былъ великій споръ.

«Берегись!» сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:

*) Эльбрусъ.

«Покорился человѣку
Ты недаромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата

Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!»

— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ

На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.

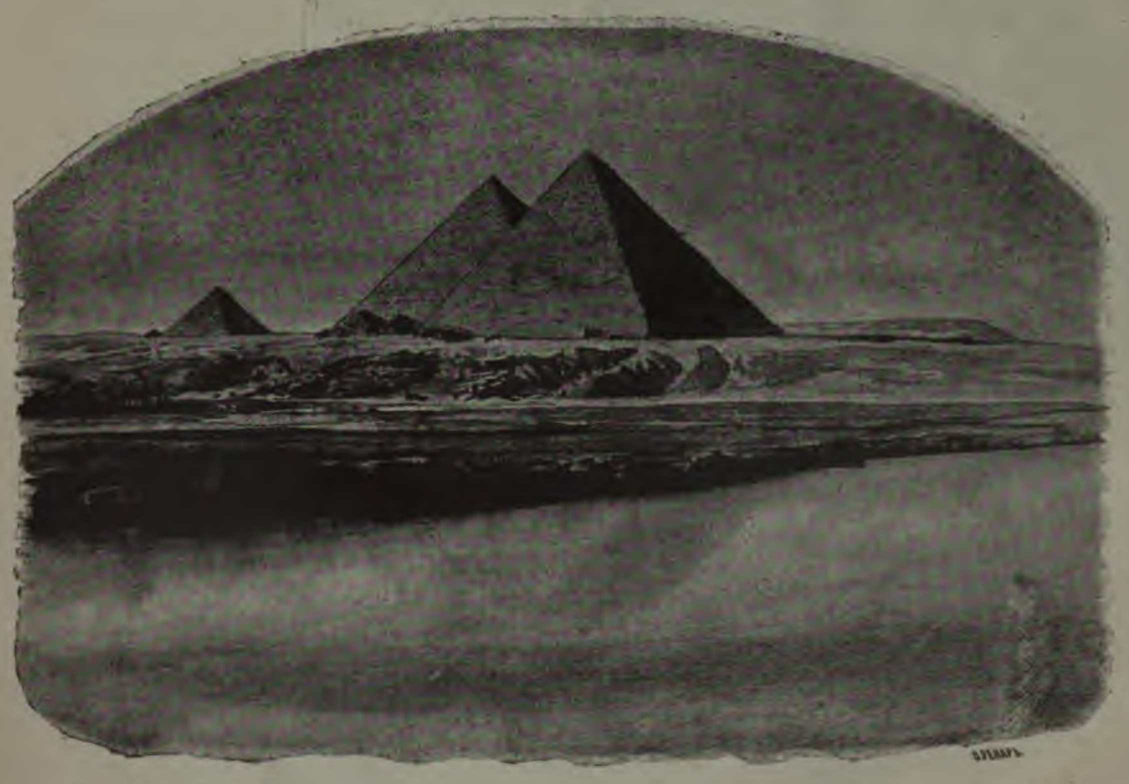

...волено цензурою.

Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, въ М...

Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ

Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.

Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—

«Не хвались еще заранѣ!»
Молвилъ старый Шатъ:
«Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!»
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ страшное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;

Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.

Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

1841.

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

1841.

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wolte's dem andren gestehn

Heine.

ни любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоской глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье—
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

1841.

озволено цензурою. Москва, 1891 г. Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушеревъ и К°, въ М

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И странные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ—

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ:
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: «прости!»

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

1841.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: «Царевичъ, взгляни на меня!»

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: «Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова:
Въ косу вплелася морская трава,

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой.

Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ.

«Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

«Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ!—померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

1841.

СВИДАНІЕ.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Тамъ, за твердыней старою
На сумрачной горѣ
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ—
Лежу одинъ и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданіе въ ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ?
И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя
Какъ сторожи стоятъ;
И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Опутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...

Дозволено цензурою. Москва, 1891 г. Фототипія Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерева и К°

Вотъ сыростью холодною
    Съ востока понесло;
Краснѣютъ за туманами
    Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
    Изъ города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная!
    Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
    Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный
    По звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
    Татаринъ молодой.
Недаромъ онъ красуется
    Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
    Персидскимъ жеребцомъ!

Возьму винтовку длинную,
    Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною
    Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
    Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
    Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
    Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится.
    А! это ты, злодѣй!

1841.

* * *

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ:
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

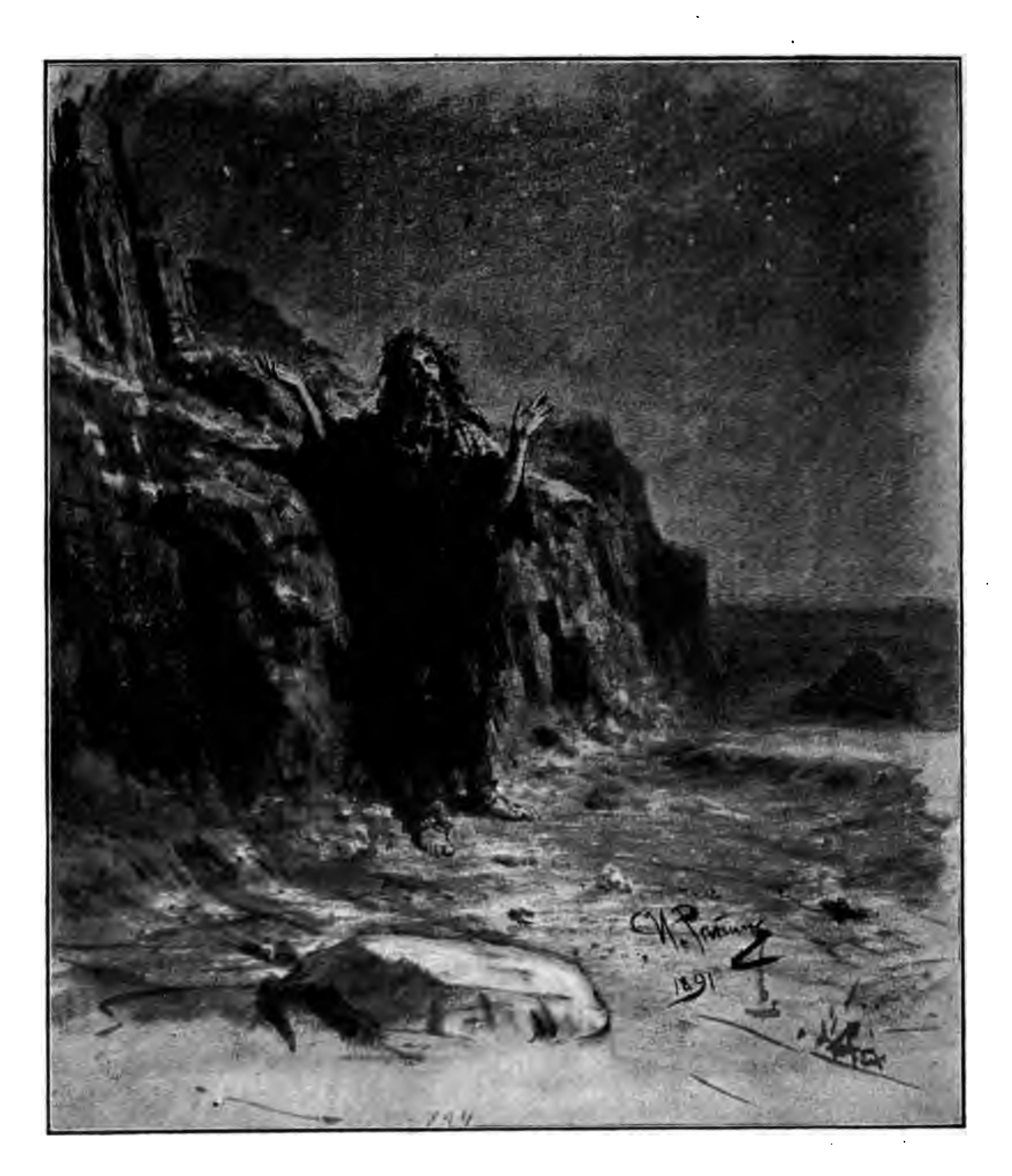
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Дозволено цензурою. Москва, 1891 г.

И. Н. Кушнеревъ и К.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!»

1841.

---

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго Моря.

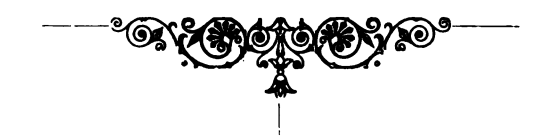
У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская,
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой.
И такъ говоритъ онъ: «Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

«Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.»

— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара;
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мой слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

1841.

МАСКАРАДЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРБЕНИНЪ, ЕВГЕНІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
НИНА, ЖЕНА ЕГО.
КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.
БАРОНЕСА ШТРАЛЬ.
КАЗАРИНЪ, АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ.
ШПРИХЪ, АДАМЪ ПЕТРОВИЧЪ.
МАСКА.
ЧИНОВНИКЪ.
ИГРОКИ, ГОСТИ.
СЛУГИ И СЛУЖАНКИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ.

[За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ].

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

БАНКОМЕТЪ.

Извольте.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Сто рублей.

БАНКОМЕТЪ.

Идетъ.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Ну, добрый путь.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Надо гнуть.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Пусти.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Послушай, милый другъ: кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ *[тихо первому].*

Смотри во всѣ глаза.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

Ва-банкъ!

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь—играйте не сердясь.

КНЯЗЬ.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

БАНКОМЕТЪ.

Убита.

КНЯЗЬ.

Чортъ возьми!

БАНКОМЕТЪ.

Позвольте получить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ *[насмѣшливо]*.

Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить.
Что стоятъ ваши эполеты?

КНЯЗЬ.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ *[сквозь зубы, уходя]*.

Скромнѣй бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

[Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается].

ШПРИХЪ *[подходитъ съ участіемъ]*.

Не нужно ль денегъ, князь?... Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

[Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ И ПРОЧІЕ. *[Арбенинъ входитъ; кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ].*

АРБЕНИНЪ.

Ну, что? ужъ ты не мечешь?... а — Казаринъ?

КАЗАРИНЪ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ

И позабылъ товарищей **ся**

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ все?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женой по бáламъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю
разомъ.

[Шприхъ подходитъ и кланяется].

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ—
Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью,
ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

[Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ].

Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много
рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза —стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не
похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да че-
ловѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ—
Вѣрнѣй всего что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть
дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣ-
лый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ —
безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой
картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный че-
ловѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скве-
ренъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненый въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ
краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за
дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ че-
резъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

А этотъ маленькій каковъ?

Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

КАЗАРИНЪ.

Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ.
И крестъ на шею получилъ.

АРБЕНИНЪ.

Да вы разборчивы на новыя знакомства!

ИГРОКИ *[кричатъ]*.

Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

КАЗАРИНЪ.

Иду! *[Съ притворнымъ участіемъ]*.
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Скорѣй!

КАЗАРИНЪ.

Какая тамъ бѣда?

[Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ].

АРБЕНИНЪ.

Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

КНЯЗЬ *[недовольно]*.

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежду, пожалуй
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ

Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

КНЯЗЬ *[съ чувствомъ беретъ его за руку]*.

Я проигрался!

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ все?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женой по бáламъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.

[Шприхъ подходитъ и кланяется].

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ—Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

[Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ].

Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза —стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ—
Вѣрнѣй всего что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ — безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненый въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

А этотъ маленькій каковъ?

Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

КАЗАРИНЪ.

Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пятъ лѣтъ за то былъ подъ началомъ.
И крестъ на шею получилъ.

АРБЕНИНЪ.

Да вы разборчивы на новыя знакомства!

ИГРОКИ [*кричатъ*].

Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

КАЗАРИНЪ.

Иду! [*Съ притворнымъ участіемъ*].
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Скорѣй!

КАЗАРИНЪ.

Какая тамъ бѣда?

[*Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ*].

АРБЕНИНЪ.

Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

КНЯЗЬ [*недовольно*].

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежду, пожалуй
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ

Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

КНЯЗЬ [*съ чувствомъ беретъ его за руку*].

Я проигрался!

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ все?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женой по бáламъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.

[Шприхъ подходитъ и кланяется].

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ— Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

[Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ].

Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза —стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, чтó видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ—
Вѣрнѣй всего что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ — безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненый въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

А этотъ маленькій каковъ?

ШПРИХЪ *[лукаво]*.

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

КАЗАРИНЪ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

ШПРИХЪ.

Видно,

Что мастеръ.

КАЗАРИНЪ.

Былъ.

ШПРИХЪ.

Былъ? А теперь...

КАЗАРИНЪ.

Теперь?...

Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ—а право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить!—Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ *[ударивъ по плечу]*,
Хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертёнокъ.

[Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ].

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Я говорилъ тебѣ.

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрилъ—нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...

КАЗАРИНЪ *[подходитъ]*.

Что, господа, иль не подъ силу—а?

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

КАЗАРИНЪ.

И! что вы, господа!

[Волненіе у стола между игроками].

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Да эдакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ *[въ сторону]*.

Обрѣжется...

ПЯТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Посмотримъ!

АРБЕНИНЪ *[встаетъ]*.

Баста!

[Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ].

КНЯЗЬ.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...

АРБЕНИНЪ.

И деньги ваши тоже.
[Горько]. А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

КНЯЗЬ.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

АРБЕНИНЪ.

Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

КНЯЗЬ.

Но проиграться вы могли?

АРБЕНИНЪ.

Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

КНЯЗЬ.

Вы избѣгаете признательность мою...

АРБЕНИНЪ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

АРБЕНИНЪ.

Вижу.—Что жъ? Топиться?

КНЯЗЬ.

О, я въ отчаяньи!

АРБЕНИНЪ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли;—годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы—
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»

[Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи].

КНЯЗЬ.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

АРБЕНИНЪ.

Что хотите.

КНЯЗЬ.

Быть можетъ, счастіе...

АРБЕНИНЪ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Совѣтовъ не даю.

КНЯЗЬ.

Ну, сяду...

АРБЕНИНЪ *[вдругъ беретъ его за руку].*

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды—я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе,
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже,
И если бъ... *[останавливается]* кто нибудь меня остановилъ...
То... *[смотритъ на него пристально].*
[Перемѣнивъ тонъ]. Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
[Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто].
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

КАЗАРИНЪ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое,
[Тихо] Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, чтó такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

ИГРОКИ.

Извольте, вамъ и книги въ руки; вы хозяинъ,
Мы гости.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ *[на ухо второму].*

Берегись—имѣй теперь глаза!..
Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

[Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Впродолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола].

[Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина].

ШПРИХЪ *[лукаво]*.

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

КАЗАРИНЪ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

ШПРИХЪ.

Видно,
Что мастеръ.

КАЗАРИНЪ.

Былъ.

ШПРИХЪ.

Былъ? А теперь...

КАЗАРИНЪ.

Теперь?...
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ—а право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить!—Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ *[ударивъ по плечу]*,
Хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертёнокъ.

[Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ].

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Я говорилъ тебѣ.

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрилъ—нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...

КАЗАРИНЪ *[подходитъ]*.

Что, господа, иль не подъ силу—а?

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

КАЗАРИНЪ.

И! что вы, господа!

[Волненіе у стола между игроками].

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Да эдакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ *[въ сторону]*.

Обрѣжется...

ПЯТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Посмотримъ!

АРБЕНИНЪ *[встаетъ]*.

Баста!

[Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ].

КНЯЗЬ.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...

АРБЕНИНЪ.

И деньги ваши тоже.
[Горько]. А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

КНЯЗЬ.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

АРБЕНИНЪ.

Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

КНЯЗЬ.

Но проиграться вы могли?

АРБЕНИНЪ.

Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

КНЯЗЬ.

Вы избѣгаете признательность мою...

АРБЕНИНЪ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

КНЯЗЬ.

Я вамъ не вѣрю.

АРБЕНИНЪ.

Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.

И если бы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
[Помолчавъ]. Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ не худо
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.

КНЯЗЬ.

Да.

АРБЕНИНЪ.

Пойдемте.

КНЯЗЬ.

Я радъ.

АРБЕНИНЪ *[въ сторону]*.

Въ толпѣ я отдохну.

КНЯЗЬ.

Тамъ женщины есть—чудо!...
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

АРБЕНИНЪ.

Пусть говорятъ — а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ—есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло. *[Уходятъ]*.

Выходъ третій.

тѣ-же, *кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.*

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!...

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Хотя бъ опомниться онъ далъ по крайней мѣрѣ.

СЛУГА *[входитъ]*.

Готово ужинать.

ХОЗЯИНЪ.

Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.
[Уходятъ].

ШПРИХЪ *[одинъ]*.

Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу...
И даромъ ужинать желаю.
[Приставивъ палецъ ко лбу]
Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю,
И въ маскарадъ за ними полечу.
[Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою].

———

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Маскарадъ.

Выходъ первый.

МАСКИ, АРБЕНИНЪ, ПОТОМЪ КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

[Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Налѣво канапе].

АРБЕНИНЪ *[входитъ].*

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье.
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой.

[Князь подходитъ, зѣвая].

Вотъ нынѣшнее поколѣнье;
И то ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? Не набрели еще на приключенье?

КНЯЗЬ.

Какъ быть! а цѣлый часъ хожу!

АРБЕНИНЪ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

КНЯЗЬ.

Все маски глупыя...

АРБЕНИНЪ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ—таинственна, говоритъ — такъ мило
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ—
Какъ выступитъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышетъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна:
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ прійдетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.

[Уходитъ].

Выходъ второй.

КНЯЗЬ И ЖЕНСКАЯ МАСКА. *[Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости].*

КНЯЗЬ.

Все такъ! разсказывать легко!
Однако же я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!

[Одна маска отдѣляется и ударивъ его по плечу]:

МАСКА.

Я знаю
Тебя!

КНЯЗЬ.

И видно, очень коротко.

МАСКА.

О чемъ ты размышлялъ—и это мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.

[Заглядываетъ подъ маску].

Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.

МАСКА.

Я нравлюся тебѣ—тѣмъ хуже.

КНЯЗЬ.

Для кого?

МАСКА.

Для одного изъ насъ.

КНЯЗЬ.

Не вижу отчего?...
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ,
Но узнаю, кто ты...

МАСКА.

Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?

КНЯЗЬ.

Поговоримъ и разойдемся.

МАСКА.

Право?

КНЯЗЬ.

Налѣво ты, а я направо.

МАСКА.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,

Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что во вѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!...

КНЯЗЬ.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

МАСКА.

Ты! безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя...

КНЯЗЬ.

Мнѣ это очень лестно.

МАСКА.

Ты сдѣлалъ много зла...

КНЯЗЬ.

Невольно, можетъ быть.

МАСКА.

Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

КНЯЗЬ.

Я не ищу любви.

МАСКА.

Искать ты не умѣешь.

КНЯЗЬ.

Скорѣй—усталъ искать.

МАСКА.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

КНЯЗЬ.

Но кто жъ она?... конечно, идеалъ.

МАСКА.

Нѣтъ, женщина... а дальше—что за дѣло?

КНЯЗЬ.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

МАСКА.

Ты хочешь многаго—обдумай, что сказалъ.
[Нѣкоторое молчаніе].
Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

КНЯЗЬ.

Клянусь землей и небесами,
И честію моей...

МАСКА.

Смотри жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами...
[Уходятъ подъ руку].

Выходъ третій.

АРБЕНИНЪ И ДВѢ МАСКИ. *[Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску].*

АРБЕНИНЪ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете ль, кто я?

МАСКА.

Я знаю, кто вы были.

АРБЕНИНЪ.

Снимите маску—и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

МАСКА.

Къ чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

АРБЕНИНЪ.

Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

МАСКА.

Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь.
[Исчезаетъ въ толпѣ].

АРБЕНИНЪ.

Постой!... пропалъ!... Кто жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь.

Выходъ четвертый.

ШПРИХЪ и АРБЕНИНЪ. *[Шприхъ является]. [На канапе сидятъ двѣ женскія маски, кто-то подходитъ и интригуетъ; беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки].*

ШПРИХЪ.

Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?

АРБЕНИНЪ.

Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

ШПРИХЪ.

Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранитъ.

АРБЕНИНЪ.

Кому?

ШПРИХЪ.

Какой-то маскѣ.

АРБЕНИНЪ.

Слухъ завидный
У васъ.

ШПРИХЪ.

Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

АРБЕНИНЪ.

Это видно.
Такъ, стало быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...

ШПРИХЪ.

Объ чемъ это-съ?

АРБЕНИНЪ.

Да нѣтъ, я такъ шучу..

ШПРИХЪ.

Скажите...

АРБЕНИНЪ.

Говорятъ, у васъ жена красотка...

ШПРИХЪ.

Ну-съ, что-жъ?

АРБЕНИНЪ *[перемѣнивъ тонъ].*

А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?
[Насвистываетъ пѣсню и уходитъ].

ШПРИХЪ *[одинъ].*

Чтобъ у тебя засохла глотка!...
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.
[Теряется въ толпѣ].

Выходъ пятый.

ПЕРВАЯ МАСКА *[одна].*

[Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе].

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжитъ за мною.
Что если бы онъ сорвалъ маску... нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!...

Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!... рискъ ужасный!

[Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ].

Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ

Съ эмалью, золотой... отдамъ ему... Прекрасно!...
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

Выходъ шестой.

ПЕРВАЯ МАСКА И КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. *[Князь съ лорнетомъ торопливо пробирается].*

КНЯЗЬ.

Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнàю.
[Садится на канапе и беретъ ее за руку].
О, ты не убѣжишь...

МАСКА.

Я васъ не убѣгаю.
Чего хотите вы?

КНЯЗЬ.

Васъ видѣть.

МАСКА.

Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

КНЯЗЬ.

Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя—другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...

МАСКА.

Поймите же мужчину!...
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

КНЯЗЬ.

Я вспомню голосъ твой.

МАСКА.

Пожалуй—вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ—лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы нехудо!

КНЯЗЬ.

Но счастіе мое неполно.

МАСКА.

А какъ знать:
Вы, можетъ быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

КНЯЗЬ.

Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

МАСКА *[хочетъ идти]*.

Прощай навѣки!

КНЯЗЬ.

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

МАСКА *[отойдя два шага]*.

Вы правы: жаль мнѣ васъ—возьмите мой браслетъ.

[Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ].

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

КНЯЗЬ *[ищетъ ее глазами напрасно]*.

Я въ дуракахъ!... есть отчего разсудка
Лишиться... *[Увидѣвъ Арбенина]*. А!

АРБЕНИНЪ *[идетъ задумчивъ]*.

Кто этотъ злой пророкъ?...
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это шутка.

КНЯЗЬ *[подходя]*.

Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Душевно радуюсь.

КНЯЗЬ.

Но счастье налетѣло
Само собой.

АРБЕНИНЪ.

Да, счастье—вѣчно такъ.

КНЯЗЬ.

Лишь только я схватилъ и думалъ: кончилъ дѣло!
Какъ вдругъ *[дуетъ на ладонь]*... Теперь себя могу увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.

АРБЕНИНЪ.

Не знаю ничего, и потому не спорю.

КНЯЗЬ.

Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу... *[Нѣсколько словъ на ухо]*.
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась—и вотъ *[показываетъ браслетъ]* какъ будто сонъ!...
Конецъ прежалобный...

АРБЕНИНЪ *[улыбаясь]*.

А начали нехудо...

. . . .

Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...

КНЯЗЬ.

Гдѣ отыскать ее?...

АРБЕНИНЪ.

Любую подцѣпите:
Здѣсь много ихъ—искать недалеко!

КНЯЗЬ.

Но если не она?

АРБЕНИНЪ.

А можетъ быть легко.
Но что же за бѣда?... Вообразите...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
Поможетъ мнѣ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

выходъ первый.

ЕВГЕНІЙ АРБЕНИНЪ *[входитъ]*; СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ—какъ я радъ!

АРБЕНИНЪ.

Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ—весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится,

И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?...
Давалъ любовнику совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей Богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты!
[Слугѣ] Что, барыня пріѣхала домой?

СЛУГА.

Нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

А когда же будетъ?

СЛУГА.

Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.

АРБЕНИНЪ.

Теперь ужъ часъ второй—
Не ночевать же тамъ она осталась!

СЛУГА.

Не знаю-съ.

АРБЕНИНЪ.

Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно,
я вскричу.
[Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла].

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ *[одинъ].*

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали;
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавой:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ прос-
нулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю.
И стыдно молвить—ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ
море!
Вернусь ли къ пристани я вновь?...
[Задумывается].

Выходъ третій.

АРБЕНИНЪ и НИНА. *[Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ въ лобъ сзади].*

АРБЕНИНЪ.

Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

НИНА.

Неужели такъ поздно?

АРБЕНИНЪ.

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

НИНА.

Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!

АРБЕНИНЪ.

А думаетъ—глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

НИНА.

Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь
грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся—ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ затянутый въ кор-
сетѣ,

Съ утра до вечера, тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова!»
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню.
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу...
Но къ чему
Меня воображеніе умчало!...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

АРБЕНИНЪ *[улыбаясь]*.

Какъ быть! Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

НИНА.

Конечно.

АРБЕНИНЪ.

Ты сердишься?

НИНА.

Нѣтъ, я благодарю.

АРБЕНИНЪ.

Ты опечалилась.

НИНА.

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

АРБЕНИНЪ.

Нина!

НИНА.

Что вы?

АРБЕНИНЪ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.

[Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ].

Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя,
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла — міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,

Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!

[Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ].

НИНА.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

АРБЕНИНЪ.

Часто?...

НИНА.

Нѣтъ, но—иногда!...

АРБЕНИНЪ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

НИНА.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

АРБЕНИНЪ.

О, нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... Я жестокій,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ . . . . я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.

[Цѣлуетъ ея руки и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ].

НИНА.

Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

АРБЕНИНЪ *[вскакиваетъ].*

Я? ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

НИНА.

Потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! потерянъ!

НИНА.

Что же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцать пять рублей конечно не дороже.

АРБЕНИНЪ *[про себя].*

Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это—пробужденье?

НИНА.

Тебя понять я, право, не могу.

АРБЕНИНЪ *[пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки].*

Браслетъ потерянъ?

НИНА *[обидясь].*

Нѣтъ, я лгу!

АРБЕНИНЪ *[про себя].*

Но сходство, сходство!

НИНА.

Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его—велите обыскать.
Конечно бъ я его—не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И СЛУГА.

АРБЕНИНЪ *[звонитъ; слуга входитъ].*

[Слугѣ]. Карету обыщи ты вдоль и поперегъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебя вернуться безъ него! *[Ей].* О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.

[Слуга уходитъ].

[Послѣ паузы ей]. Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

ОНЪ

АРБЕНИНЪ.

Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?

НИНА.

Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жъ закажу такой же точно новый.
[Слуга входитъ].

АРБЕНИНЪ.

Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

СЛУГА.

Я перешарилъ всю карету-съ...

АРБЕНИНЪ.

И не нашелъ тамъ.

СЛУГА.

Нѣту-съ.

АРБЕНИНЪ.

Я это зналъ... Ступай!
[Значительный взглядъ на нее].

СЛУГА.

Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! въ маскарадѣ онъ потерянъ... такъ вы были тамъ?

Выходъ пятый.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ СЛУГИ.

АРБЕНИНЪ *[слугѣ].*

Иди! *[Ей].* Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

НИНА.

Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во стократъ,
Чѣмъ если бъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
[Смѣется]. Смѣшно, смѣшно, ей Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

АРБЕНИНЪ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ не твой послѣдній смѣхъ!

НИНА.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

АРБЕНИНЪ.

Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ и безъ гроша—былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ—пока они мои;
Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души,

Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта... если точно
Я правду отгадалъ... и лаской усыпленъ.
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не разстопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья—
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

[Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ всторону].

НИНА.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

АРБЕНИНЪ.

Неужели?...
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада—
И этой лишь недостаетъ.

НИНА.

Такъ вотъ какое подозрѣнье?
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ, глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете, какъ святые
Въ раю... увы!... Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!...
Прощай! я знаю все! *[Ей].* Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ, во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да! я бъ смягчился, если бъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ.

НИНА.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу

АРБЕНИНЪ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

НИНА.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ!—послушай...

АРБЕНИНЪ.

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

НИНА.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

АРБЕНИНЪ.

Ну, по чести,
Признанье въ пору...

НИНА.

Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего жъ ты хочешь?

АРБЕНИНЪ.

Мести!

НИНА.

Кому жъ ты хочешь мстить?

АРБЕНИНЪ.

О, часъ придетъ
И, право, мнѣ вы надивитесь!

НИНА.

Не мнѣ ль?... что жъ медлишь ты?

АРБЕНИНЪ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

НИНА *[съ презрѣніемъ]*.

Кому жъ?

АРБЕНИНЪ.

Вы за кого боитесь!

НИНА.

Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.

АРБЕНИНЪ.

Лишній трудъ.

НИНА.

Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.

АРБЕНИНЪ.

Жалѣю!

[Она въ слезахъ уходитъ].

[Одинъ]. Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!...
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?
[Подходитъ къ двери жены и слушаетъ].
Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ, плачетъ... *[уходя]* жаль, что поздно...

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

[Баронесса сидитъ въ креслахъ, въ усталости, бросаетъ книгу].

БАРОНЕССА.

Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда? Жоржъ Зандъ почти что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей, иль прихотей другихъ,
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.

Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
Боязнь, разсудокъ мысли гонитъ,
И если какъ нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой—
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ,—
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!... *[Хочетъ читать].*

Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что было,
Сама себѣ еще дивлюсь. *[Входитъ Нина].*

Выходъ второй.

НИНА.

Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

БАРОНЕССА.

C'est une idèe charmante vous en avez toujours.
[Садятся]. Ты что-то прежняго блѣднѣе
Сегодня, не смотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза—конечно, не отъ слезъ?

НИНА.

Я дурно ночь спала, и нынче нездорова.

БАРОНЕССА.

Твой докторъ нехорошъ — возьми другаго.

Выходъ третій.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ *[входитъ].*

БАРОНЕССА *[холодно].*

Ахъ князь!

КНЯЗЬ.

Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстроенъ.

БАРОНЕССА.

Прошу садиться, князь.

КНЯЗЬ.

Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы,—но видъ вашъ такъ спокоенъ...

БАРОНЕССА.

Мнѣ, право, жаль.

КНЯЗЬ.

А я—такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ.

НИНА.

Вчера вы были въ маскарадѣ?

КНЯЗЬ.

Былъ.

БАРОНЕССА.

А въ какомъ нарядѣ?

НИНА.

Тамъ было много?...

КНЯЗЬ.

Да; и тамъ
Подъ маской узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно вы охотницы рядиться. *[Смѣется].*

БАРОНЕССА *[горячо].*

Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтреникъ обидитъ, осмѣетъ;
Рискнуть быть узнанной... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.

КНЯЗЬ.

Отречься не могу; стыдиться же—готовъ.
[Входитъ чиновникъ].

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И ЧИНОВНИКЪ.

БАРОНЕССА.

Откуда вы?

ЧИНОВНИКЪ.

Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

БАРОНЕССА.

Его рѣшили?

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ...

БАРОНЕССА.

Ничуть. *[Отходитъ къ окну и говоритъ].*

КНЯЗЬ *[въ сторону].*

Вотъ время объясненья! *[Нинѣ].*
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.

НИНА.

Въ какомъ же?

КНЯЗЬ.

Въ англійскомъ.

НИНА.

Давно ль?

КНЯЗЬ.

Сейчасъ.

НИНА.

Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

КНЯЗЬ.

Вы были заняты.

НИНА *[скоро].*

Браслетъ я прибирала. *[Вынимаетъ изъ ридикюля].*
Вотъ къ этому...

КНЯЗЬ.

Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ жъ другой?

НИНА.

Потерянъ.

КНЯЗЬ.

Въ самомъ дѣлѣ?...

НИНА.

Что жъ страннаго?

КНЯЗЬ.

И не секретъ—
Когда?

НИНА.

Третьяго дня, вчера, на той недѣлѣ—
Зачѣмъ вамъ знать, когда?

КНЯЗЬ.

Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть можетъ... *[Въ сторону].*
Смущается она—вопросъ ее тревожитъ.

Охъ, эти скромницы! *[Ей]*. Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...

НИНА.

Пожалуйста... Но гдѣ?

КНЯЗЬ.

А гдѣ жъ потерянъ онъ?

НИНА.

Не помню.

КНЯЗЬ.

Какъ нибудь на балѣ?

НИНА.

Можетъ статься.

КНЯЗЬ.

Или кому нибудь на память подаренъ?

НИНА.

Откуда вывели такое заключенье.
И подарю его кому жъ?...
Не мужу ль?

КНЯЗЬ.

Будто въ свѣтѣ только мужъ?
Пріятельницъ у васъ толпа—въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Но, пусть потерянъ онъ—а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?

НИНА *[улыбается]*.

Смотря...

КНЯЗЬ.

Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ—и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земнаго?
Но если сами вы когда нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ,—если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О!... но поймите же?

НИНА.

Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И нынче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

КНЯЗЬ.

О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?
[Про себя]. Ты отвертѣлася! добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли.

[Нина отходитъ къ Баронессѣ].
[Чиновникъ раскланивается и уходитъ].

НИНА.

Adieu ma chère—до завтра: мнѣ пора.

БАРОНЕССА.

Да подожди, mon ange, съ тобой мы не успѣли
Сказать двухъ словъ *[цѣлуются]*.

НИНА *[уходя]*.

Я завтра жду тебя съ утра. *[Уходитъ]*.

БАРОНЕССА.

Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

Выходъ пятый.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ НИНЫ И ЧИНОВНИКА.

КНЯЗЬ *[въ сторону]*.

Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась!
Пожалуй, я дуракъ—пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.

БАРОНЕССА.

Задумалися, князь?

КНЯЗЬ.

Да многое раздумать мнѣ придется.

БАРОНЕССА.

Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ—о чемъ былъ споръ?

КНЯЗЬ.

Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...

БАРОНЕССА.

Кого?

КНЯЗЬ.

Ее.

БАРОНЕССА.

Какъ, Нину?

КНЯЗЬ.

Да.
Я доказалъ ей.

БАРОНЕССА.

Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

КНЯЗЬ.

Изъ странности рѣшаюсь иногда.

БАРОНЕССА.

Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же доказательствъ нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ! Только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ.
И у нея такой же точно.

БАРОНЕССА.

Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.

КНЯЗЬ.

Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ,
И тутъ увѣрился, что только два такихъ.
[Послѣ молчанія].

БАРОНЕССА.

Я завтра жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.

КНЯЗЬ.

А мнѣ совѣтъ какой?

БАРОНЕССА.

А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.

КНЯЗЬ.

За два совѣта вамъ я благодаренъ вдвое.
[Уходитъ].

Выходъ шестой.

БАРОНЕССА.

Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему—со мной бы было то же?
Итакъ прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія! о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была—
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю, отчего, но я его люблю—
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя бъ на счетъ другой,
Отъ этого стыда... хотя бъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой...
[Задумывается].
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!

Выходъ седьмой.

БАРОНЕССА и ШПРИХЪ.

ШПРИХЪ *[входитъ, раскланивается].*

БАРОНЕССА.

Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

ШПРИХЪ.

Помилуйте, я былъ бы очень радъ,
Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...

БАРОНЕССА.

Всегда ль ты такъ любезенъ?

ШПРИХЪ.

Блаженной памяти, баронъ. .

БАРОНЕССА.

Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

ШПРИХЪ.

Занялъ тысячъ...

БАРОНЕССА.

Знаю!
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.

ШПРИХЪ.

Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

БАРОНЕССА.

Скажи, что новаго!

ШПРИХЪ.

У графа одного
Наслушался—сейчасъ лишь вышелъ—
Исторій въ свѣтѣ тьма.

БАРОНЕССА.

А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?

ШПРИХЪ *[въ недоумѣніи]*.

Нѣтъ... слышалъ... какъ же нѣтъ...
Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужъ свѣтъ...
[Всторону] А что-бишь, я не помню, вотъ ужасно!...

БАРОНЕССА.

О, если это такъ ужъ гласно,
То нечего и говорить!

ШПРИХЪ.

Но я бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

БАРОНЕССА.

Они осуждены ужъ свѣтомъ.
А впрочемъ, я бъ могла ихъ подарить совѣтомъ—
Сказала бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности побольше...
Прощайте, мосьё Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то бъ осталась съ вами долѣ.
[Уходя всторону].
Теперь я спасена—полезный мнѣ урокъ!

Выходъ восьмой.

ШПРИХЪ *[одинъ]*.

Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.

Какая быстрота ума, соображенья;
Тутъ есть интрига... да! вмѣшаюсь въ эту связь—
Мнѣ благодаренъ будетъ князь.

Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу,
И ужъ, авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Кабинетъ Арбенина.

Выходъ первый.

АРБЕНИНЪ ОДИНЪ, ПОТОМЪ СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Все ясно ревности—а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы;
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ грозу—
То жизнь завидная!

СЛУГА *[входитъ]*.

Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

АРБЕНИНЪ.

Да отъ какой?

СЛУГА.

Не разобралъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Записка? къ Нинѣ!...
[идетъ; слуга остается].

Выходъ второй.

АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ КАЗАРИНЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.

КАЗАРИНЪ.

Хорошо.

СЛУГА.

Я тотчасъ доложу-съ. *[Уходитъ]*.

КАЗАРИНЪ.

Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосье Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ-что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ къ тому жъ
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ:
Пріятеля онъ поддержать съумѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ.
А эта молодежь
Мнѣ просто ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ,
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отчего?—умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ глядь:
При нихъ и честь и милліоны!..

Выходъ третій.

КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ. *[Входитъ Шприхъ]*.

ШПРИХЪ.

Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ.

КАЗАРИНЪ.

Я также! Ты съ визитомъ?

ШПРИХЪ.

Да-съ.
А вы?

КАЗАРИНЪ.

Я также.

ШПРИХЪ.

Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно бъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

ШПРИХЪ.

Bon mot вамъ ни почемъ,
А, право, нужное...

КАЗАРИНЪ.

Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.

ШПРИХЪ.

Итакъ, мы сладимъ дружно.

КАЗАРИНЪ.

Не знаю... говори!

КАЗАРИНЪ.

Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...

ШПРИХЪ.

Мой создатель!
Я самъ улаживалъ—тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?

КАЗАРИНЪ.

Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.

ШПРИХЪ.

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что вашъ пріятель,
Арбенинъ... *[дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ]*.

ШПРИХЪ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни,
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ

Князькомъ; ему она довольно показалась
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ.
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся—и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотчасъ же доставилъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.

ШПРИХЪ.

Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...

КАЗАРИНЪ.

И даже не былъ битъ?

ШПРИХЪ.

У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнью безъ цѣли
Не должно рисковать.

КАЗАРИНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать—великій грѣхъ.

ШПРИХЪ.

Но это всторону; вѣдь я объ важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

КАЗАРИНЪ.

Что жъ это?

ШПРИХЪ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

КАЗАРИНЪ.

Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ кажется идетъ.

ШПРИХЪ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ

КАЗАРИНЪ.

Твой анекдотъ, ей-Богу, презабавный.

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ охотникъ, вотъ купить бы славно!

КАЗАРИНЪ.

Итакъ, Арбенинъ—какъ дуракъ...

ШПРИХЪ.

Послушайте...

КАЗАРИНЪ.

Попалъ въ-просакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.

КАЗАРИНЪ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе—все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!

ШПРИХЪ.

Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно—вотъ кладъ!

КАЗАРИНЪ.

Жена?

ШПРИХЪ.

Собака.

КАЗАРИНЪ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену—что Богъ дастъ—неизвѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.
[Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли на лѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ].
Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать бы интересно...

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

АРБЕНИНЪ *[не замѣчая ихъ]*.

О, благодарность! И давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти кто онъ таковъ—и что же?... О, змѣя!
Неслыханная низость!... Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!...
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней;
Я, какъ дитя, незнающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья,
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ—онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ—не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.
[Перечитываетъ письмо].
«Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
«Признаться...» Скромность кстати чрезвычайно!—
«Вы правы... что страшнѣй молвы?
«Подслушать насъ могли бъ случайно.
«Такъ! не презрѣніе, но страхъ
«Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
«Вы тайны любите—и это будетъ тайной!
«Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ.»

ШПРИХЪ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все, какъ разъ!

АРБЕНИНЪ.

Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
[Казарину] А! ты былъ здѣсь?

КАЗАРИНЪ.

Я жду ужъ цѣлый часъ.

ШПРИХЪ *[всторону]*.

Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ.
[Приближается къ двери].

Выходъ пятый.

ПРЕЖНІЕ, *кромѣ* ШПРИХА. *[Шприхъ уходитъ не замѣченъ]*.

КАЗАРИНЪ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! *[Всторону]*.
Письмо! такъ вотъ что! понимаю!
[Ему].
Ты въ размышленьи...

АРБЕНИНЪ.

Да, я размышляю.

КАЗАРИНЪ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

АРБЕНИНЪ.

Почти... О благодарности.

КАЗАРИНЪ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

АРБЕНИНЪ.

Твое же мнѣніе?

КАЗАРИНЪ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность—вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти-что тысячъ пять,
И я, ей-Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю объ немъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... изволь: возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ, или Декартъ,
Міръ для меня—колода картъ,
Жизнь—банкъ: рокъ мечетъ, я играю.
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію—я въ картахъ суевѣръ—
Положимъ, что случайно, безъ обману,
Онъ выигралъ—я очень радъ;
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,
И буду гнуть, да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую—подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый?

АРБЕНИНЪ *[въ размышленіи]*.

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!

КАЗАРИНЪ *[всторону]*.

Задумался. *[Ему]*. Теперь мы перейдемъ,
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься,
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: «эй! остерегися, братъ!...»
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоятъ ничего.
И ты случайно, такъ, послушаешь его.
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ, безъ замедленья,
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье;
А отъ игры онъ спасъ—такъ ты ступай на балъ
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться:
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только-что отдашь урокомъ за урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты славный моралистъ! *[Всторону]*.
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А! князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.

КАЗАРИНЪ *[не обращая вниманія]*.

Послѣдній пунктъ осталось объяснить;
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ее.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

АРБЕНИНЪ *[разстроенно]*.

Да, да, ты правъ; что женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли—
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

КАЗАРИНЪ.

Ты разсуждаешь очень здраво.
Хотя женатъ и счастливъ.

АРБЕНИНЪ.

Право?

КАЗАРИНЪ.

А развѣ нѣтъ?

АРБЕНИНЪ.

О, счастливъ... да...

КАЗАРИНЪ.

Я очень радъ.
Однако жъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

АРБЕНИНЪ.

А что же?

Хоть оба мы—ребята съ головой!...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино—Рауля честь—
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ—душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъза кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... вошли... игра ужъ въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой:
Тотъ весь горитъ; другой
Блѣднѣе, чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы—и загорѣлся бой!...
Тутъ, тутъ, сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.
[*Арбенинъ отворачивается*].

АРБЕНИНЪ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой—не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства,
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю—
Прощай—прощай...
[*Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо*].

КАЗАРИНЪ.

Теперь онъ мой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната у князя. Дверь въ другую растворена. Онъ въ другой спитъ на диванѣ.

Выходъ первый.

ИВАНЪ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

[*Слуга смотритъ на часы*].

ИВАНЪ.

Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить,
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ—и съ рукъ долой скорѣе.
[*Арбенинъ входитъ*].

АРБЕНИНЪ.

Князь дома?

СЛУГА.

Дома нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Не правда.

СЛУГА.

Пять минутъ
Тому назадъ, уѣхалъ.

АРБЕНИНЪ [*прислушивается*].

Лжешь! онъ тутъ.
[*Показываетъ на кабинетъ*].
И вѣрно, сладко спитъ: прислушайся какъ дышетъ...
[*Всторону*]. Но скоро перестанетъ.

СЛУГА [*всторону*].

Онъ все слышитъ... [*Ему*].
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

АРБЕНИНЪ.

Онъ любитъ спать,—тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. [*Слугѣ*]. Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется.

[*Слуга уходитъ*].

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ [*одинъ*].

Удобный мигъ насталъ —теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ.

[*Растворяетъ дверь*].

Онъ спитъ! Что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?

[*Страшно улыбаясь*].

Я думаю, что онъ умретъ ударомъ—
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!

[*Входитъ въ комнату*].

[*Минуты двѣ—и выходитъ блѣденъ*].

Не могу!

[*Молчаніе*].

Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?... трусъ?... Кто это сказалъ?...
Я самъ и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался

1

О, жалко... право жалко... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ! [*Молчаніе*].

[*Садится*].

Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить; убійство ужъ не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ! въ образованномъ я родился народѣ:
Языкъ и золото—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!

[*Беретъ чернилъ, бумаги и пишетъ записку; беретъ шляпу*].

Выходъ третій.

АРБЕНИНЪ И БАРОНЕССА.

[*Арбенинъ идетъ въ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ*].

ДАМА [*въ вуалѣ*].

Ахъ! все погибло!...

АРБЕНИНЪ

Это что?

ДАМА [*вырываясь*].

Пустите!

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели!

[*Ей строго*]. Молчите!

Ни слова—или сей же мигъ...
Какое подозрѣніе... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

ДАМА.

Я не туда зашла, ошиблась.

АРБЕНИНЪ.

Да, немного
тся и мнѣ,
томъ.

ДАМА.

Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

АРБЕНИНЪ.

Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...

ДАМА.

Все знаете?...

[Онъ откладываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя].

АРБЕНИНЪ.

Благодарю Творецъ,
Что ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!

БАРОНЕССА.

О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

АРБЕНИНЪ.

Отчаянье теперь не кстати.
Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ — а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то, была бы въ городѣ тревога.

БАРОНЕССА.

Ахъ! онъ проснулся говоритъ

АРБЕНИНЪ.

Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ пойду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами!
А вы, вы здѣсь однѣ...—вы женщина съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! *[Въ бѣшенствѣ]*.
Зачѣмъ, зачѣмъ?

БАРОНЕССА *[рѣшительно]*.

Я поняла объ чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

АРБЕНИНЪ.

Какъ! кто жъ вамъ разсказалъ?...
[Опомнившись]. А что вы знаете?...

БАРОНЕССА.

О, я васъ умоляю
Простите мнѣ...

АРБЕНИНЪ.

Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.

БАРОНЕССА.

Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но слушайте...

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.

БАРОНЕССА.

Но если бы не я, то не бывать письму.
Ни...

АРБЕНИНЪ.

А! ужъ это слишкомъ много!...
Письмо!... какое?... а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ!... Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ?
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?

Да—признаюсь!... вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...

БАРОНЕССА.
О, Боже мой!...

АРБЕНИНЪ.
Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

БАРОНЕССА *[упадаетъ въ кресла]*.
Но вы безчеловѣчны!...

АРБЕНИНЪ.

Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
[Хочетъ идти].

БАРОНЕССА.

О! я лишусь ума... Постойте!... онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...

АРБЕНИНЪ.

Что жъ, продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, Боже сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!...
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ—на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ!
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: въ замѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. *[Уходитъ].*

Выходъ четвертый.

БАРОНЕССА ОДНА.

БАРОНЕССА *[вслѣдъ ему].*

Послушайте, клянусь, то былъ обманъ... она...
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало,—буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

Выходъ пятый.

БАРОНЕССА И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ *[въ другой комнатѣ].*

Иванъ! Кто тамъ!... Я слышалъ голоса!...
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса.
[Входитъ].
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица—я очень радъ. *[Узнаетъ и отскакиваетъ].*
Ахъ, баронесса! нѣтъ невѣроятно...

БАРОНЕССА.

Что отскочили вы назадъ? *[Слабымъ голосомъ].*
Вы удивляетесь?

КНЯЗЬ *[смущенно].*

Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

БАРОНЕССА.

И было бъ, странно, если бъ ожидали.

КНЯЗЬ.

О чемъ я думалъ? О, когда бъ я зналъ...

БАРОНЕССА.

Вы все бы знать могли, и ничего не знали.

КНЯЗЬ.

Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите, я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое незнанье—
Проступокъ... и теперь не нахожу я словъ...
[Беретъ ее за руку].
Но ваши руки — ледъ! въ лицѣ у васъ страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

БАРОНЕССА.

Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ — все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя—спасу другаго.

КНЯЗЬ.

Что это значитъ?

БАРОНЕССА.

Не мѣшайте мнѣ,
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Не смотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что—
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня... и даже, можетъ быть,
Я бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ—это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ—это ложно, ложно!
Не вѣрьте—ради неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ—всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ... ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убьетъ... онъ пріученъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

КНЯЗЬ.

Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ—и слишкомъ онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ—и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага—
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

БАРОНЕССА.

Но если ваша жизнь кому нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой...
Но если васъ убьютъ?—убьютъ!... о, Боже!
И я всему виной...

КНЯЗЬ.

Вы?

БАРОНЕССА.

Пощадите!

КНЯЗЬ *[подумавъ]*.

Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ—его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

БАРОНЕССА.

Средство есть.

КНЯЗЬ.

Солгать—не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

БАРОНЕССА.

Минуту... Не ходите.
И слушайте меня. *[Беретъ его за руку]*
Вы всѣ обмануты!... Та маска...
[Облокачивается на столъ, упадая].
Это я!...

КНЯЗЬ.

Какъ? вы?... о, провидѣнье! *[Молчаніе]*.
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

БАРОНЕССА *[опомнясь и отходя]*.

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное—теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло—забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ—онъ былъ найденъ случайно,
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется... Мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
[Подойдя къ двери, видитъ что онъ хочетъ броситься за ней].
Не слѣдуйте за мной. *[Уходитъ]*.

Выходъ шестой.

князь *[одинъ]*.

князь *[послѣ долгаго размышленія]*.

Я, право, думать что не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.

[Подходитъ къ столу].

Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!... прочитаю!...

«Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый вечеръ.—Прощай! Жду непремѣнно, твой искренній

Евгеній Арбенинъ».

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната у N.

Выходъ первый.

КАЗАРИНЪ, ХОЗЯИНЪ и АРБЕНИНЪ *[садятся играть]*.

КАЗАРИНЪ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ.
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?...
Мысль превосходная!... Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній.
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ! Былаго нѣтъ и тѣни.

КАЗАРИНЪ.

Пріятно видѣть, ей-же-ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

ХОЗЯИНЪ.

А князя надо пощипать слегка!

КАЗАРИНЪ.

Да... да. *[Всторону]*. Забавна будетъ стычка!

ХОЗЯИНЪ.

Посмотримъ. — Транспортъ!... *[Слышенъ шумъ]*.

АРБЕНИНЪ.

Это онъ.

КАЗАРИНЪ.

Рука
Твоя дрожитъ?...

АРБЕНИНЪ.

О, ничего,—отвычка!

[Князь входитъ].

Выходъ второй.

ПРЕЖНІЕ И КНЯЗЬ.

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь,
У насъ ужасный бой.

КНЯЗЬ,

О! я смотрѣть готовъ.

АРБЕНИНЪ.

А все играть съ тѣхъ поръ еще боитесь?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. *[Всторону]*.
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю. *[Садится]*.

АРБЕНИНЪ.

Я нынче былъ у васъ.

КНЯЗЬ.

Записку я читалъ,
И, видите, послушенъ.

АРБЕНИНЪ.

На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смушеньи и тревогѣ.

КНЯЗЬ.

И вы узнали?

АРБЕНИНЪ *[смѣясь]*.

Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...

КНЯЗЬ *[всторону]*.

Онъ ничего не понялъ—это ясно.
[Отходитъ и кладетъ саблю].

АРБЕНИНЪ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

КНЯЗЬ *[разсѣянно]*.

Почему же?

АРБЕНИНЪ.

Такъ! добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ
Любовники,—не обладаю я. *[Всторону]*.
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ; и яду подолью...
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою.
[Играютъ.—Арбенинъ мечетъ].

КАЗАРИНЪ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

КНЯЗЬ.

Я тоже.

АРБЕНИНЪ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ м...
Онъ нынче у меня изъ головы
Вотъ видите: одинъ какой-то
Женатый человѣкъ...—твоя взяла, Казаринъ,—
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ,—
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ.—
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что жъ? мнѣ неизвѣстно
Какой судьбой,—но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужъ слишкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

КНЯЗЬ.

Что жъ сдѣлалъ мужъ?

АРБЕНИНЪ *[будто не слыхалъ вопроса]*.

Князь вы игру забыли:
Вы гнете не глядя. *[Взглянувъ на него пристально]*.
И любопытно вамъ
Узнать что сдѣлалъ мужъ?... Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

КНЯЗЬ.

Я бы сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ!

КАЗАРИНЪ.

Рубились?

...ЕНИНЪ.

КАЗАРИНЪ.

Такъ помирились?

АРБЕНИНЪ *[горько улыбаясь]*.

О, нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Такъ что же сдѣлалъ онъ?

АРБЕНИНЪ.

Остался отомщенъ—
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

КНЯЗЬ *[смѣется]*.

Да это вовсе противъ правилъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ иль правило на ненависть и месть?
[Играютъ.—Молчаніе].
Взяла... взяла!

АРБЕНИНЪ *[вставая]*.

Постойте карту эту
Вы подмѣнили.

КНЯЗЬ.

Я? Послушайте...

АРБЕНИНЪ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы *[задыхаясь]* шулеръ и подлецъ!

КНЯЗЬ.

Я? я?

АРБЕНИНЪ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.

[Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать].
[Понизивъ голосъ]. Теперь мы квиты.

КАЗАРИНЪ.

Что съ тобой?
[Хозяину]. Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ бы тысячъ двѣсти.

КНЯЗЬ *[опомнясь вскакиваетъ]*.

Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

АРБЕНИНЪ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьи?

КНЯЗЬ.

Вы трусъ! *[Хочетъ броситься на него]*.

АРБЕНИНЪ *[грозно]*.

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую—ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ—да вамъ не испугать
И труса.

КНЯЗЬ.

О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы—не я подлецъ...

АРБЕНИНЪ.

На это я готовъ.

КНЯЗЬ *[подходя ближе]*.

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!... вспомните браслетъ...

АРБЕНИНЪ.

За это вы наказаны ужъ мною...

КНЯЗЬ.

О, бѣшенство!... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!...

АРБЕНИНЪ.

И въ этомъ
Вы властны, даже я подарю васъ совѣтомъ—
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

КНЯЗЬ.

О! гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его,—и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святаго,
Вы человѣкъ, иль демонъ?

АРБЕНИНЪ.

Я?—игрокъ.

КНЯЗЬ *[упадая и закрывая лицо]*.

Честь, честь моя!...

АРБЕНИНЪ.

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ
отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь; и постепенно
чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искус-
ство;
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь про-
ходить,—
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... *[уходя]* желаю дол-
го жить. *[Уходитъ]*.

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

ХОЗЯЙКА.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бъ жаль
За васъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я васъ не понимаю.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

МНОГІЕ.

Куда? зачѣмъ? давно ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Въ деревню, нынче утромъ.

ДАМА.

Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доб-
рой воли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Фантазія! романы!... хоть рукой
Махни! *[Расходятся; другая группа муж-
чинъ]*

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Напротивъ, выигралъ—да, видно, не пу-
темъ,
И получилъ пощечину.

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.

Стрѣлялся?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ не хотѣлъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!...

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.

Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

ШЕСТОЙ ГОСТЬ.

И я! Какой поступокъ скверный!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Онъ будетъ здѣсь?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

ЧЕТВЕРТЫ

Вотъ онъ! *[Князь*

[Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестаго гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ].

КНЯЗЬ.

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другаго. *[Ей].*
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.

НИНА.

Должна?

КНЯЗЬ.

Для вашего же счастья!

НИНА.

Какое странное участье!

КНЯЗЬ.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же навѣкъ; злодѣй не обнаруженъ
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ—я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не нуженъ.

[Арбенинъ смотритъ на нихъ издали].

НИНА.

Князь! вы сошли съ ума—на васъ
Теперь сердиться было бъ стыдно.

КНЯЗЬ.

Прощайте на всегда! прошу въ послѣдній разъ..

НИНА.

Куда жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

КНЯЗЬ *[уходя].*

Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

ХОЗЯЙКА *[инымъ].*

Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда.

[Уходятъ].

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ *[одинъ про себя].*

Я сомнѣвался—я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?...
—Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю—и такъ неистово обманутъ!...
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу — моя жъ пусть будетъ тутъ.

[Показываетъ на сердце].

Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? *[Какъ бы испугавшись себя].*
Рѣшено:
Она умретъ—я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другаго!... это ясно... какъ же можно жить
Ей послѣ этого!... Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!
Какъ свой залогъ тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я—не Богъ, и не прощаю...

[Слышны звуки музыки].

[Ходитъ по комнатѣ: вдругъ останавливается].

Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну, я все до капли проигралъ—

Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи—ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу, въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ—рискъ, право, былъ великъ;
Но счастье вынесло—и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ.
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день — и день тотъ недалекъ.
[Уходитъ быстро].

Выходъ третій.

ХОЗЯЙКА, НИНА, НѢСКОЛЬКО ДАМЪ И КАВАЛЕРОВЪ.

[Во время послѣднихъ строкъ входятъ].

ХОЗЯЙКА.

Не худо бы немного отдохнуть.

ДАМА *[другой].*

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

ПЕТКОВЪ.

Настасья Павловна споетъ намъ что нибудь.

НИНА.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.

ДАМА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина, спой!

ХОЗЯЙКА.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

НИНА *[садясь за піано].*

Но слушать со вниманьемъ—мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправимъ! *[Поетъ]*:
«Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.
«Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою,
И что жъ? я радъ, что онъ не можетъ,
Тебя любить, какъ я люблю.
«Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей.»

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

[Въ конецъ 3-го куплета мужъ входитъ и облокачивается на фортепьяно. Она, увидѣвъ, останавливается].

АРБЕНИНЪ.

Что жъ, продолжайте.

НИНА.

Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

АРБЕНИНЪ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

НИНА *[въ смущеніи].*

Нѣтъ, зачѣмъ?
[Всторону хозяйкѣ]. Мнѣ нездоровится.
[Встаетъ].

ГОСТЬ *[другому].*

Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Къ тому же, слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы правы: какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
За то ужъ мы какъ гнемся добродушно!
[Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и, по одному, ухо-

дятъ въ другія комнаты, такъ что наконецъ Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра].

НИНА *[хозяйкѣ].*

Такъ жарко; отдохнуть я сяду всторонѣ.
[Мужу]. Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.

[Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ]

АРБЕНИНЪ *[всторону].*

Смерть! помоги.

НИНА *[ему].*

Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно ждетъ меня бѣда.

АРБЕНИНЪ *[всторону].*

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
[Подавая]. Возьми; отъ скуки вотъ лекарство.

НИНА.

Да! это прохладитъ. *[Ѣстъ].*

АРБЕНИНЪ.

О, какъ не прохладитъ!

НИНА.

Здѣсь нынѣ скучно.

АРБЕНИНЪ.

Какъ же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство—
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

НИНА.

Ты правъ! ужасно!...

АРБЕНИНЪ.

Да, ужасно!...

НИНА.

Душъ непорочныхъ нѣту...

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

НИНА.

Что говоришь ты?

АРБЕНИНЪ.

Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я,
Тебя.

НИНА.

Ты блѣденъ.

АРБЕНИНЪ.

Много танцовалъ.

НИНА.

Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, вѣрно, потому что мало танцовалъ я...

НИНА *[отдаетъ пустое блюдечко].*

Возьми, поставь на столъ.

АРБЕНИНЪ *[беретъ].*

Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?... Жестоко!
[Въ размышленіи].
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ идти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
[Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ].

НИНА.

Какъ ты неловокъ!

АРБЕНИНЪ.

Ничего: я боленъ—
Поѣдемъ поскорѣй домой.

НИНА.

Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ? ты мною недоволенъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой.
[Уходятъ].

НЕИЗВѢСТНЫЙ *[оставшись одинъ].*

Я чуть не сжалился—и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...
[Задумывается].

Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать — потомъ настанетъ мой чередъ. *[Уходитъ]*.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Спальня Арбенина.

Выходъ первый.

Входятъ НИНА, *за ней* СЛУЖАНКА.

СЛУЖАНКА.

Сударыня, вы что то блѣдны стали!

НИНА *[снимая серьги]*.

Я нездорова.

СЛУЖАНКА.

Вы устали.

НИНА *[всторону]*.

Мой мужъ меня пугаетъ! отчего—
Не знаю. Онъ молчитъ и страненъ взглядъ его.
[Служанкѣ]. Мнѣ что-то дурно: вѣрно отъ корсета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?
[Идетъ къ зеркалу].
Ты права, я блѣдна, какъ смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!
[Снимаетъ букли и завертываетъ косу].
Брось гдѣ нибудь и дай мнѣ шаль.
[Садится въ кресло].
Какъ новый вальсъ хорошъ! въ какомъ-то упоеньи
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять—
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда.. вотъ бредъ!

СЛУЖАНКА *[показывая на наряды]*.

Прикажете убрать?

НИНА.

Оставь. *[Погружается въ задумчивость]*.
[Арбенинъ показывается въ дверяхъ].

СЛУЖАНКА.

Прикажете идти?

АРБЕНИНЪ *[служанкѣ тихо]*.

Ступай.
[Служанка не уходитъ]. Иди же
[Уходитъ. Онъ запираетъ дверь].

Выходъ второй.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

АРБЕНИНЪ.

Она тебѣ ужъ больше не нужна.

НИНА.

Ты здѣсь?

АРБЕНИНЪ.

Я здѣсь.

НИНА.

Я, кажется, больна,
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку—чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда—
Не правда ли?

АРБЕНИНЪ *[разсѣянно]*.

Мороженое? да!...

НИНА.

Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

АРБЕНИНЪ *[всторону]*.

Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно...

НИНА.

Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

АРБЕНИНЪ.

Неосторожно! О!..

НИНА.

И въ этомъ вся бѣда.

АРБЕНИНЪ.

Обдумать все заранѣ надо было.

НИНА.

О, если бы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно бъ, не была твоей женой.

Терзать тебя, страдать самой—
Какъ это весело и мило!

АРБЕНИНЪ.

И то! къ чему тебѣ моя любовь?

НИНА.

Какая тутъ любовь? но что мнѣ жизнь такая?

АРБЕНИНЪ *[садится возлѣ нея]*.

Ты права! Что такое жизнь? Жизнь—вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь:
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое—рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть—послѣднее, а цѣлое—обманъ!

НИНА *[показывая на грудь]*.

Здѣсь что-то жжетъ.

АРБЕНИНЪ *[продолжая]*.

Пройдетъ-пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?... Жизнь какъ балъ:
Кружишься—весело: кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ—
И все забылъ и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба—
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

НИНА.

О, нѣтъ! я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?

НИНА.

Евгеній,
Я мучуюсь, я больна!

АРБЕНИНЪ.

А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

НИНА.

Пошли за докторомъ.

АРБЕНИНЪ.

Жизнь—вѣчность, смерть—лишь мигъ.

НИНА.

Но я—я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

НИНА *[въ испугѣ]*.

Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣй!

АРБЕНИНЪ *[встаетъ холодно]*.

Не пошлю.

НИНА *[послѣ молчанія]*.

Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно.
Я умереть могу, пошли скорѣй.

АРБЕНИНЪ.

Что жъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

НИНА.

Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...

АРБЕНИНЪ.

Да! знаю, знаю!

НИНА.

О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

АРБЕНИНЪ *[смотритъ на часы]*.

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось пол-
часа.

НИНА.

О, ты меня не любишь!

АРБЕНИНЪ.

А за что же
Тебя любить? за то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я
радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало я любилъ тебя—скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?
Улыбку нѣжную, привѣтный взглядъ очей
И что жъ нашелъ; — коварство и из-
мѣну!
Возможно ли? меня продать—
Меня—за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!...

НИНА.

О! если бы вину свою сама
Я знала, то...

АРБЕНИНЪ.

Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?

НИНА.

Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ
снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы на-
сталъ,
И все прошло, какъ бредъ больнаго.
Быть можетъ, я бъ успѣлъ небесныя
мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что цвѣло
въ немъ прежде—
Ты не хотѣла, ты!...
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—вода.
Я жъ плакалъ—я, мужчина!
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ—да!
А не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ и адъ въ груди.

НИНА *[въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу]*.

Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но ты все слышишь,
ты все знаешь—
И ты меня, всесильный, оправдаешь!...

АРБЕНИНЪ.

Остановись! хоть передъ нимъ не лги.

НИНА.

Нѣтъ, я не лгу—я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ—твой судья—защитникъ будетъ мой.

АРБЕНИНЪ *[который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложивъ руки]*.

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько
минутъ—
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

НИНА.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... нѣтъ,
быть не можетъ!

АРБЕНИНЪ *[смѣясь]*.

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

НИНА.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди
огонь, весь адъ...

АРБЕНИНЪ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.
[Молчаніе].

НИНА.

Не вѣрю, невозможно — нѣтъ! ты надо мною

[Бросается къ нему].

Смѣешься... ты не извергъ — нѣтъ, въ душѣ твоей

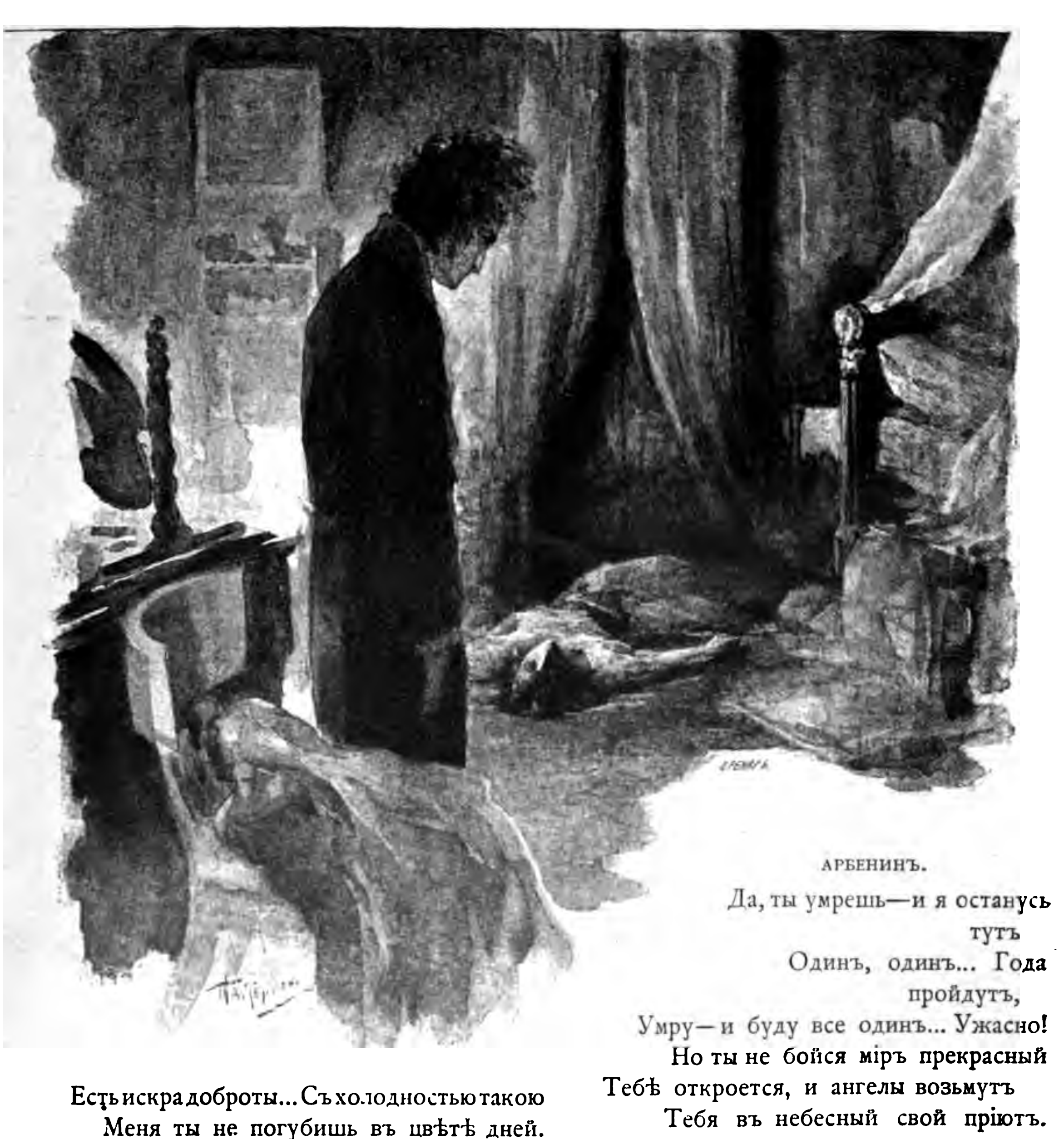
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...

[Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ].

О, смерть въ твоихъ глазахъ!

[Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза].

[Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее].

АРБЕНИНЪ.

Да, ты умрешь—и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру—и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ.

[Плачетъ].

Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,

Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она.—Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...
[Молчаніе].

НИНА *[вырывается и вскакиваетъ].*

Сюда!... сюда!... на помощь!... умираю...
Ядъ, ядъ!—не слышутъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
[Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ].

АРБЕНИНЪ *[горько смѣясь].*

Проклятіе! Что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! *[Подходитъ].* Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье...
[Стоитъ сложа руки].
Блѣдна *[содрогается].* Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?

НИНА *[слабо].*

Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй.

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно — будь спокойна...

НИНА.

Теперь мнѣ все равно... Я все жъ
Невинна передъ Богомъ... *[Умираетъ].*

АРБЕНИНЪ *[подходитъ къ ней и быстро отварачивается].*

Ложь!
[Упадаетъ въ кресло].

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Выходъ первый.

АРБЕНИНЪ *[сидитъ у стола на диванѣ].*

Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства наконецъ вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ—придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ же покой когда нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
[Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову].
Я ошибался? Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!... Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо!
Ты, пробужденная змѣя!...
[Упадаетъ головою на руки].

Выходъ второй.

КАЗАРИНЪ *[тихо].*

Арбенинъ здѣсь, печаленъ, и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ. *[Ему].*
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ.
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. *[Молчаніе].*
Да полно, братъ! личину ты сними—

Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики—а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ.
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другаго дня.
[Уходитъ].

Выходъ третій

Родственники приходятъ.

ДАМА *[племянницѣ]*.

Ужъ, видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ—
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

ПЛЕМЯННИЦА.

Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

ДАМА.

А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ!
[Уходятъ].

Выходъ четвертый.

Выходятъ изъ комнаты покойницы докторъ и старикъ.

СТАРИКЪ.

При васъ она скончалась?

ДОКТОРЪ.

Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

СТАРИКЪ.

Покровъ богатъ! парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь въ точь такой.
[Уходитъ].

Выходъ пятый.

Докторъ подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку.

Вамъ надо отдохнуть.

АРБЕНИНЪ *[вздрагиваетъ]*.

А!... *[всторону]* сердце сжалось.

ДОКТОРЪ.

Вы слишкомъ предались печали эту ночь—
Усните.

АРБЕНИНЪ.

Постараюсь.

ДОКТОРЪ.

Ужъ помочь
Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

АРБЕНИНЪ.

Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя не предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ,
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье—
Смотрите—холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужаго,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ—смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все — и черезъ часъ. *(Уходитъ)*.

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
[Уходя сталкивается съ двумя].

Выходъ шестой.

Входятъ неизвѣстный и князь.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Позвольте васъ спросить: Арбенина нельзя ль
Намъ видѣть?

ДОКТОРЪ.

Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчерась скончалась.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Очень жаль.

ДОКТОРЪ.

И онъ такъ огорченъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я и объ немъ жалѣю.
Однако жъ дома о́нъ?

ДОКТОРЪ.

Онъ? дома,—да.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я дѣло до него преважное имѣю.

ДОКТОРЪ.

Вы изъ друзей его, конечно, господа?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Покамѣсть нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя.

КНЯЗЬ *[испугавшись]*.

Лежитъ
Безъ памяти?

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ! ходитъ, говоритъ—
И есть еще надежда!

КНЯЗЬ.

Слава Богу!
[Докторъ уходитъ].

Выходъ седьмой.

КНЯЗЬ.

О, наконецъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньи?

КНЯЗЬ.

А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна.
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете—мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки. — Подозрѣнья,
Ей стоятъ доказательствъ. Ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье—
Вотъ цѣль его тогда и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги—и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете—я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

КНЯЗЬ.

Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я разсказать бы радъ,
Да что вамъ наскучать!
Къ тому жъ весь городъ говоритъ.

КНЯЗЬ.

Мысль нестерпимая!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Она васъ слишкомъ мучитъ.

КНЯЗЬ.

О, вы не знали, что такое стыдъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Стыдъ?—нѣтъ! и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

КНЯЗЬ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна.—Онъ точно. Удалитесь

На мигъ; есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.

[Князь отходитъ всторону].

Выходъ восьмой.

АРБЕНИНЪ *[со свѣчей].*

АРБЕНИНЪ.

Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ,—я имъ проникнутъ весь;

Оно меня преслѣдуетъ; безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.

Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько разцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался?—Невозможно!

Мнѣ ошибиться?—кто докажетъ мнѣ
Ея невинность?—ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? есть у меня они?
Я не повѣрилъ ей—кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный.—Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Осмѣлюсь—я!

АРБЕНИНЪ *[сначала пугается и, отойдя, подноситъ къ лицу свѣчу]*.

А кто же вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня—а были мы друзья.

АРБЕНИНЪ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

АРБЕНИНЪ *[вздрогнувъ]*.

Пророковъ не люблю, и выйти васъ
Прошу немедленно—я говорю серьезно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Все такъ, но не смотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду.—Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней,
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру—но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.

АРБЕНИНЪ.

Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. *[Садится]*. Я слушаю.

НЕИЗВѢСТНЫЙ *[всторону]*.

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. *[Ему]*. Семь лѣтъ тому назадъ,
Ты узнавалъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ—я разбирать не буду
Твоей души—ее пойметъ лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ.

АРБЕНИНЪ.

Дебютъ хорошъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Конецъ не будетъ хуже
Разъ, ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ; и къ тому же
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой—
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться,
Но ты, хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ—и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были—
Ты помнишь, можетъ быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ!

И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.
[Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается].
И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все — женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги—царь земли;
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь;
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье—
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

АРБЕНИНЪ.

Прочь! я узналъ тебя—узналъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прочь! Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся—
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я: за что жъ
Онъ счастливъ?—и шептало
Мнѣ чувство внятное: «иди, иди, встревожь!»
И сталъ я слѣдовать, мѣшаясь съ толпой,
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавалъ—и наконецъ
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай—я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну...
[Протяжно].
Послушай: ты... убилъ свою жену!...
[Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ].

АРБЕНИНЪ.

Убилъ?—я? — Князь! — О! что такое!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ *[отступая].*

Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.

АРБЕНИНЪ *[приходя въ бѣшенство].*

А! заговоръ!... прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ... я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя,
И противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ, обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею!...
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ постаринѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!...
Да! сцена хорошо придумана; но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины—нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? не странно: жизнь глупца
Жизнь площаднаго волокиты!
Утѣшьтесь же теперь—вы будете убиты,
Умрете—съ именемъ и смертью подлеца.

КНЯЗЬ.

Увидимъ но скорѣй...

АРБЕНИНЪ.

Идемъ, идемъ!

КНЯЗЬ.

Теперь я счастливъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ *[Останавливая]*.

Да! а главное забыли!...

КНЯЗЬ *[останавливая Арбенина]*.

Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

АРБЕНИНЪ.

Что? что?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Твоя жена невинна
слишкомъ строго
Ты обошелся...

АРБЕНИНЪ *[хохочетъ]*.

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй—мнѣ дороги мгновенья...

[Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ].

НЕИЗВѢСТНЫЙ *[поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно]*.

Казнитъ злодѣя провидѣнье;
Невинная погибла—жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная гроза!...
Что ты замолкъ, несчастный
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!

АРБЕНИНЪ *[бросается на нихъ]*.

Я задушу васъ, палачи!

[Вдругъ слабѣетъ и падаетъ на кресла].

КНЯЗЬ *[толкая грубо]*.

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты — споръ нашъ не рѣшонъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Быть можетъ...

КНЯЗЬ.

Вы помѣшали мнѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

АРБЕНИНЪ [*встаетъ съ дикимъ взглядомъ*].
О, что сказали вы?... Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже!... Мнѣ прощенья? [*Хохочетъ*].
А слезы, жалобы, моленья!
А ты простилъ?
[*Становится на колѣна*].
Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна:
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили.
Она невинна? Развѣ вы тутъ были,
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила!..
Ошибка... я ошибся... что жъ?
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь..[*Встаетъ*].
Я это ей сказалъ. [*Молчаніе*].
Вотъ что я вамъ открою:
Не я ее убійца. [*Взглядываетъ пристально на неизвѣстнаго*].
Ты, скорѣй!
Признайся, говори, смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною.
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ—но я тебѣ прощаю!
[*Упадаетъ на грудь ему и плачетъ*].

НЕИЗВѢСТНЫЙ [*отталкивая его грубо*].
Приди въ себя—опомнись... [*Князю*].
Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... [*Беретъ его за руку*].
Арбенинъ!

АРБЕНИНЪ.
Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...
Сюда... сюда... [*Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ ея*].

КНЯЗЬ.
Остановите!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.
И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

АРБЕНИНЪ [*возращаясь съ дикимъ стономъ*].
Здѣсь посмотрите! посмотрите!...
[*Прибѣгая на средину сцены*].
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!
[*Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ*].

НЕИЗВѢСТНЫЙ.
Давно хотѣлъ я полной мести—
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

КНЯЗЬ.
Онъ безъ ума — счастливъ; а я на вѣкъ лишенъ
Спокойствія и чести!

Примѣчанія къ I тому.

БІОГРАФІЯ.

Стр. 2. Русскіе акты о предкахъ поэта—*Рус. Старина* 1873, VII, 548. Тамъ же шотландскія извѣстія о родоначальникѣ Лермонтовыхъ.

Стр. 3. О прадѣдѣ Лермонтова—*Р. Архивъ,* 1875, III, 107.

Указъ объ отставкѣ отца Лермонтова—*Р. Стар.* 1873, VII, 563.

Родословная Лермонтовыхъ въ Россіи — *Р. Стар.* 1873, VII, 551.

Стр. 4. Отзывъ Сперанскаго объ отцѣ М. Ю. Лермонтова—*Р. Арх.* 1872, II, 1851.

Дворянская грамота, выданная Ю. П. Лермонтову—*Р. Ст.* 1882, XXXIII, 469.

Стр. 6. Свѣдѣнія о матери М. Ю. Лермонтова — *Р. Арх.* 1872, II, 1851; Альбомъ ея — *Историч. В.* 1881, VI, 375.

Документъ о рожденіи М. Ю. Лермонтова—*Р. Ст.* 1873, VIII, 113.

Стр. 7. Свѣдѣнія о бабушкѣ М. Ю. Лермонтова—*Р. Ст.* 1884, XLIII, 122.

Стр. 11. Дѣтство Лермонтова—*Р. Обозр.* 1890, авг. 724., *Ист. В.* 1881, VI, 377.

Стр. 11—14. Лермонтовъ въ Москвѣ, пребываніе въ пансіонѣ.—*Р. Ст.* 1881, LXI, 162, *Ист. В.* 1884, XVI, 606, *Р. Обозр.* l. c., *Р. Ст.* XLIV, 589, *Р. Арх.* 1875, III, 384 (свѣдѣнія о Мерзляковѣ). „Ученическія тетради Лермонтова" *Отеч. Зап.* 1859, VII, XI.

Стр. 14—15. «*Записки Е. А. Хвостовой*", СП. 1871 г. *Р. Обозр.* l. c.

Стр. 17. Пребываніе Лермонтова въ университетѣ—*Р. Ст.* 1875, XIV, 60, *Р. Об.* l. c. свѣдѣнія о профессорахъ—*Р. Арх.* 1875, III, 384.

Стр. 22—25. Лермонтовъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ — *Р. Ст.* 1890, LXV, 591.

Маёшка—*Р. Ст.* 1873, VII, 390; 1882, XXXV, 616; *Р. Арх.* 1872, II, 1778. *Р. Ст.* 1884, XLIV, 590; *Атеней*, 1858, XLVIII.

Стр. 25—29. Лермонтовъ по выходѣ изъ школы—*Р. Ст.* 1873, VII, 383, 1882, XXXV, 616; *Р. Арх.* 1872, II, 1772, Хвостова, 134.

Стр. 29—31. Стихи на смерть Пушкина—*Р. Арх.* 1872, II, 1813, *Р. Ст.* 1873, VII, 384, *Р. Обозр.* l. c.

Стр. 31—37. Первое пребываніе Лермонтова на Кавказѣ, возвращеніе, дуэль съ Барантомъ—*Р. Ст.* 1882, XXXV, 617, 1884, XLIV, 592. *Р. Об.* l. c. стр. 741, *Р. Ст.* 1873, VII, 385.

Стр. 37—39. Второе пребываніе Лермонтова на Кавказѣ—*Р. Ст* 1884, XLI, 83, 1873, VII, 387; 1882, XXXV, 619; 1885, XLV, 474; 1875, XIV, 61; 1879, XXIV, 529; *Ист. В.* 1886, XXIV, 321, 555. 1880, I, 880; 1885, XIX, 473; XX, 712; 1890, XXXIX, 726. *Р. Об.* l. c.; *Атеней,* l. c.; *Р. Арх.*, 1874, II, 661, 1872, I, 206.

Стр. 39—43. Дуэль съ Мартыновымъ—*Р. Ст.*, 1873, VII, 385; 1875, XIV, 60...; 1882, XXXV, 620; *Р. Арх.* 1872, I. 206; II, 1829, 1874, II, 687. *Ист. В.*, 1881, VI, 449; *Атеней*, l. c.; *Всемірный трудъ* 1870, X, *К. Бѣлевичъ*: „Нѣсколько картинъ изъ кавказской жизни и правила горцевъ". Сп. 1891; „Военно-судное дѣло", письмо Мартынова, разсказъ о похоронахъ Лермонтова, Отзывъ Ермолова напечатаны въ приложеніи къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой".

Всѣ цитаты изъ произведеній Лермонтова сдѣланы по седьмому изданію, Сп. 1889 г.; письмо къ Верещагиной (стр. 24) и къ Раевскому (стр. 31) взяты изъ *Р. Об.* 1890, авг. 734, 741; выдержки изъ юношеской повѣсти сдѣланы по тексту въ *В. Евр.* 1873, X.

ЛИРИКА.

Ангелъ. Фототипія.

Въ рукописи это стихотвореніе сначало было озаглавлено „Пѣснь Ангела".

Послѣ стиха: „Остался безъ словъ, но живой", сначала была написана еще строфа и начало послѣдней:

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала: о звукахъ святыхъ
Не помня значенія ихъ.
И долго желаньемъ напраснымъ полна
Страдала, томилась она.

Вмѣсто стиха: „И долго на свѣтѣ томилась она",—

Варіантъ:

Съ тѣхъ поръ неизвѣтнымъ желаньемъ полна.

Два великана. Стр. 1.

Въ черновомъ наброскѣ этого стихотворенія (набросокъ относится къ 1832 году), между 2 и 3 строфами была написана строфа, потомъ зачеркнутая:

Страшны міру были оба,
Съ гордымъ пасмурнымъ челомъ;
Но въ одномъ кипѣла злоба,
А презрѣніе въ другомъ.

Кромѣ того было:

4 стихъ—1 строфы: Изъ далекихъ южныхъ странъ.
2 стихъ—2 строфы: Ужъ гремѣлъ объ нихъ разсказъ.
1 стихъ—4 строфы: Но улыбкою одною.

Русалка. Стр. 2.

Варіанты. Вмѣсто: „Играетъ мерцаніе дня"—

Не бываетъ ни ночи, ни дня,

Вмѣсто: „Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ"—

Завернутъ въ студеный покровъ.

Вмѣсто; „Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой"—

Такъ пѣла русалка, и пѣла одна
Непонятной печали полна;
И шумя и крутясь колебала рѣка...

Умирающій гладіаторъ. Стр. 4.

Въ рукописи Лермонтова это стихотвореніе оканчивается слѣдующими зачеркнутыми стихами:

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ - игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ... Стр. 5.

Варіантъ послѣ стиха: „Заманчиво звучитъ".

И сладостнѣй звучитъ
И сердце робкое трепещетъ
И тѣшится джигитъ.

Молитва. Стр. 6.

Въ рукописи озаглавлено: „Молитва странника".

Вмѣсто:

„Окружи счастіемъ счастья достойную.
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманья"—

Окружи счастіемъ душу достойную,
Дай ей простыхъ друзей полныхъ вниманья.

На смерть Пушкина. Стр. 7.

Въ рукописи озаглавлено: „Смерть Поэта". Въ нѣкоторыхъ спискахъ стихотворенія поставленъ эпиграфъ изъ трагедіи Венцеславъ, соч. Ротру, въ переводѣ А. А. Жандра:

Отмщенье, государь! отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ, казнь его, въ позднѣйшіе вѣка,
Твой правый судъ потомству возвѣстилъ,
Чтобъ видѣли злодѣи въ немъ примѣръ.

Вмѣсто стиховъ:

„Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ"

Были стихи:

Не вы ль сперва такъ злобно гнали
Его свободный, смѣлый даръ.

Вмѣсто: „И для потѣхи возбуждали"—

И для потѣхи раздували

Вмѣсто: „Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ"—

Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ ничтожнымъ.

Узникъ. Стр. 17.

Варіанты. Вмѣсто: „Въ степь какъ вѣтеръ улечу".

Въ чисто поле улечу.

Вмѣсто: „Дверь тяжелая съ замкомъ
Черноокая далеко".

Дверь съ безжалостнымъ замкомъ;
Краснодѣвица далеко.

Вмѣсто: „Добрый конь въ зеленомъ полѣ" и т. д.

Добрый конь безъ сѣдока
Ходитъ мирно въ чистомъ полѣ;
Безъ узды, одинъ на волѣ,
Ходитъ веселъ и игривъ.

Вмѣсто: „Звучномѣрными шагами".

Мѣрнозвучными шагами

Когда волнуется желтѣющая нива. Стр. 18.

Варіанты. Вмѣсто: „И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка"—

И свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка.

Вмѣсто: „Про мирный край, откуда мчится онъ"—

Про дальній край, откуда мчится онъ.

Дума. Стр. 19.

Варіантъ. Вмѣсто:
Передъ опасностью позорно-малодушны.
И передъ властію презрѣнные рабы".

Предъ подвигомъ добра постыдно-малодушны,
И передъ властію ничтожные рабы.

Памяти Александра Ивановича Одоевскаго. Стр. 26.

Варіантъ: Вмѣсто: „Вернулся я, и время испытанья"

Вернулся я, и годы испытанья.

Поэтъ. Стр. 27.

Оглавленія въ рукописи нѣтъ.

Варіанты. Вмѣсто: „Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ" и т. д.

Въ серебряныхъ ножнахъ блистаетъ мой кинжалъ:
Геурга стараго издѣлье.

Вмѣсто: „Наслѣдье браннаго Востока".

Давно утраченное зелье.

Вмѣсто: „Не зная платы за услугу" и т. д.

Какъ брату старшему и другу
И слышалъ онъ одинъ, его полночный бредъ,
И сердца гордаго біенье.

Вмѣсто: „Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ" и т. д.

И какъ сестра дѣлилъ печали;
Ни золотой узоръ, ни хитрая рѣзьба
Его ноженъ не украшали.

Вмѣсто: „Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ"—

Ноженъ изрубленныхъ когда то на войнѣ.

Вмѣсто: „Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ"—

И нынче въ золотѣ онъ блещетъ на стѣнѣ

Вмѣсто: „Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ"—

Величественъ и простъ былъ гордый твой языкъ.

Казотъ. Стр. 28.

Оглавленія въ рукописи не сдѣлано.

Журналистъ, читатель и писатель. Стр. 32.

Варіанты. Вмѣсто: „Обдумать зрѣлое творенье"—

Обдумать рѣзкое творенье.

Вмѣсто:
„Всѣ въ небеса неслись душою
Взывали съ тайною мольбою"—

Всѣ на войну неслись душою,
Взывали съ тайною тоскою.

Вмѣсто:
„Она быть можетъ и чиста
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ"—

Она, хоть можетъ быть чиста,
Но какъ-то страшно безъ перчатокъ.

Вмѣсто:
„И въ риѳмахъ часто недочетъ
Возьмешь-ли прозу?—переводъ"—

И въ риѳмахъ частый недочетъ.
Откроешь прозу—переводъ.

Вмѣсто: „Читалъ я. Мелкія нападки"—

Читалъ я. Громкія нападки

Вмѣсто: „Владѣетъ онъ изряднымъ слогомъ"—

Владѣетъ онъ пріятнымъ слогомъ

Вмѣсто:
„Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ"—

Чтобъ ядъ пылающей страницы
Нарушилъ сонъ отроковицы
И сердце юноши увлекъ

Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Стр. 40.

Первоначальная редакція этого стихотворенія:

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать васъ я желалъ,
Но эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской,
Нѣтъ, не впишу я ничего
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской,—
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ неискусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Позднѣйшая но недоконченная передѣлка этого стихотворенія:

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать желалъ я васъ,
Но лучъ заманчивой надежды
. . . .
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но молча вы глядите строго —
И я въ смущеніи молчу.
Словами важными порою
Вашъ смѣхъ боюсь я возмутить
. . . .
. . . .
Что дѣлать! рѣчью неискусной
Занять васъ . . . .

Къ портрету графини А. К. Воронцовой-Дашковой. Стр. 41.

Въ рукописи было озаглавлено: „Портретъ свѣтской женщины". Вмѣсто 3 и 4 стиха первой строфы было написано:

Глаза говорятъ, какъ слова,
И блещутъ обманчивымъ свѣтомъ.

Третья строфа тоже была написана иначе:

Лицо отразитъ какъ стекло,
Не скроетъ и радость и горе;
Въ умѣ ея вѣчно свѣтло,
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

Любовь мертвеца. Стр. 42.

Стихотвореніе первоначально было озаглавлено: „Новый Мертвецъ", а потомъ „Живой Мертвецъ".

Къ стиху: „Покоя, мира и забвенья"

Варіантъ. Ты знаешь мира и забвенья

Посвященіе къ поэмѣ Демонъ. Стр. 42.

Къ стиху: „И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ".

Варіантъ. И дружно я на дружній зовъ отвѣтилъ.

Автографъ этого стихотворенія, находящійся у П. И. Бартенева, представляетъ слѣдующій варіантъ:

Тебѣ Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежной.
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Еще ребенкомъ, чуждый и любви
И думъ честолюбивыхъ, я безпечно
Бродилъ въ твоихъ ущельяхъ. Грозный, вѣчный,
Угрюмый великанъ! меня носилъ
Ты бережно, какъ пестунъ, юныхъ силъ
Хранитель вѣрный...
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесамъ, гдѣ, блистая
Лучемъ зари, сбирались облака,
Туманныя вершины омрачая,
Косматыя, какъ перья шишака;
А въ далекѣ, какъ вѣчныя ступени
Съ земли на небо, въ край моихъ видѣній,
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственнѣй, синѣй одна другой,
Все горы, чуть примѣтныя для глаза,
Сыны и братья грознаго Кавказа.

Сосна. Стр. 43.

Первоначально было набросано:

СОСНА.

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kohler Höh
Heine.

На хладной и голой вершинѣ
Стоитъ одиноко сосна,
И дремлетъ... подъ снѣгомъ сыпучимъ,
Качаяся дремлетъ она.
*
Ей снится прекрасная пальма
Въ далекой восточной землѣ,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скалѣ.

Къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной. Стр. 43.

Варіантъ.
Графиня Эмилія
Стройнѣе, чѣмъ лилія;

Такой станъ и талія
Конечно не встрѣтятся...
и т. д.

Изъ альбома Софьи Николаевны Карамзиной. Стр. 44.
Послѣ послѣдней строфы было:

Люблю я разговоры ваши,
И „ха-ха-ха!“ и „хи-хи-хи!“
Смирновой штучки, фарсы Саши,
И Ишки Мятлева стихи.

„Слышу ли голосъ твой“. Стр. 44.
Было:

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и сладостный
Сердце какъ птичка
Въ клѣткѣ запрыгаетъ.
Встрѣчу ль глаза твои
Какъ небо глубокіе —
Душа имъ на встрѣчу
Изъ груди просится.
И какъ-то весело!
И хочется плакать.
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся...

Есть рѣчи значенье... Стр. 45.
Первоначальная редакція этого стихотворенія, озаглавленнаго „Волшебные звуки“, слѣдующая:

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья,
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья...
Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ Божіимъ свѣтомъ
Душа озарится
Средь шума мірскова
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду;
Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.
Надежды въ нихъ дышутъ,
И жизнь въ нихъ играетъ,
Ихъ многіе слышутъ,
Одинъ понимаетъ.
Лишь сердца роднова
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки,
Душа ихъ съ моленьемъ
Какъ ангела встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Имъ сердце отвѣтитъ.

Оправданіе. Стр. 45.
Вмѣсто: „О заблужденіяхъ страстей“,
Было: О дняхъ безумства и страстей,

Послѣднее новоселье. Стр. 47.
Вмѣсто: „Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній“
Было: Съ насмѣшкой глупою среди пустыхъ волненій

Варіанты. „Какъ женщина, ему вы измѣнили“.
Какъ женщина ему вы нагло измѣнили
„Лишенный правъ и мѣста гражданина“,
Лишенный правъ святыхъ и мѣста гражданина,
„Вы сына выдали врагамъ!“
Вы сына продали врагамъ!
„Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ“.
„Безмолвною и гордою тоской,“
Одинъ замученный враждою неумѣстной
По каплѣ выпивъ ядъ тоски своей нѣмой
„И какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ“
„Кричитъ: „подайте намъ священный этотъ прахъ!“
И въ боевомъ плащѣ какъ ратникъ неизвѣстный
Кричитъ: „подайте намъ его священный прахъ
„Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя“,
Онъ нашъ! его теперь грядущей жатвы сѣмя
„И возвратился онъ на родину. Безумно,“
И гробъ его на родину опять везутъ
„Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
„Такъ жадно, столько лѣтъ—спокойствія и сна!“
Вокругъ того, кто столько лѣтъ въ пустынѣ
Такъ жадно ждалъ спокойствія и сна!
„Какъ будетъ онъ жалѣть печалію томимый,

О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!"

Какъ будетъ онъ жалѣть по островѣ далекомъ,
Подъ знойнымъ солнцемъ южныхъ странъ
Гдѣ сторожилъ его своимъ зеленымъ окомъ.
и т. д.

Кинжалъ. Стр. 48.

Въ рукописи сначало было озаглавлено: „Подарокъ", а послѣ написано „Кинжалъ".

Вмѣсто: „Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,

Было: Мы не разстанемся, любезный мой кинжалъ

Вмѣсто: „На грозный бой точилъ черкесъ свободный".

Точилъ на вольный бой тебя черкесъ свободный.

Вмѣсто: „Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья",

Въ знакъ памяти, на вѣчную разлуку,

Вмѣсто: „Но свѣтлая слеза — жемчужина страданья" —

А чистая слеза—невольнаго страданья

Вмѣсто: „Исполнены таинственной печали" —

Подобно закаленной стали

3 строфа была набросана первоначально такъ:

Лилейная рука тебя мнѣ подняла
И очи черные, твоей подобно стали,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали
И надпись мнѣ твою красавица прочла.

Сосѣдка. Стр. 49.

Вмѣсто восьмой строфы было:

У отца ты украдь мнѣ ключи
Часовыхъ разойтись—подъучи
А для тѣхъ, что у дверей стоятъ
Я сберегъ наточенный булатъ.

Договоръ. Стр. 50.

Вмѣсто: „Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ"—было:

Пускай толпа глядитъ съ презрѣньемъ

Казбеку. Стр. 53.

Оглавленія въ рукописи поэтомъ не сдѣлано.

Валерикъ. Стр. 55.

Вмѣсто: „И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ"...

Было: И въ размышленіи холодномъ
Топилъ напрасно жизни цвѣтъ...

Вмѣсто: „То иль другое наказанье—
Не все ль одно! Я жизнь постигъ".

Одно, другое ль наказанье?
Не все ль равно. Я жизнь постигъ.

Послѣ стиха: „Лазурно-яркій сводъ небесъ" было наброcано:

Лазурно-темный сводъ небесъ.
И шли мы въ тишинѣ глубокой
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій.
Чечня возстала вся кругомъ.
У насъ двухъ тысячъ подъ ружьемъ
Не набралось бы. Слава Богу,
Выходитъ изъ кустовъ обозъ.
Въ цѣпи стрѣльба; но началось
И въ арьергардѣ понемногу.
Вотъ жарче, жарчѣй... Крикъ!... Глядимъ:
Ужъ тащутъ одного,—за нимъ
Другихъ... и много... ружья носятъ
И кличутъ громко лекарей!
Ужъ имъ не вмочь—подмоги просятъ;
Да! нашихъ тамъ порядкомъ косятъ...
„Сюда орудіе, скорѣй
Картечи!..." Тихо развернулся
Межъ тѣмъ въ полянѣ весь отрядъ.
Кругомъ зеленый лѣсъ замкнулся,
Дымится весь... Свистятъ, жужжатъ
Надъ нами пули. -Передъ нами
Оврагъ, рѣка,—по берегамъ
Валежникъ, бревна здѣсь и тамъ,—
Но ни души... Кусты вѣтвями
Сплелись.... Мы ближе подошли,
Орудій восемь навели мы
На дерева, въ оврагъ, безъ цѣли,
Гранаты глухо загудѣли
И лопнули... Отвѣта нѣтъ...
Мы ближе... Что за притча право?
Вотъ отъ ружья какъ будто свѣтъ,
Вотъ кто-то выбѣжалъ на право,
Мелькнулъ и скрылся врагъ лукавой..
Мы снова тронулись впередъ.
Послали выстрѣлъ имъ прощальный...
И ружей вдругъ изъ семисотъ
Осыпалъ насъ огонь батальный,
И затрещало... По бокамъ,
И впереди, и здѣсь и тамъ
Валятся цѣлыми рядами
Второй и третій батальонъ;
Какъ птицъ насъ бьютъ со всѣхъ сторонъ

„Не мѣшкать, братцы! молодцами!..“
Кровь загорѣлася въ груди.

Послѣ стиха: „Забилось сердце не одно“.

Варіантъ: Какъ передъ бурей тишина,
Вдругъ залпъ... и цѣлыми рядами
У насъ попадали... Полки....

Послѣ стиха: „Хотѣлъ воды я зачерпнуть“ въ рукописи зачеркнуты:

Тогда, на самомъ мѣстѣ сѣчи,
У батареи я прилегъ
Безъ силъ и чувствъ; я изнемогъ.
Но слышалъ, какъ просилъ картечи
Артиллеристъ. Онъ приберегъ
Одинъ зарядъ на крайній случай.
Ужъ раза три чеченцы тучей
Кидались шашки на-голо.
Прикрытье все почти легло.
Я слушалъ, очень равнодушно...
Хотѣлось спать и было душно.
Межъ тѣмъ товарищей друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашелъ въ душѣ моей
Я сожалѣнья, ни печали.
Ужъ все затихло...
Межъ тѣмъ, затихло все; тѣла
Нагія грудою лежали
Огромной кучей; текла
Струями кровь по каменьямъ...

Вмѣсто четырехъ стиховъ послѣ стиха: „Я думалъ: жалкій человѣкъ!“ Было:

Я молвилъ: жалкій человѣкъ
Какъ звѣрь, онъ жаденъ, дикъ и злобенъ
Къ любви и счастью неспособенъ!
Пускай же гибнетъ подѣломъ!
И стало мнѣ смѣшно потомъ...

Вмѣсто: „Но я боюся вамъ наскучить“. Было:

Но я наскучилъ вамъ довольно.
Спокойна совѣсть у меня.

Вмѣсто: „Слѣдъ заботы и печали“ и т. д.

Не разберешь слѣдовъ печали
Или страстей и вы едвали
Хоть разъ когда-нибудь видали
Какъ умираютъ. Дай вамъ Богъ
И не видать въ самозабвеньи.

Сказка для дѣтей. Стр. 58.

Вмѣсто: „Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ“ Было:

(Хотя у многихъ нынче стихъ не гладокъ)
Но публика все проситъ новыхъ темъ,
Кто-жъ виноватъ? Сложить бы на покойныхъ
Да совѣстно—межъ ними есть достойныхъ
Не мало; а самъ стиховъ давно я не читаю.

Послѣ стиха: „Стиховъ я не читаю, но люблю“

Было набросано:

2.

Мы женщинъ презираемъ, потому
Что некогда намъ волноваться страстью;
Науки были бъ нашему уму
Доступны... но они вредили бъ счастью.
Служить конечно должно-бъ—да къ чему?
Безъ насъ найдутся ревностныя слуги;
Къ тому же *рано* тайные недуги
Тревожатъ насъ, и мы таки должны
Себя сберечь для будущей жены...
Оброкъ не худо также намъ собрать бы
Чтобъ на воды уѣхать послѣ свадьбы.

3.

Межъ тѣмъ о благѣ міра, чуждыхъ странъ
Заботимся, хлопочемъ мы не въ мѣру.
Съ Египтомъ новый сладитъ ли султанъ?
Что Тьеръ сказалъ—и что сказали Тьеру!
На всѣхъ набрелъ политики туманъ
И воютъ всѣ,—а можно жъ насъ исправить
Лишь только бы стихи читать заставить,
И потому рѣшился я писать,
(Хоть для всего что надо мнѣ сказать
Размѣръ и немножко будетъ тѣсенъ)
Короткую поэмку въ сорокъ пѣсень.

Стр. 61, 8-я строка снизу: Конецъ этой строфы послѣ стиха: „Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ“ и начало слѣдующей были набросаны такъ:

Познаній жажда, червь души незрѣлой,
Закралось въ грудь ее, и закипѣло
Желаніе въ играющей крови;
Съ дрожащихъ устъ порой слова любви
Рвались и замирали; пламень темный
Въ глазахъ сіялъ... Я и свидѣтель, скромный

*

Я ждалъ,—и всюду слѣдовалъ за ней!
Влюбился я въ ее воображеніе,
И въ эту душу полную страстей
Готовыхъ пробудиться. Сожалѣніе,
Меня впервые тронуло, людей...

Нѣтъ, не тебя. Стр. 63.

Вмѣсто: „Не для меня красы твоей блистанье“ было:

Не для меня красы твоей сіянье;

Вмѣсто: „И молодость погибшую мою“ было:

И молодость безумную мою.

Вмѣсто: „Таинственнымъ я занятъ разговоромъ“—было:

И увлеченъ отраднымъ разговоромъ.

Споръ. Стр. 63.

Вмѣсто—„Онъ настроитъ дымныхъ келій“ было:

Онъ настроитъ тѣсныхъ келій

Вмѣсто: „Въ глубинѣ твоихъ ущелій“

Въ дымной мглѣ твоихъ ущелій

Вмѣсто:

„Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ“.

Берегись, первый труденъ
Только былъ скачекъ.

Вмѣсто: „Какъ степной ковыль“;

Какъ въ степи ковыль;

„Мчатся пестрые уланы“,

Скачутъ легкіе уланы

„И дымясь, какъ передъ боемъ“,

Чуть дымясь, какъ передъ боемъ

„И испытанный трудами“

И испытанный волненьемъ

„Ихъ ведетъ, грозя очами“

Движетъ ихъ, грозя очами,

„Полный черныхъ сновъ“,

Полонъ черныхъ сновъ

„Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ“

На прощанье онъ окинулъ

Утесъ. Стр. 68.

Вмѣсто первыхъ трехъ стиховъ прежде были:

Какъ однажды тучка золотая
На сѣдомъ утесѣ ночевала.
Мчится вдаль она по утру рано...

Тамара. Стр. 69.

Вмѣсто: „Старинная башня стояла“, было

Высокая башня стояла

Вмѣсто: „Въ той башнѣ высокой и тѣсной“—

Въ той башнѣ зубчатой и тѣсной

Вмѣсто:

„Блисталъ огонокъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи“—

Сверкалъ огонекъ золотой
И звалъ онъ на отдыхъ ночной

Вмѣсто: Сто юношей пылкихъ и женъ“—

Сто юношей буйныхъ и женъ

Вмѣсто: „На тризну большихъ похоронъ“—

Иль праздникъ большихъ похоронъ

Вмѣсто: „И съ плачемъ безгласное тѣло“—

И съ воплемъ безгласное тѣло

Вмѣсто: „И было такъ нѣжно прощанье“—

Такъ нѣжно казалось прощанье

Морская царевна. Стр. 69.

Вмѣсто: „Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ“ и т. д. было:

Хвостъ, какъ змѣя, весь покрытъ чешуей
Бьетъ, замирая, песокъ золотой.

Свиданіе. Стр. 70.

Вмѣсто:

„Какъ сторожи стоятъ;
И поступью не смѣлою“—

Надъ кровлями торчать;
Изъ бань, толпой несмѣлою

Вмѣсто: „Напрасно грудь колышется!“—

Пусть грудь моя колышется

Вмѣсто: „Чу! близкій топотъ слышится“—

Вотъ, близкій топотъ слышится

Выхожу одинъ я на дорогу... Стр. 71.

Вмѣсто: „Я ищу свободы и покоя“ было:

Я прошу свободы и покоя

Вмѣсто: „Но ни тѣмъ холоднымъ сномъ могилы“ и т. д. было:

Но не мертвымъ страшнымъ сномъ могилы,
Безпробудно я бъ хотѣлъ заснуть,

Вмѣсто: „Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя, и т. д. было:

День и ночь, чтобъ голосъ, мнѣ отрадный,
Про любовь разсказывалъ и пѣлъ,
И чтобъ дубъ зеленый и прохладный,
Надо мной склонялся и шумѣлъ.

Пророкъ. Стр. 72.

Вмѣсто: „Въ очахъ людей читаю я“ было:

Въ глазахъ людей читаю я.

Вмѣсто:

Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой“ было

Я пробираюсь потаенно,
То слышу дѣтямъ говорятъ
Отцы съ улыбкою надменной:

Дубовый листокъ оторвался. Стр. 74.

Вмѣсто первыхъ двухъ стиховъ, было:

Листокъ молодой оторвался отъ вѣтки родимой
И въ даль укатился, холодною бурей гонимый;

Вмѣсто: „Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой“ и т. д., было:

Прижался и проситъ и молитъ съ тоскою глубокой,
И ей говоритъ онъ: „я бѣдный листочекъ дубовый,

Вмѣсто: „Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?"—

И слушать я также не стану твои небылицы!

Вмѣсто: „Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море",—
было:

Я солнцева дочь, для него лишь цвѣту, блистаю;
Я вѣтви по небу раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ покорное море.

